

18+

СИЯНА БУХАЛО

**Талантливый Дом. Книга 2.
Два солнца, сладкое
и солёное, освещают путь**

Сияна Бухало

**Талантливый Дом. Книга
2. Два солнца, сладкое
и солёное, освещают путь**

«Издательские решения»

Бухало С.

Талантливый Дом. Книга 2. Два солнца, сладкое и солёное,
освещают путь / С. Бухало — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689320-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Долгожданный финал конкурса «Эрудиты» и бал в
его честь, революция в чудотворческом мире и вскрытие старых семейных
тайн. Кем является каждый из студийцев-выпускников на самом деле —
волшебником, человеком, давным-давно потерянной особой королевских
кровей или чудовищем? Пешкой или ферзём? А главное: что скрывается в
глубине стен Талантливого Дома и как не потеряться между творящейся в
Вертфлесте мистикой и школьной реальностью, сохраняя при этом рассудок?

ISBN 978-5-00-689320-7

© Бухало С.

© Издательские решения

Содержание

Нулевая глава	6
Глава 01. Сладкое солнце. Про Загрея, правнука Гелиоса	7
Глава 02. Тюль цвета мокрого асфальта с белыми звёздами	11
Глава 03. 26/Сен/2019/Чт. Раннее утро четверга	13
Глава 04. Мечты о театре в безвременье	15
Глава 05. Север и юг на планете Райдо-Манназ	21
Глава 06. Южная страна и северная страна	24
Глава 07. Театр и цирк	27
Глава 08. День четверга. Комната, спрятанная от лишних глаз. Часть первая	30
Глава 09. Вечер четверга. Тыквенная дорога	31
Глава 10. Ночь четверга. Макинтош + Антоновка	37
Глава 11. Пламенный закат и ледяной рассвет	39
Глава 12. Репетиция	45
Глава 13. За час до взлёта и падения	47
Глава 14. 27/Сен/2019/Пт. Долгожданный финал	48
Глава 15. Зелёно-фиолетовый свет: жизнь и смерть	50
Глава 16. Закулисы	57
Глава 17. Первый конференц-зал в Златоглазых Горлицах	58
Глава 18. Учительская в Талантливом Доме	59
Глава 19. Второй конференц-зал в Златоглазых Горлицах	61
Глава 20. Дух Талантливого Дома	63
Глава 21. После полудня на Вертфлестском море	69
Глава 22. Стечения обстоятельств, не оставляющие надежд на благополучный исход	70
Глава 23. Кабинет Закатного Света	73
Глава 24. Кабинет Восстановления	75
Глава 25. Голая растерянность и закутанное в плед понимание	78
Глава 26. Красный гараж при Талантливом Доме	85
Глава 27. В процессе самопыток	90
Глава 28. Кабинет директора	95
Глава 29. Комната, спрятанная от лишних глаз: часть вторая	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Талантливый Дом. Книга 2. Два солнца, сладкое и солёное, освещают путь

Сияна Бухало

Иллюстратор Сияна Бухало

Иллюстрация на обложке Сияна Бухало

Редактор Сияна Бухало

Корректор Сияна Бухало

Фотограф Сияна Бухало

© Сияна Бухало, 2026

© Сияна Бухало, иллюстрации, 2026

© Сияна Бухало, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0068-9320-7 (т. 2)

ISBN 978-5-0067-8528-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нулевая глава

В этой книге Вам встретятся определённые песни, которые Вы можете либо добавить себе заранее в плейлист и включать в момент, когда они упоминаются в книге, либо не добавлять и не включать вовсе. Значок ноты (♪) подскажет, когда песню стоило бы включить. Музыкальный список к книге второй представлен в самом конце книги.

Пользуясь случаем, хочу выразить огромную благодарность за поддержку на протяжении всей жизни своим дорогим родителям, папе Славе и маме Инге, благодарность за самую милую заботу на свете любимой сестрёнке Свете, а также благодарность за понимание и вагон поддержки своему драгоценному супругу Вале. Я вас обожаю! Кроме того, я хочу выразить огромную благодарность своей учительнице по русскому языку и литературе, которая украшала мои седьмой, восьмой и девятый класс своими уроками, вдохновляла меня и поддерживала на пути писательства, пусть дело и касалось школьных сочинений и подготовки к ОГЭ... Гревцова Светлана Викторовна, я Вас вспоминаю добрым словом и по сей день, спасибо Вам! Благодаря Вам я полюбила чтение и русский язык всем сердцем и навсегда!

Без лишних слов...

Приятного прочтения, точнее же мягкого приземления на страницы истории и бессмертного погружения на глубины её тайн, друзья! Удачи! Удачи...?

Глава 01. Сладкое солнце. Про Загрея, правнука Гелиоса

Жил-был критский царь Минос, Зевсов сын, со супругою своею, Пасифаей, являвшейся дочерью самого бога солнца Гелиоса! Гелиос, поднимавший солнце утром и опускавший его вечером, состоял в пантеоне малых богов и делил небо с Зевсом из пантеона больших богов – все бессмертные родственники Зевса, близкие и далёкие, важные и неважные, состояли в большом пантеоне, потому что Зевс – самый главный из богов, но это касалось лишь кровных его родичей, к которым сват его, конечно же, не относился. Гелиоса деление Зевса на пантеоны не трогало, повелитель неба ему не докучал, бог солнца богу грома и молний не перечил – красота! Однако, несмотря на этот нейтралитет, одна бессмертная дочь Зевса ненавидела род Гелиоса! И началось всё с неба.

На небе древнегреческом богиня красоты и любви Афродита, дочь самого главного бога и ярчайшего из представителей большого пантеона богов, жила с мужем, искусным кузнецом и богом огня Гефестом, но не меньше её интересовал и Арес, бог войны. Каждый день с восходом солнца Гефест уходил помогать кузнецам для лучшего ведения войн, а к Афродите заходил Арес – они и болтали о своём, о пылком, и чай пили, и возлежали вместе. Однажды Гелиос увидел Афродиту с Аресом, пока солнце поднимал на небосвод, и рассказал он это Гефесту. Сердитый муж вспылал яростью и изобрёл специальное ложе-ловушку с золотыми цепями, которые сковали любовников на закате, да ночью к ложу подошли Гефест, Гелиос и приглашённые Гефестом олимпийцы. Уличитель осветил пред олимпийцами возлежащих ярким светом, сделав их свидетелями позора Афродиты, пока дом заливался пламенным смехом Гефеста. Сердце богини любви вспыхнуло ненавистью ко всему роду Гелиоса, она полюбила время, когда Гелиос-уличитель убирал с небосвода своё гадкое солнце и приглашал на небо сестру Селену, богиню луны, которую она полюбила всем сердцем. Смертный братец Афродиты Минос одним днём женился на дочери Гелиоса по любви, и Афродита, во имя мира и луны, остудила сердце да смягчилась на годы.

По настоянию Афродиты Посейдон подарил Миносу и Пасифае белоснежного и красивейшего из всех быков на свете, чтобы он, о критский царь, честью добившийся власти, подарил быка богам в час жертвоприношения, но Минос, восхищённый красотой животного, оставил его пастись у себя, а пожертвовал в отведённый богами час он неприметного серого бычка.

Афродита, от Посейдона об этом прознав, разделила с ним гнев...

– Поверить не могу, что у Пасифаи, как у дочери океаниды, хватило смелости и неуважения отдать Аид упаси что богам, так страстно оберегающим их дорогой Крит! Нельзя это так оставлять, Посейдон.

И наслал Посейдон с благословения Афродиты безумную страсть Пасифае к их ненаглядному быку, и обратилась царица к мастеру Дедалу, чтоб тот сделал для неё деревянную корову и обтянул ту кожей только что убиенной коровы. Супруга Миноса, отуманенная гневом Посейдона, выкатила после заката солнца футляр на луг и простояла там всю ночь, да родила чудовище – Минотавра, которому сам Дедал смастерил самый запутанный лабиринт на свете! Минотавр, существо с головой телёнка и телом мальчишки, был приговорён за ничтожность и уродство своё Зевсом и Афродитой никогда не видеть прекрасного белого света.

Позднее Минос, потерявший одного из сыновей по вине афинян, вынудил их каждые семь лет и семь месяцев отдавать по семь прекрасных дев и по семь крепких юнцов в лабиринт чудовища с головой быка и телом человека, а Гелиос, не верящий в чудовищность внука, выводил Минотавра на белый свет, познакомил с двоюродной бабушкой, богиней утренней зари Эос, а также со множеством его дядь и тёть, научил его мыслить, читать и писать.

Минотавр вырос, да выросла и его одноутробная сестра Ариадна, дочь Миноса и Пасифаи, критская царевна. Она познакомилась с афинским царевичем Тесеем, что задумался об убийстве терзавшего его народ чудовища, Минотавра, и, влюблённая и наивная, царевна помогла Тесею убить брата с помощью подаренного ему меча и выбраться из лабиринта с помощью подаренного ему клубка ниток.

– Эти дара два – моё тебе благословение! – поцеловала Ариадна Тесей в лоб.

Но Минотавра в лабиринте не оказалось, он был на работе, а Тесей Ариадне солгал, что убил чудище, да зарезал он всех слуг Минотавра, тех самых афинских юношей и дев, своих подданных, которые уж успели завести семьи меж собою.

Афинский царевич и критская царевна бежали на остров Наксос, где Ариадну, в любви разочарованную, Тесей и оставил. Спустя три дня и три ночи её нашёл один из младших Зевсовых детей, бог виноделия Дионис, они поженились и жили долго и счастливо, а прославленного подвигами Тесей скинул со скалы Ликомед, опылённый завистью царь Скироса.

Ариадна нашла своё счастье в семье, Тесей погиб от рук завистника, а что же Минотавр? Он добился тёпленького местечка главного охранника седьмого круга Ада, состоявшего из трёх поясов – Флегитона, т.е. реки с кипящей кровью, Леса Самоубийц с гаргульями в подчинении и Бесплодной Пустыни с раскалёнными песками. Он поддерживал ежедневные мучения тех, кто совершил насилие над людьми и их имуществом, над собой, а также над Богом, природой и искусством. В католический Ад Данте, состоящий из девяти кругов, было легко попасть на работу такому античному и сильному чудовищу, как Минотавр.

В тот день, когда Тесей убил его слуг и друзей да разгромил его дом при помощи сестры, которой он ничего плохого не сделал, Минотавр прибыл в такое бешенство, что чуть не превратился в зверя и не позабыл человеческую речь, он встал на руки и ноги, взревел, взвыл, замычал и заорал, а потом, а после он построил себе дом на Острове Античных Чудовищ, сделав из лабиринта своего склеп. Охранник седьмого круга Ада Данте удачно обустроился на защищённой от «героев» территории, подружился с циклопами, научившими когда-то самого Гефеста кузнечному ремеслу и с ткачихой Арахной, ставшей наполовину паучихой от гнева Афины.

Без своих слуг Минотавр скучал, он мечтал о семье, приходя домой после тяжёлого рабочего дня, но обращаться к Афродите и показываться, что он жив, не хотелось ему да опасно было – дедушка привил Минотавру небывалую осторожность по отношению к богине любви, которой насолил когда-то бог солнца.

В один особенно солнечный день Персефона, дочь Зевса и богини плодородия Деметры, украденная много вёсен назад Аидом и насильно ставшая ему женой, нашла выход из Аидова Царства мёртвых в другое царство мёртвых: она преодолела девятый круг Ада Данте, чуть не попала на глаза демонам восьмого круга и добралась, взбираясь по выступам скал, до седьмого круга. Она вскрикнула от радости, увидев между лесом с гаргульями и кипящей кровавой рекой какую-то обыкновенную дверь, настоящую дверь, вошла в неё и разрыдалась от отчаяния. Лабиринт Минотавра, из которого невозможно было выбраться, убивал её несколько суток...

Минотавр, нашедший измождённую и полумёртвую Персефону в своём склепе, увидел в красавице подарок свыше и заключил с ней сделку: он договаривается с Аидом об их разводе, забирает её себе в жёны, она видеть будет каждый день белый свет, то же сладкое солнце, что и везде, растить те же цветы, что и везде. Он ей – свободу, она ему – семью.

Остров Античных Чудовищ был тюрьмой покрасивее и поприятней, чем Царство Аида, и Персефона согласилась. Вскоре она сбежала от чудовища, который не столь и плохо к ней относился, но не мог дать ей желанную свободу. Персефона, бывшая владычица преисподней и богиня вёсен, обрела счастье рядом с матерью и больше с ней не расставалась. В гроте на краю света, где они стали жить, она родила дитя от Минотавра и назвала его Загреем – их сын был

поистине прекрасен для ребёнка своих родителей: большие и глубокие тёмные глаза, лучезарная улыбка и зачатки бычьих рогов.

Персефона растила сына, изредка веселясь с девятью музами, дочерьми Зевса и Мнемозины, богини памяти, а на седьмой свой день рождения оставила сына в гроте одного. Загрей, сын Минотавра и Персефоны, зашёл в залу, где музы обычно читали стихи, пели песни и рассказывали истории, а ныне сидел Гипнос, бог сновидений, и поодаль от него сидела Мнемозина с чашкой из-под чая в руках.

– Какие рога уже крепкие, да, Грей? – подозвал мальчика к себе задорный Гипнос.

– Не зови его так, Гипнос, – спокойно отколола богиня и поставила чашку на землю. – Ты знаешь, кто мы, о телёнок?

Мальчик кивнул, коснувшись рогов, и объятия Гипноса усыпили его. Бог сновидений лишил мальчика боли потери, а появившиеся за богом сновидений три мойры судьбы повозились в древнем швейном наборе да перекроили Загрееву судьбу, после чего богиня памяти коснулась лба именинника.

– Покуда сын отца не сыщёт, чего не будет никогда, рога твои исчезнут, мальчик, и память о детстве сотрётся без следа, но, если Минотавр коснётся лба – жизнь смертная и безрогая твоя вовек будет обречена! – прошипела Мнемозина. – Гипнос, унеси его далеко-далеко...

– Спасибо, – топталась Персефона на месте, последний раз наблюдая за сыном. – Гелиос не узнает?

– Мы с Гипносом сделаем всё, чтобы никто никогда ничего не узнал, но ежели Зевс, Гелиос, Селена или Эос что узнают... Против воли богов небесных мы, боги душ человеческих, не встаём.

– Благодарю, Мнемозина, за помощь и то добро, каким одарила мои глаза!

– Я пред Деметрой была в долгу и долг отдаю, запомни.

Загрей вырос, да в свои девятнадцать лет при помощи обманутого Афродитой Гипноса попал в руины лабиринта своего родного отца и чудом был спасён Мнемозиной от Минотавра. Богиня памяти поведала страшную тайну разъярённому чудовищу, на глазах ставшему человеком, только с бычьей головой.

После первого прикосновения охранника седьмого круга Ада Данте до лба юноши из головы его человеческой выросли рога, сопровождаясь адской болью! Загрей схватился за голову, боясь, что она вот-вот разорвётся, и упал.

Проснулся сын Минотавра и Персефоны на Острове Античных Чудовищ, на гостевой кровати, ставшей его собственной, другим человеком проснулся он. Отец отпаивал сына три дня и три ночи своим черепашным супом, затягивающим все раны, физические и душевные.

Когда Загрей познакомился поближе с друзьями своего отца, прознал побольше о его судьбе и узнал о смерти матери – он решил, что станет героем, что его происхождение не помешает ему стать новым видом героя легенд, что целью его станет перевоспитание зла в добро, нежели уничтожение зла, которое не искоренить!

Для начала ему надо было отпустить родную мать, богиню весны, поверженную мечом Ариадны за сокрытие тайны о живом Минотавре. Сын Персефоны прибыл на самый край света, на земли, где правили, как оказалось, ацтекские боги – Загрею было не до волнения, он разговаривал каждого из шести богов и богинь, подружился с богом смерти и гроз Шолотлем, да за увлекательную историю о жизни своей и жизни всех родственников пред девятью древнегреческими музами и шестью ацтекскими богами ему был преподнесён подарок у грота, где он был рождён.

– Твоя мать помогла Шочипилли и Ицпапалотль, моим брату и сестре, а история твоя, словно мёд для ушей, не отказывайся, – молвил грозный Шолотль.

– Зеркальное озеро, говоришь ты? – растеряно взглянул Загрей на серебристую водную гладь у грота.

– Я дарю тебе бессмертие и зазеркальный мир, о Загрей, я дарю тебе твоё королевство, Королевство Загрей!

– Благодарю! – поклонился рогатый полубог.

Хозяин нового мира повернулся к Леонардо Дейру, рыжевласому и зелёноглазому парню семнадцати лет, и обратился к нему.

– Гипнос завёл тебя ко мне иль Морфей?

– Что я здесь делаю?!

– Сладкое солнце привело тебя ко мне... – набрал Загрей в руки побольше воды и кинул в Леонардо, которого брызги понесли куда-то.

Ночь. Пятиконечная звезда всё мелькала в темноте, но тусклее.

Баночки с красками, падая со стола, разбивались, краски смешивались, включался и выключался радиоприёмник, мелодии, прерываясь, накладывались друг на друга, музыканты у радиоприёмника обсуждали что-то своё и на своём замудрённом языке ссорились, запахи из разных кулинарных лавок плясали бок о бок друг с другом в жарком дневном и холодном ночном воздухе, руки и ноги художников и писателей развязывались от радости, скрючивались и сжимались от страха, переставали держать форму в моменты бесцветные, беззвучные, безвкусные, без запаха и чувства.

Кто-то кинул бенгальский огонёк в темноту – танцующие искры устали сиять и уснули на асфальте небольшого города-государства в Тихом океане.

Голос Загрея, правнука бога солнца, и современные образы перед глазами ученика Талантливого Дома с буйством перемешивались.

– Цвета и мелодии, – говорил Загрей, – они как взгляды и голоса, как все жизни на свете – они удивительным образом связаны, хотя всегда кажется, что они все, что мы все такие разные, что никогда больше не узнаем ничего друг о друге, не встретимся, а, как бывает... случается всегда всё наперекор, Эрколе. Невезучим везёт, а везучим – отнюдь не везёт.

– Эрколе?! – вырвалось из уст Лео, лежащего под одеялом на полу в зале квартиры семейства Уиллоус, он ощупал лицо и признал, что на щеках вода; может кто-то из одноклассниц, спящих на диване, случайно пролил воду из ночного стакана, может это слюни? Объяснения воде были, однако сон не отпускал, и Загрей не отпускал тоже. «Почему Эрколе?» – вертелся на месте несладко проснувшийся студиец и задавал себе этот вопрос снова и снова, пока не уснул.

Глава 02. Тюль цвета мокрого асфальта с белыми звёздами

Зала с сотней стульев и сценой. Тёмная зала, в которой источник света – это рассветное солнце за высоко-высоко расположенными и небольшими-небольшими окнами. На стульях спокойно сидят люди с бликами сероватого беспокойства на лице. На сцену спиной опирается Дениэл, держа руки в карманах, лицо его серьёзно, а голова чуть опущена.

– Ещё есть вопросы? – спросил зелёноглазый и светловласый колдун.

Некий мужчина из зала поднял руку, мизинец на его поднятой ладони дёрнулся:

– Есть ли жизнь после смерти?

– Есть.

После слов чародея все в зале заахали и заохали. Дениэл поднял голову, вытащил руки из карманов и устало скрестил их на груди, уронив голову на одно из плеч.

– Достаточно частый вопрос! – заговорил зелёноглазый громче прежнего. – Странно, что людям обычно не хватает отведённого им времени.

– Людям всегда чего-то не хватает! – крикнула некая женщина из залы.

– И вы в их числе, сэр, – кивнул мужчина на ухмыляющегося волшебника.

– Не в их, – повседневно хмыкнул и чуть опустил голову молодой человек. – Мне на свете не хватает, хм, всего-то ничего! По пальцам пересчитать, но времени мне всегда хватало.

– Вы не жаждите бессмертия?! – чуть не поперхнулась женщина воздухом.

– Это не в моих интересах, – сказал, как отрезал, Дениэл. – Зачем живущему среди смертных, зачем тому, для кого смерть – инструмент, быть бессмертным? Не понимаю. Спасибо за внимание, леди и господа!

Дениэла на выходе из залы с замороженными, с оценёнными от чудаческих мыслей людьми приостанавливает Медуза.

– Они не имели права переходить на личное – мне жаль.

– Что с дураков взять кроме половинки от пуговицы? – смиренно пожал Дениэл плечами. – Разговор как разговор.

– Ничего не взять, – криво улыбнулась серокожая девушка.

– А что до бессмертных, то их пруд пруди, уток этих, только вот счастья им не хватает.

– Большое упущение.

– Соглашусь, Медуза. Теперь же прости меня: я пойду.

– К Ахтенфиру? – задалась она вопросом.

– Нет, в свою новую берлогу.

Зелёноглазый блондин поднимает левую руку с серебряным перстнем вверх и оказывается в деревянном доме с дощатыми полами, стенами и потолком, он присаживается на бежевый диван и принимается рассматривать свои ногти и грязь под ними, принимается удалять эту грязь.

К юноше подбегает, виляя хвостом, одноглазая мохнатая дворняжка!

– Что тебе, Альваро, м? – заулыбался Дениэл и почесал питомца за ухом.

Пёс запрыгивает к юноше и кладёт голову ему на колени.

– Всё будет хорошо, Альваро, – гладил парень своего пса с пониманием и заботой. – Я знаю, что мы делаем всё правильно, и нам никто не помешает – ни Лейнстрейнджи, ни Дрогельбеххеры, ни Рабы Судьбы, ни другие хозяева перстней, ни Эния, ни группировки какие-то... Никто! Всё будет по справедливости, и всё будет хорошо.

Юноша с течением времени заснул на диване с собакой в обнимку, и пальцы его подёргивались в беспокойном сне. Ласковое завывание пса под боком успокаивало дёргающиеся

пальцы свисающей с дивана руки, да грусть на бледном лице Зелёной молнии сменилась доброй улыбкой.

Вдруг собака открыла глаза и облизнула парню щёки!

– Ты чего...? – прохрипел парень, в полудрёме потирая глаза.

Собачник посмотрел на затюленное и незашторенное окно с хмуростью. Он встал с дивана, споткнулся, встал снова и открыл двери серо-зелёной спальни с зашторенными окнами:

– Надо бы тюли постирать, а то грязные, Альваро.

Пёс одобрительно гавкнул хозяину да замахал хвостом!

– Да-да, я тебя понял, Альваро... – полусонно посмеялся Дениэл и впустил пса в спальню. – Постираю я, постираю... Замолчи, ха-ха! – запрыгнул он на кровать по-ребячески. – Нам обоим нужен ОТДЫХ!

На комод в спальне Дениэла, Зелёной молнии, Повелителя Мух, Великого Змея, перстневого волшебника и поганца с носом, сунутым всюду, лежали письма из Вертфлеста (от некоторых его друзей), а также книга «33 стратегии войны» Роберта Грина и много цветных тёплых носков с забавными нашивками. Над комодом его висела политическая карта толкаевского мира с обведённой местностью близ Новой Зеландии.

Глава 03. 26/Сен/2019/Чт. Раннее утро четверга

♪ Trans-Siberian Orchestra – Wizards In Winter

В кухоньке Бобр-башни закипает чайник – журналистка Аника ставит кружку «Thank You For The Work #2» на столешницу и наливает в неё булькающий кипяток. Она кидает в воду с разводами чайный пакетик, пакетик прыгает несколько раз в грёбанном кипятке, тонет в нём и выпрыгивает из него, как ужаленный, пока голодная на зрелища Аника наблюдает за рябью на чернеющей воде, пахнувшей бодростью, как кукловод наблюдает за своими куклами.

Чай стынет – пар рассеивается.

Девушка забирает кружку и, не останавливаясь, уходит.

Математик Дейл забредает на кухню, кратко и молча кивает Анике, она ему отвечает тем же. Кто-то роняет кусок сливочного масла на пол и матерится. Светловласый юноша хлопает дверцей навесного ящика и осторожно ставит кружку на стол, держа её тремя пальцами за горло. Звонкий удар дна керамической кружки о столешницу из спрессованных крашенных опилок слышится всем соням на кухне. Чайной ложкой он выскребает из потёртой банки растворимый кофе, скрежет метала о стекло ещё больше раздражает и будит зевак, делающих бутерброды.

В небольшое помещение Бобр-башни, пропахшее чаем и бутербродами с плавленым сыром из микроволновки, влетает архитектор Джузеппе, хватая хлеб.

– Что за чёрт?! – потряс стеклянную банку с кофе и заглянул в неё одним глазом Дейл. – Уже кончилось?

– Счастливчик на покупку кофе! – щёлкнул заводной Джузеппе пальцами.

Кареглазый итальянец подмигивает однокласснику с греческой фамилией и вылетает из кухонных дверей, налетая на Анику с пустой на две трети кружкой чая.

– Джузеппе!!! Ты чего бегаешь?!

– Не обожглась?! – оглядел А-классник Цэ-классницу. – Не обли...?

Девушка без фамилии плескает остатки чая в лицо Растрелли и разворачивается, уходя восвояси. Она чуть поворачивает голову в его сторону и, не останавливаясь, фыркает:

– Козёл!

– Стерва... – смахнул парень капли остывшего напитка с лица и вытерся кухонным полотенцем.

Тем временем Ликос-старший перемешивает белый сыпучий сахар с чёрным растворимым кофе ложкой и ударяет по кнопке чайника, светлые глаза А-классника косятся на итальянца-одноклассника.

К расчёсанному светловласому юноше в чёрной рубашке подкрадывается его младший брат, младший на пару минут брат-близнец.

– Бу!

– Ты ч...! Чип!!! Что за игры?!

Чип Ликос облокотился на братское плечо, вскользь проведя рукой по своим лохматым волосам:

– И тебе утро доброе, братец! Традиционное настроение сменилось чёрным?

– Ох... Заправь футболку, Чип.

– Нет! – усмехнулся тот. – И не хмурься – сегодня великолепный день!

– Зелёная футболка? – с удивлением заметил Дейл. – Хех, серьёзно?

– Единственная чистая футболка!

– Не знал, что у тебя такое есть, ха-ха-ха!

– Ник отдал два года назад, – показал лохматый блондин своему прилизанному брату-близнецу язык. – Вот и повеселел!

Дейл хлопает брата по левому плечу, подходит к вскипевшему электрическому чайнику и берёт его в руки.

Чип встаёт на цыпочки, открывает дверцы навесного ящика и тянется к верхней полке. Край его свободной футболки накрывает кружку с кофейно-сахарной смесью и цепляет ложку.

– Горячий! – коснулся Дейл Ликос поверхности чайника.

Чип повернул голову к близнецу с упаковкой печенья в руке:

– Конечно!

Младший брат резко дернулся вниз с носок на пятки да пригнулся к столешнице – кружка разбилась о пол, а чёрно-белая, ароматная смесь из кофе и сахара распласталась по полу.

– Ой, – осмотрел Чип масштабы проблемы. – Прости.

– Ой? – спросил Дейл, находясь на взводе. – Ой...?!

– Конечно горячий, он же, ну, вскипел. А я пойду-ка, пока не вскипел, знаешь, ты!

– Убирай, Чип, – поставил Дейл руки в бока и бешено затопал левой ногой. – Во имя духа Белого волка – убрал живо!

Улыбка спала со счастливого Чипино лица:

– Сейчас-сейчас!

Около буддиста Иши на кухне упала полка с крупами, в то время как физик Рашель в прачечной споткнулась о таз с грязной одеждой.

Иша и Рашель взревели злым хором:

– Проклятье!

Город-государство Вертфлест сменяется селением Грибной Суп.

Глава 04. Мечты о театре в безвременье

Степь. Жухлая трава не колыхнется, не ползают под ней муравьи. Мёртвым чёрным кустам-колючкам некого колоть. Редкие вкрапления светло-зелёных карликовых сосен хаотичны и безвкусны, а вокруг них лягушки водят хороводы.

Вдали от степной желтизны стоит станция по выработке концентрированной волшебной энергии, чем-то похожая на толкаевские электростанции, также вдали виднеется старая стройка с кучей разбитых кирпичей и горами песка... Устремлённые ввысь ветки берёзок-недоростков потешно отливают розово-бордовыми красками и качаются соснам на смех.

Дениэл, только ступив в этот пейзаж, меняет его – с задором разбивает хороводы перепуганных земноводных, разбирает заброшенную стройку на камушки и деревяшки, мастериц взмахом руки танцплощадку лягушкам и, задумавшись, заставляет красноватые короткие берёзы вырасти в уродливые и сильные деревья, бросающие самые прохладные тени в этот энный жаркий день, а карликовым соснам Денни приказывает с напряжённой руки рассохнуться в щепки или сгнить под тенями берёз, став удобреньями. Сосны – все до одной – выбирают первое.

Из щепок светловласый паренёк собирает пианино и украшает его ярким мхом – он гордо присаживается за клавиши инструмента, в котором мало что понимает, и играет свою мелодию, пока его глаза животрепещуще сверкают в рассветном свете.

Дениэл никогда не изучал написание нот на бумажных линейках, не знал, как пишется и что означает скрипичный да басовый ключ, а длина между нотками-точками на учебных пособиях была для него случайностью, отсебятиной. Октавой для него были белые семь клавиш – До, Ре, Ми, Фа, Соль, Ля, Си, на территории которой, государства Октавы-то, ютилась пара чёрных клавиш, До Диез и Ре Диез, да троица чёрных клавиш: Фа Диез, Соль Диез, Ля Диез.

В голове Дениэла жила иерархия. Государство Большая Октава было грубо кричащим местом, где домов было много, но они были невысоки... Большая Октава – мрачная деревня среди дремучих лесов. Малая Октава шла за Большой – в Малой дома были повыше, были чуть звенящие ручьи. В следующей Первой Октаве дома были прекрасной умеренной высоты, а плотность заселения никого не смущала, в ней жила золотая середина. Во Второй Октаве от дома до дома нельзя было дойти пешком – лишь доехать, а дома стремились к звёздам. В визжащем государстве, а именно в Третьей Октаве, крыши домов не были видны из-за звёзд, а огромное расстояние меж домами-спичками разделяли широкие реки и глубоководные озёра.

Пускай Дениэл не понимал музыку головой, не знал о ней ничего – он чувствовал музыку и играл её на ненастроенном инструменте, брошенном где-то в степи. Октавы были государствами, а белые и чёрные клавиши – людьми, говорящими друг с другом на разных языках так, что какофония и шум обращались в мелодичное пение, в диалог о вечном.

Переливались белые Ре, Ми, Фа первой октавы трижды, словно льдинка прыгала по лужам, замораживая воду лужиц с характерным хрустом. Звенели белые Фа, Соль, Ля первой октавы три раза подряд – ударялась водная капелька о холодный-холодный лёд. Белая клавиша Ля первой октавы схватила за руку белую клавишу Си первой октавы, а та, в свою очередь, случайно захватила белую клавишу До второй октавы. Хватались Ля-1, Си-1 и До-2 друг за друга трижды. Клавиша До второй октавы ударила белую соседку-подругу Ре, а Ре задорно шлёпнула белую клавишу Ми по одному месту! Странное зрелище повторилось ещё дважды.

Настала тишина: время побежало назад. Си второй октавы обернулась к Ля второй октавы и сделала шаг назад, а Ля, отстранившись после, окунула Соль второй октавы в воду – Си, Ля, Соль и Си, Ля, Соль. В пучине неизвестности Соль второй октавы нашла старшую

сестру Фа второй октавы и подняла её в воздух. Безымянный палец Дениэла зажал белую клавишу Фа второй октавы и задержал рваное дыхание на пару секунд.

Фа Диез большой, просто Фа большой, снова Фа Диез большой и Соль Диез большой затолпились, не пропуская протяжённый звук звучать дальше.

До Диез малой, просто До малой, снова До Диез малой и Ре Диез малой зашумелись.

Фа Диез малой, просто Фа малой, снова Фа Диез малой и Соль Диез малой зафыркали, заохали, затопали ногами.

Бешено подскочили к свету мигающих ламп залы До Диез первой октавы, До первой октавы, вновь До Диез первой и его брат Ре Диез первой. Затесалась драка за место под искусственным солнцем между звонкими До второй, Ре второй и Ре Диез второй, между глухими До большой, Ми большой и Фа Диез большой – глухие и звонкие звуки, белые и чёрные клавиши, знакомцы и незнакомцы налетели с кулаками друг на друга. Крышка пианино хлопнула, и хлопком сразило всё оставшееся живое в полумёртвой степи.

«Мелодия Дениэла»

Ре1-Ми1-Фа1 (х3, трижды)

Фа1-Соль1-Ля1 (х3)

Ля1-Си1-До2 (х3)

До2-Ре2-Ми2 (х3)

Си2, Ля2, Соль2 (х3)

Фа3

ДФаБ-ФаБ-ДФаБ-ДСольБ

ДДоМ-ДоМ-ДДоМ-ДРеМ

ДФаМ-ФаМ-ДФаМ-ДСольМ

ДДо1-До1-ДДо1-ДРе1

До2-Ре2- (ДРе2+ДФаБ)

ДРе2+МиБ

ДРе2+ДоБ

ДРе2

Дениэл открывает пианино и бьёт крышкой о инструмент раз, бьёт два, он психованно открывает пианино ещё разок, втягивает воздух белоснежными зубами и по первым нотам малой октавы вдаривает кулаком, наслаждаясь треском внутри машины, производящей музыку.

Пианино зеленеет и со шкворчащим зудением разлетается мухами по разные стороны: Дениэл оборачивается спиной к музыкальному инструменту, когда-то музыкальному инструменту. Жужжащие мухи, плотоядно облизываясь, шкрчат и слипаются в человекоподобные рабские фигуры:

– Шкр-шкр-шкр!

Вокруг парня стоят его безликие рабы, что повторяют любое его движение. «Теперь хоро-вод не у сосен и не лягушечек хоровод, да?» – смаковал парень с ухмылкой. Он держит на уровне груди ладони – левая ладонь лежит на правой. Он дёргает плечи и локти назад, шею вперёд, отрывает ладони друг от друга. Он выпрямляется и вмиг смыкает, вмиг размыкает фаланги пальцев – между пальцами юноши и его кукол из плотоядных мух мигает холодный

светлячок, почти погасший огонёк... Погасший почти светлячок вспыхивает солнцем, белый свет разрывает все тени от травы, берёз и колючек! Все тени!

После вспышки света слышится удар, он отдалённо и близко бьёт по барабанным перепонкам, не отвлекая зелёного парня двадцати лет и его работяг. Зелёная молния смыкает запястья в виде пасти дикого зверя, что повторяют и его рабы, да воздух пронзается мысленными волнами, полупрозрачными червячками-паразитами, заползающими в уши простых грибносупчан и их соседей по территории.

* * * * *

После записи странной и на взгляд Дениэла трогательной мелодии он беззаботно бредёт по мостовой Грибного Супа, засматривается на стройку неподалёку и останавливается.

Его зрачки расширяются, сердце бьётся быстрее и быстрее, дыхание учащается. Стоп. Зрачки сужаются.

– Нет, – сам себе сказал Дениэл и, взглянув на мерцающий камень своего серебряного перстня, обратился к блондинистому мальчишке, подметающему улицу. – Юнец, подойди-ка!

– Да-да, господин? – подошёл к зелёноголозому колдуну мальчишка, не отцепляясь от метлы.

– Хах! – прикусил нижнюю губу Дениэл да по-доброму заулыбался. – Не зови меня так. Я просто Дениэл. Я человек, который исполнит мечту любого мужчины и любой женщины, – огляделся парень по сторонам, – если те просто постоит в степи...

– В степи, не в поле? Просто...? – заморгал наивный мальчишка.

Дениэл присел на колени перед юнцом:

– ... в определённом месте, в предопределённое мною время. Веришь мне?

– А что надо сделать?! – выронил доверчивый белокурый малец метлу. – Что надо будет делать в степи? Просто стоять?

– Стоять, пока я здание не построю, а после постройки – его охранять, – встал с колен грозный от целеустремлённости и одновременно с тем от усталости чародей. – Я хочу построить театр!

– Что Вам надобно для этого?

– Двадцать семь несчастных мечтателей.

– Я понял, Дениэл. Какие стройматериалы Вам нужны?

– Никакие! – усмехнулся зелёноголазый. – Можешь поверить?

Мальчик не закрывал рта пару секунд, достал из кармана штанов грязно-серую кепку да надел её на голову. Он мягко ударил себя по щеке:

– Чего-то мне припекло... Вам нужны люди, которые должны охранять, и ещё что?

– Хм, не припекло.

Мальчик опешил:

– Вы хотите построить театр из ничего?!

Зелёноголазый блондин широко улыбнулся.

– Правда...?! – сделал юный уборщик в кепке шаг навстречу Повелителю Мух. – Это не обман?

– Я не лгу. Почто мне лгать простому мальчишке с метлой? – огляделся Дениэл по сторонам, притянул в левую руку метёлку да превратил её в золотую трость. – Сейчас вот остынет воздух... – заговорил колдун с задором. – Можешь поверить?

В момент налетают тучи, в небе сверкает и гремит!

– Совсем-совсем скоро... – прищурился и сжался парень, подняв палец.

Небо затягивается пуще прежнего, налетает дождь, бьёт по голове ливень.

С лёгким взмахом Дениэловой руки золотая трость становится расправленным зонтом, по краям которого звенят хрусталики, играющие танцевальные мелодии на учащающихся порывах ветра.

– Мне подчиняется природа и само человеческое существо, – беззаботно пожал Дениэл плечами. – Я мог бы лесными волками погнать тебя искать мне людей-сторожей, мог бы внушить тебе, чтобы думал быстрее и резче искал, но не это моя цель – запугать – я мыслю шире.

Фокусник закрывает зонт и опускает его до земли: ветер стихает, прекращается и ливень, и дождь, начинает вновь сиять солнце, становится теплее, запевают птицы, смеются дети. Все дети, кроме наблюдающего со стороны на сей безумие мальчишки.

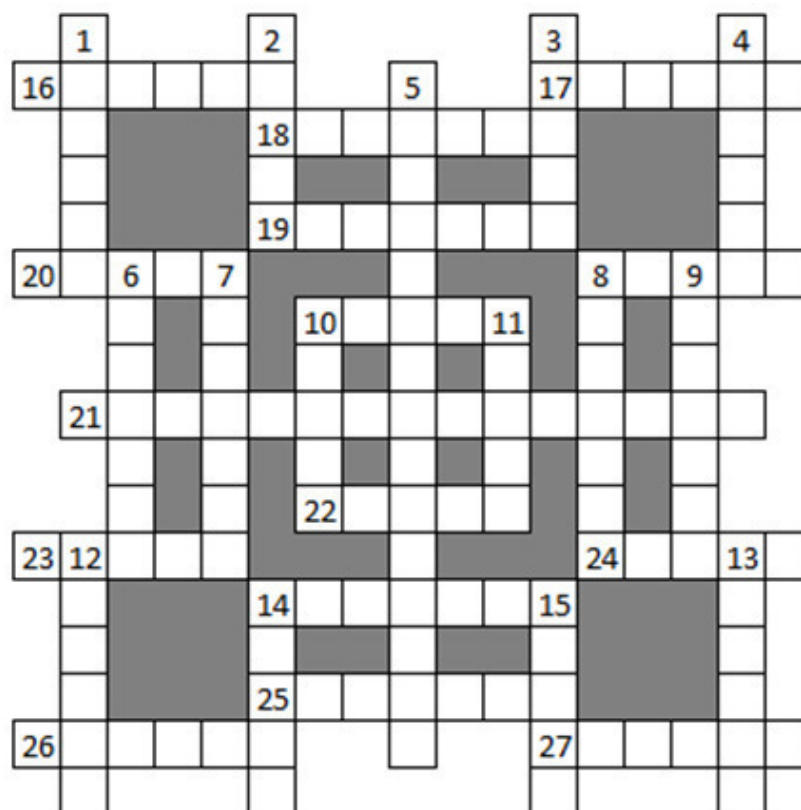
– Я не собираюсь пользоваться тобой, пускай и могу, юнец. Идти искать людей или продолжать меня слушать – это твой выбор. Мною вертели в детстве, словно тряпичной куклой на палочке вместо флюгера, и я не посмею с детьми обходиться столь страшно, как обходились со мною – никому не позволю!

– Я Вам на собственное удивление верю, – попятился назад с испугу мальчик в кепке, сияя от нетерпения и любопытства. – Я с вами, можно?

– Конечно!

* * * * *

В степи с выкорчеванными чёрными колючками и спиленными под корень розовыми берёзами нарисованы очертания здания-головоломки чистой беспробудной темнотой, будто б чёрной краской, но темнее.

(рис. 1. Схема расположения людей для строительства)

По числам и цифрам растаскиваются люди. Дениэл стоит напротив числа 21, в конце строки, и делает пару шагов назад.

Мальчик, когда-то бездумно подметающий на улицах небольшого селения Далёкой Страны Забрении, прижимается к ногам волшебника.

– Так странно, что у всех этих людей, а я знаю их с пелёнок, была страшная и сильная, такая-претакая мечта! Вы чувствовали это, что у нас много мечтателей?

– Конечно же, иначе зачем мне ещё пребывать именно в Грибной Суп?

– Что вы собираетесь делать?

– Совсем забыл! – хлопнул себя по лбу Дениэл. – Как тебя зовут?

– Ханофель.

Дениэл напрягается и оступается.

– Это же «падший» на иврите, разве нет? Я что-то путаю?

– Или «упал», если верить нашему переводчику и правнуку самого Эрколе Хоты. Я просто выпал из люльки во время праздника счастья, и меня посчитали проклятым, ну... Такое часто у нас в чудотворческом бывает, сами знаете.

– Знаю. Даже собственные родители посчитали тебя проклятым?

– Не знаю... Спустя четыре дня после праздника счастья они тоже упали, но им повезло меньше – они упали с очень-очень большой высоты, и я больше их не видел, не увижу. Дениэл, скажите мне: я проклят? Вы, я слышал, разбираетесь в данном вопросе. Или Вы как колдун разбираетесь не во всех вопросах?

– Не знаю, как тебе ответить в силу твоего возраста, Ханофель, – шмыгнул носом Дениэл. – Проклятье – это тот же дар! Оно подобно неограниченному алмазу, я считаю, и, если ты проклят, ты счастливчик! Я помогу тебе огранить алмаз и уплыть подальше от дна, в коем ты жил, оттолкнуться от дна, помогу тебе долететь до звёзд! Теперь держись за ноги мои крепче, Ханофель. Сейчас мы построим здание-головоломку, – сказал парень и хищно ухмыльнулся, – специально для моих старых друзей, – спокойно выразил он свою мысль, однако после закричал, растирая ладони. – Не бойтесь, забренийцы! Страх магии не помощник!

Из-под одежды да изо рта сильного волшебника вылетают тысячи, сотни тысяч мух! Их крылья крепнут, стены очертаний театра растут, а простые одежды будущих стражников перевоплощаются в благородные, в самурайские доспехи.

Бледный Дениэл повернулся к побледневшему Ханофелю:

– Это место не будет состоять из мух – они элементарно помогают мне строить моё величайшее изобретение из чистой энергии, коя лежит в основе магии как таковой, – оглядел парень роскошное зелёно-красное и зелёно-голубое здание с серебряными окнами и дверями. – Я хочу наведаться к двум милым леди – хочу познакомиться с ними лично да помочь им разобраться с их проблемами, раз уж я столько всего могу, ведь... Если мог бы помочь кому-то, Ханофель, ты бы помог?

– Естественно!

Около юноши и мальчика вырастает лестница.

– Будешь моим младшим братом в сём знаменательном походе? – подал Дениэл мальчишке руку. – Я обещаю, что ты только выиграешь от этого и заживёшь новую прекрасную жизнь.

От лестницы театра до улиц Грибного Супа кладётся каменная гладкая плитка, поверх которой – толстое разноцветное стекло.

– Легко! – подал Ханофель руку волшебнику, сглотнул комок нервов, застрявший между горлом и сердцем. – Но кто эти дамы?

– Одна любит бутерброды с джемом из жимолости, запечённые баклажаны с чёрным перцем и лавандовые букеты. Другая жить не может без бутербродов с джемом из облепихи, без запечённых с горчицей кабачков, брр, и без бархатцевых букетов. Я хотел бы привезти им сливочного масла, делая их завтраки насыщеннее и приятнее, хотел бы добавить мягкости их острым обедам майонезом домашнего приготовления из понимания да разбавить их смурные

букеты парой-тройкой полевых ромашек, – улыбнулся Денни. – Понимаешь, Ханофель, белый цвет – мой цвет, – помедлил светловласый парень, выплюнувший одну из мух, что застряла между зубами. – Они знают, что я приду, по делу говоря, и я хотел бы сотрудничать с ними, – посмотрел Дениэл Ханофелю в его карие глаза. – В новопостроенном Театре Мух есть портал – нам туда, пошли.

Дениэл делает первый шаг на лестницу: Ханофель резво запрыгивает на вторую ступень.

– Ха-ха-ха! – сжал радостный Дениэл руку мальчика покрепче. – Настойчивость – хорошая черта!

В чёрной-чёрной комнате за сценой два брата входят в белое-белое зеркало, у которого лежит утренняя газета.

Глава 05. Север и юг на планете Райдо-Манназ

На каменный балкон невысокого дворца выходит девушка с длинными тёмно-фиолетовыми волосами и в горчичном костюме, она держится руками за балконный парапет.

Юная леди в костюме по-президентски рукоплещает мужчинам и женщинам, человекоподобным хамелеонам и козам с собранными фиолетовыми зонтами на поясах. Девушка говорит с уверенностью и радостью.

– Я, ваша королева, хочу вам сообщить, многоуважаемые северозетовинцы, братья и сёстры, что вскоре в наших краях построят аж четыре школы-мастерские! Изделиями из дерева, металла и камня пополнятся дома нашей чудесной страны! Мы обеспечим сей изделиями ВЕСЬ МИР! Моё решение во имя нашей великой державы не обсуждается!

Северозетовинцы рукоплещут! Лишь стгуцающиеся дождевые тучи переключают с королевы на себя всё внимание жителей Северной Зетовины.

* * * * *

Длинный крепкий деревянный стол, за которым сидят улыбающиеся да сосредоточенные люди.

По правую руку от седовласого мужчины в тёмно-зелёном костюме с длинным воротом стоит пустой стул – к нему подходит девушка с короткими волосами ярко-жёлтого цвета в лавандовом платье с длинным воротом, но без рукавов. Юная леди по-королевски перебирает ладонями спинку пустующего стула.

– Прошу прощения, я не опоздала? – спросила пришедшая девушка мужчину твёрдо, хоть и растеряно.

– Нет, что Вы. Президент не может опоздать.

– До сих пор с тяжбой верить, что меня назначили...

Мужчина безразлично пожимает плечами, а девушка, вздохнув и выдохнув, присаживается на своё место; она держит спину прямо и расправляющим скатерть движением она наколдovывает микрофоны, кои вырастают пред членами совета из столешницы, словно грибы из сырой и плодородной почвы.

Седовласый человек встал резко:

– По решению Южнозетовинской Государственной Думы каждый житель Южной Зетовины в возрасте от двадцати пяти до семидесяти пяти лет будет обучаться бальным танцам и балету за счёт государства подобно южнозетовинцам в возрасте от пяти до двадцати пяти лет.

– Есть вопросы насчёт данного законопроекта, многоуважаемые граждане? – подала голос девушка.

Из предстольной темноты вылезают старики и старушки в жёлтых шляпах, мальчики и девочки в жёлтых платках, человекоподобные коты и собаки.

Одна старушка поднимает руку.

– Задавайте свой вопрос, пожалуйста, – взмахнула девушка с доброй улыбкой ладонью. – Как новый президент я рассмотрю любой вопрос вместе с советом.

– Если все будут учиться, то кто будет обучать?

Эхом пронёсся звук удара по клавишам пианино в малой октаве.

– На этот счёт мы договорились с учителями из Далёкой Страны Забрэндии, из Республики Циан, Златодельского Царства и... – слегка спала улыбка с девичьего лица. – И из Северной Зетовины.

– Северной Зетовины?!

– Да, леди. Мы также подготовили законопроект, – встала президент из-за стола, – согласно которому лучшие наши мастера по дереву поедут обучать северозетовинцев, а их

лучшие балетмейстеры приедут к нам! Срок действия контракта – три года! Нынче тяжёлые времена, мы, все зетовинцы, должны помогать друг другу во имя выживания, чтобы понятие «зетовинец» не исчезло. Спасибо.

– А вы не боитесь, что они возьмут в заложники и убьют наших лучших столяров, когда их танцоры – пустозвонная монета для нас? – поправил старик из зала очки.

– Мне кажется, что южнозетовинцы и северозетовинцы должны больше доверять друг другу, – сглотнула президент ком в горле, а шея её всё чесалась и чесалась от длинного воротника, но она держалась прямо, – это трудно, но возможно и необходимо в сложившейся ситуации, когда люди и твари Зелёной молнии осаждают города планет Отил-Беркана и Соулу-Гебо. Райдо-Манназ – планета шестая, от первой и третьей планеты чудотворческого мира мы далеко, но у нас есть основания полагать, что Феу-Дагаз готовится к осаде, а после пятой планеты, простите за математику, идёт шестая, и плевать, что он шагает по нечётным планетам – мы не знаем, какие у него планы и что у него вообще творится в голове.

– А это правда, что ваш отец северозетовинец? – похлопал южнозетовинский мальчик глазами.

– На вопросы личного характера я не отвечаю, простите, – охладела вмиг президент. – Задумайтесь, пожалуйста, на досуге – сможем ли мы выстоять против Зелёной молнии без людей Северной Зетовины, если даже Ангелия не может без помощи Гаргараада в этой войне? У альмов нет шансов, это очевидно, у альмасветлов так точно, а у нас, зетовинцев, есть шанс! Мы умнее и хитрее забрендийцев и не ставим принципы выше жизни, как альмы. Южнозетовинцы не сдадутся глупцу, мнящему себя богом, а северозетовинцы пойдут за нами, как было всегда! Спасибо!

* * * * *

– Указ придёт в силу сегодня же! Строительство начнётся с завтрашнего дня, дорогие мои северозетовинцы! – улыбалась с балкона своего дворца подданным юная королева Северной Зетовины.

Мужчина из толпы кинул в сторону балкона свой фиолетовый зонт:

– Южнозетовинская мышь!

Радость на лице девушки сменяется печалью, пока несколько человекоподобных хамелеонов уводят безбожно бранящегося мужчину подальше от основной толпы.

– Благодарю за внимание! – убрала королева руки с парапета и ушла.

Девушка в горчичном костюме закрывает за собой балконные двери и собирает длинные тёмно-фиолетовые волосы в хвост, расстёгивает пиджак и скидывает его на стул!

– Дядюшкино решение – ошибка! Я не должна была быть королевой! – ежом фыркала она, после вздохнула и выдохнула, и...

* * * * *

В Южной Зетовине, где всегда тёплый ветер, жёлтоволосая девушка в лавандовом платье запирает двери своего небольшого дома и устало надевает пушистые носки горчичного цвета, укутывается в халат того же цвета да падает на софу своей спальни.

– Северозетовинка наполовину, и что? – обняла юная президент подушку. – Почему зетовинцы никак не могут примириться с непростой историей друг друга и идти дальше...? Ох... Тётушка явно действовала неразумно, когда поддержала моё глупое решение участвовать в выборах. На кой чёрт я полезла в это?!

* * * * *

Фиолетововласая девушка в Северной Зетовине пожимает плечами, одетыми в лавандовую блузку, ставит руки в бока да роняет голову, обезвожено садится на ближайшее кресло. За окном начинается дождь, небо серое и романтическое.

* * * * * * * * *

Южнозетовинская девушка в жёлтом смотрит в фиолетовый потолок и кричит: «Да когда же это закончится!». Тёплый ветер дует медленнее прежнего, солнце всё также жарко светит.

* * * * * * * * *

Девушки смотрят в свои потолки: одна лепечет, а другая кричит свои мысли. Зеркало от пола до потолка одной девы и зеркало от потолка до пола другой – они сливаются воедино, а девушки, словно бы находясь по разные стороны реки Маеты, находятся в одной фиолетово-жёлтой комнате.

– Это никогда не закончится... – тихо говорила королева Северной Зетовины. – Происхождение всегда сильнее выбора самого человека, – вздохнула она. – Теперь я не просто какая-то там дочь принцессы, сестры короля, а королева. Сама королева и я не должна подвести!

– Человек сильнее своей судьбы! – громко говорила президент Южной Зетовины, она вобрала в лёгкие побольше воздуха. – Всегда сильнее и я докажу это, моя предвыборная кампания уже доказала это, мои идеи поддержало большинство, а, значит, буду работать во имя большинства, доказывая меньшинству, что мы можем выбрать путь мира вне зависимости от истории. Да, королевы больше нет, но монархия – она в моём сердце.

– Правительница, которая была до дяди Спиро, была ужасна, и только смелость с решительностью, только честное движение против её тирании сделало Север достойным местом для жизни, – лепетала королева Северной Зетовины. – Я буду поддерживать дядюшкину идеологию и развивать её до дружбы с Югом, несмотря на историю. Слишком долго мы враждовали с ним, а после были в нейтралитете... Мы все зетовинцы, чёрт подери!

Глава 06. Южная страна и северная страна

В комнате горчичного цвета девушка с ярко-жёлтыми короткими волосами да в едко-зелёном платье сидит на постели своей, смотрит, сложа руки, на бархатцы в прикроватных горшках и ожидает нечто.

– Мне жаль, ваше высочество! – вышел из тёмного угла комнаты зелёноглазый волшебник.

– Дениэл?! – вскочила президент с кровати. – Я не Вас жду!

– Терять родных людей нелегко, – притронулся к утренней газете на её туалетном столике Дениэл, – а осознать, что твоя близкая родственница и старая подруга участвовала в заговоре против тебя – ещё сложнее!

Президент Южной Зетовины сжимает ладони в кулаки.

– Жакаранда в этом не участвовала – её подставили! И не смейте нас настраивать друг против друга, Дениэл! Я наслышана о вашем роде деятельности!

– Я и не настраиваю, – держался он серьёзно. – Народы юга раздули эту историю, как и народы севера, среди которых и живёт твоя дорогая кузина. Подавленная смертью бабушки и обманутая, о юная и прекрасная Жакаранда! Уму непостижимо, сколько ужасов может происходить по незнанию!

Президент Южной Зетовины с мокрыми глазами скрестила руки на груди.

– Ты можешь неофициально отвести меня к ней? Её не выпускают из дворца, не пускают ко мне.

– С большим удовольствием, Фрезия! – поклонился блондин.

– Сколько это будет стоить у всемогущего Повелителя Мух? – приготовилась к наихудшему развитию событий юная президент. – И что это за мальчишка рядом с тобой? Привет, – приветливо помахала она мальчишке рукой.

– О! Это Ханофель – мой двоюродный брат по матери. Возьмёшь его на обучение?

– Чего? – опешила жёлтовласая Фрезия.

– Хочу, чтоб брат мой обучался у лучших северозетовинских мастеров в Южной Зетовине.

– И всё? Это твоя последняя цена, Дениэл?

– Да, – удивился её удивлению двадцатилетний колдун. – Мне семья важнее денег и власти, ваше высочество, то есть... Понурый, избитый обществом ребёнок мотался от дома одних пьянчуг к другим, ибо матери моей брат в Ангелию его было стыдно. Я желаю дать ему лучшую жизнь – ту, на которую у меня не было шанса от рождения и которой я добивался долгие годы. В этом ключе мы все чем-то похожи и должны помогать друг другу, не думаешь?

– Мне жаль, Ханофель... Искренне жаль, и я рада знакомству.

– И я рад!

– Я понимаю, Дениэл, о чём ты... Мы оба через подобное прошли, – почесала она шею и с сочувствием оглядела светловласого мальчишку, прижала его к груди.

Горчичные стены сменились озером с плавучими лунными гвоздиками (сиреневыми и волшебными гвоздиками).

Фрезия, Дениэл, Ханофель и длинноволосая фиолетововласая Жакаранда в голубо-белом костюме сидят на берегу.

– И всё же вид из окон нашего с тобой театра, Ханофель, покрасивее! – мечтательно провёл Дениэл рукой перед глазами. – Все фазы лун нежно-синего цвета на стёклах его не скрывают, а подчёркивают, подчёркивают пламенный закат Грибного Супа вперемешку с редкими карликовыми соснами и бордовыми берёзками: сам недавно посадил и сосны, и берёзки.

– У тебя есть театр? – по-детски удивилась Жакаранда.

– С недавних пор – да! Театр Мух! – кинул парень в воду лунный камень с берега. – Древнее искусство, всегда интересующее меня.

– Любопытно, – призадумалась Фрезия, смотрящая не столько на воду, сколько на камни берега.

– В этом театре найдётся место королеве и президенту двух Зетовин? – ухмыльнулась королева, собравшая длинные лохмы в конский хвост.

– Жакаранда! Не так же скоро, – шикнула на кузину жёлтовласка.

– Да, я страстно хотел бы, чтоб вы обе почтили мой театр иллюзий своим присутствием, – беспристрастно сказал Дениэл, сверкнув глазами.

Девушки переглянулись. Жакаранда зажала язык меж зубов, желая сказать: «Да!», а Фрезия, раскрывая медленно рот, поглядывала на рот сестры.

– Да! – хором заявили Фрезия и Жакаранда.

– Прекрасно! – восторженно похлопал светловласый и кареглазый мальчик. – Жду не дожусь первого представления – Дениэл такой фокусник! Вы бы видели, как этот театр... Пау и пау, уиу!

Зелёноглазый колдун помедлил:

– Быть может, спектакль откроет вам глаза на то, стоит ли объединять обе Зетовины, не знаю... в одну?

– Стоит! Мне надоела эта вражда! – всплеснула руками импульсивная Жакаранда.

В момент радостей и восторга Фрезия поправила лимонное платье под собой и отвела взгляд в сторону.

– Так хотелось бы, но наши народы нас не поймут, а важно, чтоб поняли. Один спектакль, пускай и прекрасный, я уверена, ничего не изменит в давным-давно сломанных, неправильно сросшихся отношениях двух государств.

– Можно их подтолкнуть всё понять, дорогие дамы, – помедлил Дениэл. – Я готов вам помочь, ежели не подведёте меня своим приходом-неприходом на премьерное выступление.

– Как зовётся первое выступление в Театре Мух? – любопытно выгнулась вперёд королева.

– «Цирк»! Я специально тренирую сотни пауков плести паутины для одной немаловажной сцены.

– Сцены?

– Её рабочее название – «паук видит свет».

– Как романтично! – воображала себе разные сцены неведомого спектакля королева, она взглянула мимолётом на сдержанную сестру.

– И фантастично! – мягко улыбнулась президент.

– Мы придём, – кивнула Жакаранда Дениэлу.

– И я приду! – ворвался в полилог мальчик в кепке.

– Естественно, Ханофель! Это не обсуждается! – ласково провёл парень по братской голове ладонью и усмехнулся. – Пора бы приучать тебя к прекрасному. Что ж, нам пора, милые дамы!

– Оставьте нас вместе, ладно? – встала на ватные ноги президент в ярком платье. – Не возвращайте меня домой. Глава Совета должен меня прикрыть, всё хорошо.

Зелёноглазый поднимает с берега небольшой лунный камушек, что-то шепчет в него и передаёт Фрезии светящееся сокровище.

– Кинешь в воду, Фрезия – улетишь в свою, метафорически говоря, банку с горчицей, – кивнул чародей президенту и подал руку «брату».

– Это не смешно! – впервые за долгое время рассмеялась Фрезия.

– Да-да, конечно! Ну, Ханофель, домой?

* * * * *

Ханофель по прибытии к театру присел на лестницу и прилёг по длине одной ступени. С момента, как он лёг на лестницу, до момента, когда он удосужился открыть рот, в быстрой перемотке сгустились тучи, прогремел гром и ветерок разогнал все чёрные тучи.

– Кошмар... Кто мог устроить покушение на принцессу Жакаранду, Дениэл? – пребывал в парализующем ужасе Ханофель. – Чьих это рук?!

Белый, словно сама смерть, парень достаёт из воздуха сигарету да цепляет её между зубами, ища по карманам коробок спичек. Он отворачивается от юнца, чтобы не дымить.

– Кто бы знал! – хищно улыбнулся Дениэл, обратившись лицом в степь. Ядовитый дым прикрывает его светящиеся глаза.

* * * * *

На серо-голубом небе Северной Зетовины белое солнце принялось желтеть.

– Чего ты так спешишь, Жакаранда? – разозлилась Фрезия. – Какое ещё «в этом театре не найдутся ли места?!». Тьфу!

– Держи друзей близко, а врагов ещё ближе, – хладно отколола Жакаранда. – Они с братом нечто затевают, и нам надо знать что! – фиолетововласая девушка хихикнула и толкнула шокированную Фрезию в бок. – Посчитать успела, что я с ума сошла, сестрёнка? Дениэл никогда не делает что-либо просто так, это надо иметь в виду. Посмотри, какое в Северной Зетовине небо... Не поразительное, как в Южной, но очень сентиментальное!

Фрезия долго молчала, переваривая информацию, а потом заулыбалась, приподняла голову и обратилась к сестре:

– Зато он подарил нам шанс побыть вместе.

– Спасибо ему за это!

Глава 07. Театр и цирк

Дениэл сидит в желтоватой траве около театра и делает записи в блокноте, он читает их вслух: «Зелёно-голубое небо и розово-сиреневые облака на нём, словно женские ноги, обтянутые капроновыми колготками».

– Звучит достаточно пикантно! – появилась фигура за Дениэловой спиной.

– Хех, какие нелюди! – покосился хозяин Театра Мух через плечо на тёмную фигуру в плаще. – Особенно когда ненавидишь капроновые колготки, правда?

Человек в коричневом плаще и с лимонно-кислотными, ядовито-зелёными глазами держит руки за спиной и улыбается.

– Надеюсь, что тебе не приходилось их носить?

– Ты явно убьёшь меня сегодня своим остроумием, Освальд! – рассмеялся Дениэл.

– Стелла сказала, – присел парень со светящимися глазами рядом с Зелёной молнией, – что утром ты ударил кулаком по пианино, а дерёшься ты, тем более **ИГРАЕШЬ МУЗЫКУ**, нечасто, так что настроение твоё подвешено в воздухе, полагаю, – показывал Освальд пальцем на облака, – как эти самые блистающие облака! Оттого я и пришёл.

– Спасибо, Освальд, – закрыл блондин чёрный блокнот и прикрыл его рукой.

– Не опоздал, Денни?

– Нет, ты как всегда вовремя, – повернулся зелёноглазый к кислотноглазому. – Сегодня наш день!

– Тогда пьём и гуляем?

– Только после кое-какой пары встреч, – приподнял Дениэл руку.

– Хм, – присел Освальд, мрачная фигура в коричневом плаще, к старому другу, – а налаживания контактов с парой десятков грибносупинцев да с королевскими особами Зетовин тебе недостаточно?

– Связей много не бывает, – одёрнул Освальда старый друг.

Дениэл поднимает руку с обложки чёрного блокнота «Уголь-небо».

* * * * *

За круглым и дубовым столом богато убранного кабинета сидят толстые полулысые мужчины в начищенных туфлях, отутюженных костюмах и накрахмаленных шляпах.

Среди них выделяются две худые фигуры: седой около шестидесяти лет мужчина с длинными волосами и бородой, мужчина около пятидесяти лет с чёрными волосами до плеч и без бороды.

Голубоглазый и жёлтоглазый мужчины пересекаются взглядами.

– Зачем ему Грибной Суп? – ударил мужчина в свободном пиджаке кулаком по столу. – Эта забрендийская глубинка!

– Чтобы себя оправдать в глазах общественности, я считаю! – поправил свою большую шляпу второй мужчина.

Мермегас Дрогельбеххер держал подборок тремя пальцами и сучал.

– Много считаете, – сказал желтоглазый.

– Мермегас, дайте главным в Совете право договорить, – нахмурился голубоглазый Льюис Лейнстрейндж.

– Лишь МАЛОЙ ЧАСТИ главных в Совете, прошу заметить, Льюис!

– У прочих много дел и Вы сами это знаете, – сказал седовласый и покашлял в кулак. – Господа, мы вас внимательно слушаем.

– Я считаю, – продолжил беседу мужчина в огромных туфлях, – что надо Дениэла как можно сильнее очернить! Репутация ему важна!

– И нам тоже, – тяжело вздохнул альмасветлый Льюис.

– Я считаю, что эта совокупность действий нам не поможет, – высказался альматёмный Мермегас.

– Вас, как бывшего учителя Дениэла, мы спросим последним, – промычал и проблеял каждое слово мужчина в широких штанах.

Король Гаргараада не растерялся, выпрямил спину, приподнял голову и довольно улыбнулся:

– Отчего же? Не я ведь научил его жестокости, что и есть корень проблемы.

– Что Вы хотите сказать, Мермегас?! – повысил Льюис, Верховный Ангел Ангелии, голос.

– Вероятно, что деление альмов на альматёмнов и альмасветлов действительно было напрасным действием, раз вы не слышите друг друга, – сделал пару жадных глотков воды из кожаной фляжки мужчина в свободном пиджаке и ему возразил мужчина в огромных туфлях.

– Вздор!

– Может, послушаем древнемагическое общество? – прищурил один глаз мужчина в широких штанах.

– Они обожают Дениэла! – расцвёл от всеобщей безысходности жёлтоглазый альматёмный.

– Но не все, – благородно осадил последнего голубоглазый альмасветлый.

– Пока вы его мало-помалу очернять будете, – обратился Мермегас Дрогельбеххер ко всем, кроме Лейнстрейнджа, – он обелит своё имя на три жизни вперёд! И вообще, где ваша хваленая Команда Света, Льюис? – наконец обратился альматёмный к альмасветлому.

– В разработке всевышних, скажем так.

– Неужто альмы не могут обойтись без дочерей Брумбельстраха? – ахнул мужчина в большой шляпе.

– Это не вашего ума дела, синьор! – обратил жёлтопламенный взгляд Мермегаса спрашивающего мужчину из Совета в «щенка». Мужчина снял большущую шляпу и с трясущимися зубами вытер пот со лба платочком.

– Прошу Вас, Мермегас, не стоит. То, что мы понимаем, понятно далеко не всем, – хмыкнул Льюис, стараясь не укатываться к осуждению людей из Совета Восьми Планет.

– Прошу меня простить, «многоуважаемый» Совет, – постарался успокоиться король Гаргараада посредством дыхания «вдох-выдох» и задышал умиротворённо. – Что думаете делать, Льюис?

Верховный Ангел ежесекундно стучал ногтём указательного пальца по дереву, будто тикала секундная стрелка на часах:

– Мы стараемся оттягивать час, когда этот зелёноглазый демон нападёт на Ангелию, устав от Лимбоубоу, а Вы?

– В таком же безвыходном положении, увы, Льюис.

– Цели, которые я преследовал много лет, оказались голубыми мечтами без конечного пункта или окончательного результата, – сжал светловласый пальцы обеих ладоней в замок. – Я не справился со своей задачей, я это признаю.

– Не стоит себя винить, Льюис... – посмотрел Мермегас на свои сухие пальцы. – История циклична и, как бы Вы ни пытались, – сцепил он пальцы, – всё так или иначе вышло бы в подобную ситуацию, какую мы имеем сейчас. Считаю, что многих ошибок мы не смогли бы избежать. Я тешу себя этим!

– И всё-таки я сполна признаю свою вину в происходящем, – виновато опустил Льюис взор.

– Как и я, Льюис. Признание ошибок – это хорошо, но оно мало что решает на деле: нам остаётся лишь действовать по ситуации и делать это осторожно.

Совещание заканчивается в гробовой тишине, и по выходу Лейнстрейндж ударяет кулаком по первым нотам первой октавы пианино, которое взялось словно из ниоткуда.

– Пианино-то тут при чём? – завис жёлтоглазый альматёмный в дверном проёме. – Шарики за ролики закатились? Неужели алмасветлые чувства были задеты, о Бес?!

– Дайте пройти.

Дрогельбеххер пропускает седовласого и с довольной, таки самодовольной улыбкой закрывает дверь кабинета.

– Не расстраивайтесь, Льюис. В вашем возрасте это вредно, а долго не проживёте – не увидите, как расцветёт Ангелия в свете Дениэловых прожекторов!

– Издеваешься, Мегас? – прошипел голубоглазый.

– Никак нет, зачем мне?

Глава 08. День четверга. Комната, спрятанная от лишних глаз. Часть первая

Потолочная лампа укрывает затылки синеглазой доминиканки-студиессы Лилии и каре-глазого ботсванца-студийца Николаса тёплым светом – они склоняются над столом, вокруг которого беспробудная темнота из-за низко повешенной лампы, направленной на стол.

На этом столе нечто вмиг засветилось ярким-ярким светом и осветило в ужасе и удивлении открытые рты Лили и Ника. Свет в их тёмных глазах сверкает.

Лилия закрыла рот и нахмурилась:

– Алис, выключи, пожалуйста, свет.

– Ой! – подпрыгнула у мерцающего нечто серо-зелёноглазая студийесса с разноцветными волосами.

Обзор поднимается и показывается стол, показывается Лилия Нейт с Николасом Джонсом и Алисия Таллейн с телефоном в руке. Алисия выключает на телефоне фонарик, а остальные ученики двенадцатого Бэ-класса скрывают от обзора своими спинами нечто, лежащее на столе.

– Так, значит, потайная комната есть! – заявила Кларисса Старр, русовласая студийесса со светлыми локонами и светлыми сергами-звёздами.

Обзор из-за спин подростков, ложась на их плечи, показывает копии карт минус первого и минус второго этажа в сравнении.

– Сегодня в путь? – подал голос Леонардо Дейр, рыжевласый и зелёноглазый студиец.

– Нет, завтра, – помотал головой Ник. – Зачем спешить, Лео?

– И то верно, Ник.

Джонс дёргает за верёвку опущенной потолочной лампы – она подлетает к потолку, визжа! После ухода всех ребят за чёрные двери Николас выключает свет.

Глава 09. Вечер четверга. Тыквенная дорога

Карлос Браун – чёрновласый, голубоглазый и крепкий телом двоюродный брат Артура Брауна – шагает по дырявому асфальту пустой автомобильной дороги, будто слон. С каждым шагом угрюмого марша он барабанит по бокам, бёдрам, рёбрам и пояснице, кивает в такт мелодии, звучащей в наушниках (мелодии дождя). Мёртвые подмороженные листья падают ему под ноги и хрустят яичной скорлупой, бордюры тротуара рыжеют, ржавеют на глазах, как обычно созревают серо-зелёные тыковки.

Парень устало поднимается по серым степеням многоэтажного здания, вставляет в замочную скважину ключ, поворачивает его два раза направо, и, не открывая двери, вспоминает о ссоре с братом, произошедшей с неделю назад!

– Арти сам виноват, глупый он чёрт, – с громким вздохом отворяет Карлос дверь.

На кухне, что находится справа от входа – за коридорчиком с отдельными туалетом и ванной – кашеварит нечто весьма странное по запаху Арена, его малая двоюродная сестра.

♪ Pete and the Pirates – Blood Gets Thin

Карл убавляет громкость кричащего радио, кое стоит на полке.

– А ну прибавь, чучело! – слышится Карлу девичий крик с кухни.

Парень озлобленно рычит и покорно прибавляет громкость:

– Даже нет сил на тебя злиться, мелочь!!!

– Сам такой! – крикнула Арена со своей арены и вышла в коридорчик. – Лучше-ка я... – зашла она в холл и забрала радиоприёмник, – ... радио утащу к себе! – довольно ухмыльнулась четырнадцати-пятнадцатилетняя сестра и ушла обратно. – И на кухню ближайшие минут двадцать не ногой, Карлос!

– Больно надо, придурочная! – заметил Карл на стене между входами в первую и вторую спальню нечто, завешанное чёрной тканью. – Эй, Арена? АРЕНА!

– Чего?! – крикнула кузина с кухни, не отходя от горячей плиты, не видя холла, зато изрядно напрягая голосовые связки. – ЧЕГО?

– Что висит между спальнями, Арена?! Кто-то сдох?

– Зеркало, мама купила новое зеркало! Какое-то суперское-суперское! Ну, знаешь, у богатых свои причуды или типа того.

– Хах! У богатых... Ага... Тридцать три раза богатые. Так все живы, да?

– Ты совсем больной, Карл?! Конечно же все живы! Насчёт здоровья спорно, но половина всех наших родственников точно жива и здорова одновременно, я думаю.

Карлос сдёргивает одним движением руки чёрную ткань с настенного овального зеркала в тёмных выбоинах по краям и долго смотрит в новое блестящее произведение искусства.

Отражение холла вокруг Карла за один миг потемнело и исчезло, отступило пред зазеркальной темнотой: в мрачных выбоинах вмиг засветились маленькие лампочки, отражаясь в большом и величественно гладком зеркале путями из огней, путями, ведущими в неизведанное, в мутное и неоднозначное зрелище.

На месте Брауна воссиял тучный силуэт мужчины с крошечными глазами – он положил ладонь на поверхность своего зеркала и убрал руку. Размытый след от пальцев обрисовался играми света и тени до мелочей, да казалось, что видны все детали ладони – вплоть до отпечатка каждого пальца.

Карлос неуверенно делает два шага вперёд, разглядывает чернящие глаза странного мужчины. «Незнакомый, конечно же незнакомый человек, если он, конечно, человек» – проносится в голове Брауна, но интерес выигрывает в борьбе со страхом. Юноша отворачивает голову к коридору и прикладывает всю ладонь к поверхности предмета интерьера неуверенно, ругает себя за доверчивость, но делает это. Ладонь Карлоса от мякишей пальцев до косточек запястья

ложится на отпечаток ладони зазеркального незнакомца – кровь в венах и артериях Брауна сгущается, иголки с ядом вонзаются в каждый его нерв, проникают молекулами к каждому нерву каждой его мышцы, электрический ток окатывает его, откидывая от зеркала, а магнитное поле притягивает к нему, голова разрывается от шума, белеет в глазах, дрожат зубы, встают дыбом волосы, звенит в ушах и тишина. Тишина. Перед его глазами проносится вся жизнь, он морщится от боли, но не Брауна или чья-то ещё эта жизнь, а иная, это не жизнь вовсе! Боли нет, страха нет!

– Что это было? – произносит Карлос вслух слова чётко-чётко, не раскрывая губ.

Раскрытие голубых глаз – уменьшение расширенных зрачков до нормы. Испарина в виде Инь-Яна на зеркале вонзается в память Карлоса глухой и даже приятной головной болью. Его ударило по голове желание знать больше про историю загадочного мира... про жизнь, которая не является жизнью.

– Что это было? – сам себе сказал Карл, касаясь уже раскрываемых с каждым словом губ. – Арена! Я пойду-ка, прогуляюсь-ка я к берегу! – растерянно крикнул парень сестре и нервно ухмыльнулся, завороченно рассматривая засветившуюся испарину на зеркале, он поспешил стереть её. – От запаха твоей харчи подышать свежим воздухом охота!

– Ну и иди, придурок! – фыркнула малая ему вслед.

* * * * *

В вертфлестском ресторанчике «Тыквенная дорога», убранство которого напоминает празднование Дня Урожая, сидит за столом с красивой умной девушкой Саймон Браун, брат-близнец Карла.

Чёрновласая и кареглазая, белощёкая и узкогубая Марта Веснецкая облакачивается на столешницу прямо напротив Саймона, предательски улыбаясь и время от времени поправляя коктейльное белое платье в чёрный крупный горошек. Браун в солидарность спутнице поправляет выглаженный чёрный костюм и манжеты белой рубашки.

– С ума сойти! – огляделся Саймон. – Никогда бы и не подумал, что снова пойду на свидание, особенно после того случая в восьмом классе...

– Ха-ха-ха! О, Саймон... – положила Марта подбородок на ладонь. – У меня, к сожалению, тоже не всё гладко.

– В чём дело? – отпил парень воду из стакана.

– Представляешь, меня исключили из университета, я приехала сюда, в Вертфлест, к родителям: приехала позориться, какая же я прекрасная дочь!

– Сочувствую, Марта. Живёшь на Шолотле с родичами?

– На Ицпапалотле! Лучше-ка расскажи о своей семье, Саймон, мне любопытно.

– Ну-с... У меня есть брат-близнец, и мы встретились с ним... Мм... – смирно сложил Браун руки. – ...лет пять назад, может? Где-то так. Он жил в сиротском приюте Вертфлеста, а я в неполноценной семье. Когда мы нашли друг друга, мать моя была против нашего с ним общения, общения с Карлом – так его зовут. Была против моего проживания в Вертфлесте, к слову, и отвернулась от меня, как от бродячей собаки, но я как чувствовал, что кровный брат от меня не отвернётся, хотя сейчас сие звучит как безумие: и я остался здесь, и я оказался прав! В городе-государстве, покрытом тайнами, да рядом с братом, которому я могу доверять, мне лучше, чем одному во всеми понятном большом городе.

* * * * *

Волна солёной воды жадно облизывает сладкую песчаную гладь с обломками досок, с которыми днём ранее игрались дети. Карлос ожидающе смотрит на море, с которым играет буйный ветер.

* * * * *

– Нас с ним приютила бездетная чета Браун, усыновила, – вздохнул Саймон немного неловко. – Они постоянно в разъездах, потому я да Карл живём у тёти с дядей, а у них тройня – все приёмные, тоже приёмные.

– Уоу... Их поздно взяли в семью так же, как вас? Или раньше?

– Самому позднему было шесть лет – и то с амнезией или чем-то подобным, не разбираюсь, – игрался Браун в ресторане с зубочисткой. – А так, не поздно взяли.

Юноша сделал ещё глоток воды.

– Уж прости за любопытство, но... амнезией?

– Его история не пестрит радугой, вообще не пестрит. Вообще, мы с братом должны были жить в Аргентине, так как именно там квартира наших родителей, Марта, однако, ибо мы с ним учимся и работаем здесь, мы здесь! Фактически! Всё сложно... – опустил парень голову.

– У дяди с тётей, верно?

– Верно.

– Занимательная история! – взяла Марта его холодную руку, играющую с зубочисткой, и зашептала. – Знаешь, у меня тоже есть сестра.

– Правда? – успокоился он.

– Кровная, по отцу, знаешь, эмм... Она, бедняжка, живёт без матери, и отец на неё вечно наседает! Она у меня странноватая, понимаешь? – отвела она тёмные глаза к нарисованным на стене ресторана тыквам. – Недавно, к примеру, её заклинило на сорте яблок Мартовское. Ей, якобы, постоянно снится, что я вместе с тремя селекционерами скрестила американский сорт Макинтош и советский сорт Антоновка, – пожала девушка плечами. – Якобы яблоки ей укажут на кого-то путь.

– Звучит безумно, однако, если этот её сон повторяется, то это что-то да значит.

– Возможно... Ты думаешь, Саймон?

– Вообще, мой братец и мои два кузена с кузиной тоже те ещё перчики, хе-хе! Думаю, что случайное на то и случайное, что даже случайно не может повториться, так?

– Я запуталась! – легко и по-весеннему свежо рассмеялась Марта. – Перчики?! А что вытворял из самого безумного твой брат Карл?

– Он у меня болен идеей дотронуться до грозовой тучи уже как лет шесть, представляешь? С тринадцатилетнего возраста и всерьёз, или с четырнадцатилетнего – не помню.

– Уау, он безумец! Дорога из яблок и дотронуться грозы?! Да им суждено встретиться, хе-хе! – прыснула девушка со смеху.

– Хех! Боюсь, моего брата излишне сильно тянет к небу, а твою сестру – к земле, дорогая Марта. Его к воде, её – к суше. Они просто никогда не встретятся взглядами, ибо смотрят по разные стороны. Кстати, как зовут твою сестру?

– Белла! Чокнемся? – взялась она за стакан воды.

– Вместе, мисс Веснецкая?

– Ха-ха-ха! Засчитано, мистер Браун! Один из мистеров Браунов! – подняла она стакан. – Так чокнемся вместе или нет? – сказала она негромко, а далее зашептала. – А то пока сок дождёмся, мы иссохнем.

– За встречу и приятный вечер! – толкнул он своим стаканом её стакан.

– Аминь! – поднесла Марта воду к губам и задорно подмигнула.

* * * * *

От волн, настигающих берег, отделяются тонкие струи – они переплетаются в силуэт девушки с сине-фиолетовыми космами да в силуэт зелёноглазого парня.

Зелёноглазый парень в море говорит громко:

– Здравствуй, Карлос!

А косматая девушка в море хрипит:

– Мы рады, что ты пришёл.

– Здравствуйте, кем бы вы ни были, – с опаской сделал голубоглазый пару шагов назад и споткнулся, сухие пески, поддерживая его за спину, подняли его на ноги. – Я-йя хотел бы знать, с кем имею честь говорить!

– И отчего в зеркале ты видел не нас и не нашу историю? – прошипела косматая девушка, виляя из стороны в сторону.

– Не переживай, мы всё объясним, Карл, – уверенно заявил зелёноглазый парень. – Для начала же: меня зовут Дениэл, а это – Медуза!

– Приветствую, – доброжелательно помахала Медуза рукой.

Дениэл подплыл вперёд:

– Тёмная фигура, которую ты увидел в зеркале – это кровный твой родственник и наш с Медузой союзник; тот голубоглазый блондин, чью историю ты узрел, коснувшись зеркала – это сын Льюиса Лейнстрейнджа, Христиан при рождении или просто Кристофер при становлении. Крис когда-то был изгнан из своего дома родным отцом, Льюисом. Тем Льюисом, чьи внучка и внук терроризировали тебя, твою девушку Клариссу и твоего брата Артура. Елизабет и Алое когда-то терроризировали тебя и твоих близких, а все закрывали глаза. «Было давно» – скажет кто-то, «но было же» – отвечу этим паршивым обезьянам я. Для меня история изгнания Криса, о которой ты, конечно, уже узнал из зеркала, это личная история. Меня также, мягко говоря, изгнали из семьи. И это сделал родственник Льюиса, не забавно ли? О чём я, Карлос... О том, сколь Лейнстрейнджи жестоки. Я был безоружным и безобидным, больным мальчишкой, прикованным к коляске, Господи, когда мой дорогой отец спустил эту коляску по длинной-длинной лестнице. В той больнице, куда меня чудом перетащили, словно набитую опилками игрушку, я не мог даже мычать – мне оставалось лишь мучительно ожидать смерти, когда меня спас тот, кто спас. Я видел свет, яркий свет, и понял, что людей, управляющих жизнями сотен людей не из разумных побуждений, а из желаний низких, я уберу. Всех уберу, и покамест я сдерживаю собственное обещание.

Медуза подплыла поближе к Карлу и Дениэлу:

– Карлос, твой родич помогает нам, как и многие другие существа из волшебного мира. Теперь ты знаешь, знаешь, что этот мир – не сказка.

– Помогает в чём? – внимательно слушал их Браун.

– Проявить правду об этой много где правящей семье, что представляет собою мораль и закон, а сама этой морали и закону этому не следует. Это больно, – помедлил Дениэл. – Мы показываем правду миру, всем на свете белом и смертном, проявляем их облик чудовищный на фотобумаге-материи. Лейнстрейнджи фактически уничтожили древнюю магию, древнюю религию, на которой основывается весь волшебный мир! Они забыли свои корни, забыли, что тьма и свет, добро и зло, холод и жар, живое и мёртвое, человеческое и волшебное, разум и чувства – это дети одних родителей, что всё взялось и появилось из одного источника!

– Мы хотим вернуть баланс между мирами, Карлос, – прошептала Медуза. – Вернуть древнюю магию в ряды главенствующих.

– Это восхищает! – заипнотизировано стоял, стоял, как вкопанный, Карл. – Этого же хотел Кристофер, но его посчитали безумцем и сослали, обвинив в несуществующем заговоре.

– Мало-помалу Лейнстрейнджи понимают, что проигрывают этот бой, – улыбнулся Дениэл. – Потому что все жизненные процессы не на их стороне, не на их стороне ресурсы и время, их вера – самообман.

– Но что же вам нужно именно от меня? – дёрнулся Браун. – Где я и где волшебный мир?

– Ты. Нам нужен ты, Карлос, со всеми хорошими качествами и недостатками, – не отрывая Дениэл хищного взгляда от кузена Артура Брауна.

– Я?!

– Ты наш ключ к сердцам, прячущимся за коркой льда и слоем камня, к душам, угасающим на глазах. Медуза, тебе есть что сказать нашему коллеге по борьбе со злом?

– Да! – ласково она оскалила зубы. – Твоя возлюбленная – это твой лучик света, правда?

– Она – мой луч солнечного света в непроглядной тьме, да.

– А ты – тьма, жаждущая грозы, верно? Желаящая притронуться к неизменно прекрасным тучам?

– Да... – задумался голубоглазый над словами колдуньи.

– Мы неспроста начали этот разговор, Карл, – сверкнула над головой Дениэла зелёная молния. – Вы с Кларой подобны двум источникам света – солнечным лучам и грозovým молниям. Вы и являетесь Инь-Яном с какой-то стороны вопроса. Его примером, примером баланса. Ясная погода с её солнечными зайчиками и молнии в пасмурном небе пересекаются нередко. Частичные облачность и ясность – часть природы, как берег моря и чаща леса. Они должны быть вместе, а не врозь, и вы вместе! Восхитительно!

– Эта история света и тьмы, добра и зла касается каждого из нас, – смиренно кивнула Медуза.

– Две стороны одной монеты борются в каждом из нас день ото дня, ты – не исключение, – продолжал Дениэл. – Под «борьбой добра и зла» я имею в виду отдельно взятое противостояние двух непонимающих друг друга сторон, и Крис всегда считал, что Инь и Ян должны быть на стороне друг друга и взаимодействовать, нежели отталкиваться друг от друга.

– Скажи об этом своей девушке и своему кузену Артуру, к примеру, – защёлкала Медуза пальцами и в ладони Карлоса появился амулет Инь-Ян, – когда подаришь им и их друзьям, новым и старым, по амулету. Когда дарить – мы дадим знак, ты поймёшь, мы с Денни уверены. Ничего противозаконного: они увидят жизнь Кристофера и, вероятно, примут правильное решение!

Карл заворожённо разглядывал дробящийся на два, на четыре и так далее до двенадцати амулет и чуть не начал возражать со слова: «Но...».

– Ведь нельзя вечно прятаться в Домик от своих корней и от правды, верно? – резко поднял светловласый парень ладонь.

– Я примерно понимаю, почему мы с Кларой связаны с этой историей, но как с ней связан мой кузен и его друзья, Дениэл?

– Самым прямым образом, – сверкнули в темноте зелёные глаза чародея.

Водные струи ослабляют хватку и падают в море, бесформенно растворяясь в спокойной безветренной глади.

С нервным выдохом голубоглазый чёрновласый юноша глядит на часы: прошло достаточно времени, чтобы вернуться домой и застать приход тёти и дяди с работы.

* * * * *

Устало выдохнув, Дениэл поднимает ранее опущенную голову и ухмыляется у зеркала в одной из комнат большого старинного дома селения Грибной Суп. Он выходит из гостевого дома и задумчиво бредёт к лесу.

– Почти победа. Все тузы в рукаве! Но в жизни ведь не бывает всё так просто, даже если продумать всё наперёд и не расслабляться, – озвучивал парень мысли вслух и обернулся на шелест листвы. – Кто?

Вслушивание – тишина, но за Дениэлом явно пробежал ребёнок.

– Призрак?

Парень обратил внимание на угли в траве, угольками выложено было имя: «Дениэл». Он хмыкнул.

– Крайне любопытно, – спокойно осмотрелся блондин по сторонам. – Надо попросить Изму усилить защиту.

Злёноглазый чёрт пинает угли и хмыкает повторно, выражая омерзение, пренебрежение, превосходство, да напористым и настойчивым шагом направляется обратно, в своё неприкасаемое логово. «Глупые призраки прошлого...» – горько проносится в его голове.

Глава 10. Ночь четверга. Макинтош + Антоновка

Беловласый сын барабанщика из «Марксов», сын Хосе Мансаны, или же просто Хулио Мансана заходит в британскую небольшую квартиру отца, на стене которой наравне с флагом Великобритании величественно висит герб семьи в виде зелёного яблока. «Мансана» – с испанского «яблоко»: так фамилия Хулио и Хосе говорила о их предках-садоводах, специализировавшихся на выращивании яблонь. Хосе, что-то смотря на ноутбук, грызёт жёлтое яблоко...

– Голден? – обратился Хулио к отцу.

Мужчина утвердительно кивнул и повернулся к юноше:

– Где был? Час поздний.

– Прогуливался по улицам, – убрал бывший барабанщик «Четырёхлистного Клевера» руки в карманы и присел у окна.

– С кем-то?

– Один, пап, – встал парень и станцевал в сторону отца. – Я разговаривал с Кингом О'Найрой из Мацуямы по телефону, помнишь такого? – открыл Хулио холодильник и помолчал секунд десять. – Я упоминал.

Хосе прикусил верхнюю губу и отложил жёлтое яблоко в сторону.

– Чем этот Кинг зацепил тебя? Я видел его со стороны, и его взгляд – сынок, не водись с таким, как он, он... Я видел уже где-то этот горящий безумием и яростью взгляд!

– Задорный и жизнерадостный, пап?! – помедлил парень. – Это трудно объяснить, ведь я сам не могу понять наверняка, чем именно, но... – посмотрел он на отца, тревожно жующего нижнюю губу, – в нём есть что-то такое, что я не могу объяснить! Его бунтарская натура и... и, может, нам судьба была встретиться с ним и поговорить о Вертфлесте?

– Что-то сверхъестественное?

– Да, пап! От него так и веет чем-то... мистическим!

– Будь осторожен с такими знакомыми, Хулио. Жизнь как концерт оркестра с рок мелодиями и классической музыкой, и на этом концерте всякий музыкант держит в руках свой инструмент и играет по своим нотам, но в совокупности – это система взаимодействий разных людей, играющих музыку, играющих в жизнь. Никогда не знаешь наверняка, кто из хороших знакомых способен толкнуть тебя за борт или вскрыть твою сонную артерию смычком, как бы глупо не звучало, а кто из врагов вытащит на сушу или совестливо вызовет скорую. Неведомо и то, кто окажется в зале доктором, встанет ли на твою защиту адвокат, если ты разобьёшь голову сумасшедшего музыканта или официанта скрипкой по случайности – никто не знает, к чему может привести нелепое знакомство или лишнее слово, оттого будь осторожен с гипотетически подозрительными или просто сверхъестественными существами, Хулио, ибо жизнь одна, и она бесценна.

Беловласый парень достаёт из холодильника жёлтое яблоко в крапинку, обнюхивает его со всех сторон и откусывает. Он садится на стул рядом с отцом, прожёвывает яблочный кусок, находящийся в заточении между зубами.

– На дворе времена, не внушающие доверия, и я предельно осторожен, пап, – бодро откусил большой кусок от яблока сорта Голден Делишес Хулио Мансана. – Будь уверен!

– Я уверен в тебе, но не уверен в других, – закрыл Хосе ноутбук.

Мужчина, не смотря в сторону сына и игнорируя всякое нервное его движение, встаёт из-за стола и уходит к холодильнику.

– Знаю...

– Просто поверь моему богатому жизненному опыту, Хулио! – хлопнул отец дверцей холодильника. – От голубоглазых можно ожидать всего, что только в голову не взбредёт! Тебя не было там, где был я!

– Я знаю, пап, и буду осторожен.

Юноша мягко улыбается вздыхающему отцу. Булькающий звук пришедшего на мобильный телефон сообщения даёт пощёчину могильной тишине.

– Кинг из Мацуямы?! Опять?!

– Напоминание о доставке, пап... – скрылся парень за спальней дверью. – Или невыносимый мой отец вас звать, сеньор Мансана? Ах да, точно, для того чтобы как-либо к вам обращаться надо с вами беседовать! Сдохнуть можно как классно!

– Не язви мне.

Парень смотрит в телефон с сообщением от Кинга, не открывает его, не читает его и выключает телефон, бросая на прыгучий матрас кровати.

Глава 11. Пламенный закат и ледяной рассвет

Рулон темнеющего на глазах искусственного шёлка катится по письменному столу и сваливается – остатки ткани, не долетая до пола, висят в сантиметрах пяти от холодного кафеля. Три широкие и сверкающие светом атласные ленты с противоположной стороны стола скатываются, летя стаями лебедей, и падают!

Тёмно-фиолетовый флаг с тремя не пришитыми светло-жёлтыми полосами валяется в пустой комнате, где окна прикрыты серыми тюлями. Цвета флага вытягивают яркость из окружающего мира, и вместо баланса яркости и тусклости Дениэл получает пёстрый и режущий глаза флаг несуществующего государства в мире, где нет ни радуги, ни звёзд, ни экзотических растений.

В новоиспечённом Театре Мух тянется дымка по полу, а жёлто-фиолетовый флаг, местами пришитый к голубо-зелёному тяжёлому занавесу, развивается парусом корабля дальнего плавания. Занавес открывается! Белый свет ставит акцент на выходе из-за кулис. Зелёноглазый Дениэл с широкой и маняще доброй улыбкой держит руки за спиной, любопытно осматривает зал и приподнимается на носочках: среди гостей на красных бархатных креслах и Фрезия, и Жакаранда.

– Приветствую вас в Театре Мух! – поднимает он руки. – Я искренне благодарен вам за то, что вы выкроили время на сей всплеск детского энтузиазма, молодёжной красоты и зрелого смысла. Без лишних слов, друзья! Да начнётся представление! – кивнул парень в зал. – Приятного лицезрения.

– Если он думает, что за роскошными декорациями и чарующей актёрской игрой мы не поймём и не запечатаем его умыслы, смысл этого представления, то он глупее моих старых сапог, – шепнула на ухо сестре президент Южной Зетовины.

Парень скрывается за потоком белого света прожекторов, в тени, и белые молнии в прожекторах тускнеют, зелёный песок рисует узоры высотных деревьев и приземистых морских волн.

Дрожат губы Дениэла у микрофона радиорубки, голос его пронзительно проносится по Театру Мух: «Более ста лет назад была легенда, что Вертфлест, чудотворческий и толкаевский, – это единственное место, где может светило быть и жёлтым, и белым, где может светить и Солнце, и Сольсолнце, но вертфлестчане этого никогда не замечали. Сегодня мы знаем, что явление „пляшущие солнца“ – везде, и в течение этого представления мы увидим как тот, так и иной свет, однако суть вещей не поменяется – света всегда больше, чем тьмы – замечаем мы это, или нет, знаем мы это наверняка и железно, или нет». Блондин приподнимает руки в своей радиокоробке и продолжает говорить: «Да, я лично знаю много тёмных заклинаний, знаю, как создавать, распространять и подавлять заболевания, чувствую, где вороньи кони войн пробегают со скоростью звука, могу исказить внешний вид людей и забирать жизни! Все могут забирать жизни, правды ради, но не все хотят или должны... Кто-то скажет, что тьма со светом слишком далеки друг от друга, и я не понимаю, чего больше, но я знаю одно: кто блуждает во тьме, тот лучше всех видит свет, и наоборот».

Евгент Фальситет, ученик и воспитанник Талантливого Дома, а также староста двенадцатого Цэ-класса, сидя в зале театра, ёжится от неудобства и любопытно наклоняет голову вперёд. Песок рисует мирскую историю столь искусно, что западает в шелки сознания и подсознания всякая мысль.

Дениэл по-королевски и по-президентски выходит на сцену, над ним вспыхивает серо-коричневый свет, вокруг начинают летать, изредка замирая на пару секунд, блики и лучики из прожекторов, кои не поддаются законам логики и физики, кои волшебны и неприкосновенны. Блики и лучики вылетают, как лазеры из фантастических пушек! Парень, или человек,

позиционирующий себя, как обычный парень, убирает руки по карманам, сверкая монотонно зелёными глазами.

– День длиннее ночи, добро всегда побеждает зло и – сколько бы не умирали люди – рождается больше! Но куда прячется зло?! В темноту. И, если никто не против, – исчез он и оказался в радиорубке, повиснув над микрофоном, – я начну эту историю с самого начала.

Сцена разделилась на красную и синюю зоны, а тон голоса Дениэла из радиорубки смешался с грубого и простреливающего сердце на мальчишеский и надеющийся на продолжение сказки.

– Жили-были два принца: одному было всегда жарко, а другому – холодно. Жаркий принц и Холодный принц.

На два полюса сцены выходят два принца – бойкий-сильный да скромный-разумный.

К Дениэлу, нависающему подбородком и плечами над столом радиорубки, подходит Ханофель – простой мальчик с расчёсанными светлыми волосами и в чистой одежде. Зелёноглазый Демон спешно выключает микрофон, около потухшего зелёного огонька вспыхивает красный, и парень поворачивается к мальчику да замечает в руках его игрушку-пингвина в тёмно-зелёном свитере.

– Какая страшная рожа, ха-ха-ха! – пальцем коснулся Дениэл свитера игрушки и вывязанного монстра на ней да обернулся назад, взглянул на огонёк – на красный огонёк. – Пингвин на грильбина больше похож, чем на пингвина!

– Даже и не знаю, наверное. Я грильбинов никогда не видел!

– Я тоже, если картинки в сказках не считаются, – пересел парень со стула на пол.

– Хе-хе! – присел мальчик на пол рядом с Денни и улыбнулся на его добродушную улыбку.

– Кафель ледяной, вставай.

– А ты чего сидишь? – недовольно встал с пола Ханофель.

– Во мне жизни, как на снежных вершинах гор тепла или как в этом театре реальных стройматериалов, Ханофель, я... Мне терять нечего, а вот ты обычный мальчик.

– Мы так редко говорим о том, кто ты на самом деле. О твоей жизни!

– Моя жизнь – это моя работа, – сказал колдун, как отрезал. – Для того, чтобы понять мою работу и меня, надо как минимум отсидеть в дурке, – гневно усмехнулся он, держа себя в руках, – а как максимум быть преследуемым головорезами, прокатится черепом по лестнице и за одну минуту потерять всё, оттого даже не вздумай хотеть меня понять! – говорил Дениэл серьёзно, вставая он с пола. – Не вздумай быть кем-то – будь собой.

– Потерял всё, Денни, что это «всё»?

– Не понял, – нахмурился блондин, – в чём вопрос?

– «Всё» – это, если конкретнее, что? Что за «ВСЁ» ты потерял?

Парень смотрит мальчику в глаза с неплохо скрываемой ненавистью.

– Надежда – наше всё, помнишь, как я это уже упоминал?

Мальчик кротко кивает.

– Я потерял надежду на второй шанс, новую жизнь и на мечту, умение мечтать широко, на «крылья», ясно?

– Ты построил театр!

– Я мог бы больше, если бы умел мечтать! – сорвался парень на крик и стал тише. – Для этого, увы, надо было прожить счастливую жизнь до моих двадцати лет, однако второй шанс мой вытек как масло сквозь пальцы, дрянное масло из убогих пальцев.

На сцене сменялись вспышка за вспышкой, мелодия за мелодией.

– Просто так пришёл, побесить меня, или по делу, Ханофель?

– Принцы сейчас ссорятся? – прислонился мальчишка к стеклу радиорубки и устремился мокрыми глазёнками к сцене.

Кровь Дениэла остыла, он призадумался, посмотрел на настенные часы и посчитал в уме:

– Да, уже как минут семь или меньше.

– Эти часы не работают, – незаметно для Дениэла вытер Ханофель рукавом красные глаза и вновь был устремлён карим щенячьим взглядом к нему.

– Я знаю. Чего ты не в зале, к слову? Там весело – десятки дятлов глазают в одну точку с по-разному открыто-закрытыми ртами, они восхищаются ерундой и ищут глубокие смыслы! Иди.

– Я не дурак, ты что-то задумал. Для чего тебе это представление, Дениэл? Для зрелища? Сказать своё слово и показать могущество магии? Не думаю.

– Слово «пропаганда» тебе что-то говорит, не дурак?

– Мне лучше молчать в тряпочку?

– Соображаешь, это хорошо, но вопросом на вопрос не отвечай, и спрашивать у меня можешь всё, лучше отвечай... вёртко. Как я.

– Как Великий Змей? – поджал Ханофель уши.

– Как змея, да, – чуть не подавился воздухом Дениэл, – и я не понимаю, о каком-таком Великом Змее ты говоришь.

– Я пойду, Дениэл, и ты понимаешь... – глазел выпученными глазами малец.

– Спасибо, и уходи.

Зелёная молния включил микрофон силой мысли: «Жаркий и Холодный принц ссорились, как вдруг пришла фиолетовоглазая незнакомка».

Сцена. На границе красного и синего света левитирует заторможенная в движениях дама.

– Полно ссориться, принцы. Мы можем решить всё мирно и словесно.

Жаркий принц на красной стороне и Холодный принц на стороне синей хмурятся, морщатся, кислятся в омерзении друг к другу.

– Как?! – крикнул принц Жаркого государства.

– Каким же образом? – произнёс принц Холодного государства.

Жаркий принц оглядывает девушку-женщину с ног до головы.

Позади незнакомки плескается водопад, сиренево-фиолетовые глаза её сияют, а на груди висит пятиконечная жёлтая звезда. Синь воды скатывается инородными нитками по невидимой стене, как по дорогой ткани, на напольную плитку сцены и возвращается вверх – всё столь циклично и гипнотизирующе, что принцы забывают о ссоре, хотя это лишь одно замершее в воздухе мгновение, один миг на настенных часах радиорубки.

– Кто вы? – хлопает Холодный принц по циркулирующей воде рукой, не веря глазам. – Уоу...

Незнакомка с фиолетовыми глазами заговаривает эхом, отпрыгивающим и отлетающим от каждого кресла, от каждого фиолетово-жёлтого настенного флажка зала.

– Деми Соль-Паон я, я – собирательный образ всех семейных неурядиц, их дух! Быстро прилетаю, словно птица, молча уплываю, словно рыба.

Жаркий принц загоготал и насмешливо дёрнул загорелой рукой на кулон-звезду незнакомки:

– Семейных неурядиц?! Но мы же даже не родственники с этим подсапожным тюфяком!!!

– Изволил высказаться хряк на крюках для обескровливания, изволил подарить своё важное невнятное слово мясникам! О незнакомка, о неурядиц дух! – убрал Холодный принц руки к груди и в молитве собрал их в замок. – Или мы...?

– Что за «или»?! – резко перебрисил Жаркий принц взор свой и внимание своё на вдумчивого принца. – Возомнил себя моим родственником?

– Я обратился не к тебе, импульсивный подлец перебивать мой диалог с сей незнакомкой! – грозно делал шаг за шагом на встречу к границе красного и синего Холодный принц. –

Предпочитаешь считать, что умнее самой судьбы, что перекричишь саму жизнь своим жалко писклявым голосом? Что грубее скал, да? Так вот я огорчу тебя – вода по каплям точит камень.

– Я не умнее самой жизни, я не сильнее её законов, чтоб ты знал, но я и не глупец! – последовал пылкий принц осторожно и трепетно к границе цветов.

– Я и не притязаю на то, что ты глупец.

– Да ну? Я не знаю, где мы, в отличие от...

– И я не знаю.

– Не знаешь? – остыл Жаркий принц.

– И куда идти – не знаю! – разгорячился Холодный принц.

– Хотите мириться – миритесь, я подожду, – подняла голову фиолетовоглазая незнакомка. – Хотите ссориться – пожалуйста.

– Зачем ты здесь, Деми Соль-Паон? И что это за имя такое? – скрестил руки на груди принц Холодного королевства.

Деми Соль-Паон переключила область интереса с Холодного принца на Жаркого:

– Вы вдоволь нассорились, господа королевичи?

– Вдоволь, – не дал Жаркий принц Холодному ответить и поклонился духу семейных неурядиц. – Говори то, что хотела сказать, о малознакомая нам чародейка!

– О дух водопада, о дух невзгод, – преклонил голову пред ней и Холодный принц.

– Семья – это семья! Нет ничего важнее семьи!!!

– Как громко сказано, – свистнул Холодный принц.

– И это моя вам истина на сегодня.

– Больше сказать тебе нечего...? Я не понимаю! – прокричал Жаркий принц. – Для чего эти слова, о глупый дух, что могут они нам дать? Для чего мы здесь?! За что это всё нам, это наказание!!!

В спину разгорячившегося принца летит стрела, которую Холодный принц заковывает в лёд. Жаркий принц резко обернулся:

– О великий Агни! Спасибо, что ли. Спасибо, брат...

Холодный принц гордо поднимает голову, закрывает глаза и, махнув рукой, радостно улыбается. В его спину летит стрела. Жаркий принц сбивает стрелу потоком огня и сжигает её, сжигает деревянную её часть, оставляя обугленный металлический наконечник на земле:

– Нет!

Холодный принц со страху раскрыл глаза, испугано обернулся к наконечнику стрелы и жаркому воздуху, взглянул на наконечник и заговорил промёрзшим голосом:

– О снежные лавины и о милейший Варуна... – наклонился Холодный принц и взял тупое остриё стрелы в обе ладони. – Это чудо, – со смешанными чувствами на сердце сказал он. – Это рукотворное чудо, что ты меня спас, братец! – повернулся Холодный принц к Жаркому принцу. – Иль не братья мы? Незнакомка, рассуди.

– Братья! – грозой в водопад ударила Деми Соль-Паон. – Как ашвины, как боги-близнецы Насатья и Дасра, олицетворения рассвета и заката.

Женщина хлопнула в ладони на сцене, а Дениэл подключился к радиорубке.

– Один раз моргнули принцы – на глазах их появилась пелена, второй раз моргнули принцы – радужки их глаз пофиолетовели и жёлтый блеск на зрачках их рассеялся песком по ветру.

Деми Соль-Паон разломила своё украшение звезду, как печенье-предсказанье, на две части:

– Отныне и навсегда... Вы – хранители равновесия, хранители умеренности миров! – подарила она по половинке звезды принцам. – Жаркий принц – ты Пламенный закат отныне и на век, да на века, а ты, Холодный принц, вмиг Ледяной рассвет, из года в год, из века в век. Теперь небо – терра ваша, а воздух – ваше царство. Теперь вы – душою братья, родственники

вы. Солнцем и Сольсолнцем едины вы теперь, закреплены, завязаны и связаны, скреплены, ах и увы!

Сцену окутывает россыпь фиолетовых звёзд – то ли пыли, то ли блёсток.

– Теперь я буду двери открывать и ночь на небо выпуска-а-ать, – распел Пламенный закат.

– А я двери закрывать и укладывать звёздную ночь спа-а-ать, одеялом укрывать, – подхватил мотив Ледяной рассвет.

– Да будет так!

– Да будет так.

Глаза зачарованных зрелищем гостей блистают сиреневым.

Дениэл выходит на сцену, освещаемую уже простецки белым светом, и кланяется.

– Спасибо за уделённое сей спектаклю время и внимание, дорогие друзья! – говорил Дениэл медленно и текуче. – Я и моя команда счастливы были подарить вам приятные воспоминания. Также под вашими креслами мешочки тканевые – в них небольшие платки-подарки.

Евгент с фиолетовыми бликами на глазах открывает мешочек и нащупывает жёлто-фиолетовый полосатый флажок, пришитый на белую ткань.

– Это неплохой помощник в борьбе с насморком или с нежелательными пятнами. Спасибо! – скрывается Зелёная молния в радиорубке, как вмиг за спиной его, в радиорубке, появляется он.

– Дениэл! Их глаза засверкали! – надоел Ханфельд. – Это внушение?

– Да, Хановель, – посмотрел Дениэл на красный огонёк у микрофона и наколдовал игривую обезьянку, затараторив. – Далёкую Страну Забрению полностью не взять да не сломить, а вот около одной трети планетки Райдо-Манназ – легко. Соулу-Гебо может, в принципе, и подождать.

– Удобно! Одобряю.

– Спасибо, – наколдовал колдун ручку.

– Красивое представление!

– Какие только мысли не придут на ночь глядя, да? – ухмыльнулся хозяин театра мальчишке.

– Это очень красивые мысли... Как ты научился так думать?

– Просто много думал. Держи! – подал славную ручную обезьянку Ханофелю Дениэл.

– Уау! Живая?!

– На все сто. Нравится?

Мальчик заиграл с новым другом:

– Ещё спрашиваешь?! Мой первый питомец!

– Береги его. Итак! Готов отправиться со своим новым верным другом на учёбу, дружок? – подал парень кареглазому мальцу ручку. – Приготовься к перррррроклассссным ПРИКЛЮЧЕНИЯМ из Зетовины в Зетовину, да не забывай скармливать своей обезьянке записки с интересной информацией, хорошо? Скармливай, мне надо знать, как твои дела там.

– Х-хорошо... – взволновался Ханофель. – Я рад был знакомству, Дениэл. Завтра проводишь меня?

– С большим удовольствием, братец, – полуприветливо раскрыл Денни руки для объяснения. – Ну?

Парень и мальчик крепко-накрепко обнимаются.

– Мой младший брат... – притронулся колдун к светлым волосам Ханофеля. – Когда альмы перестанут властвовать над судьбами миллионов людей, в роковой момент Икс, ты будешь в безопасности.

– Я буду скучать, Денни.

– Для меня это как нож по сердцу, однако я тоже, тоже буду скучать, – мягко похлопал парень мальчишку по щекам. – Насколько смогу.

Мальчик берёт парня за руки и выводит из радиорубки, в то время как чёрный блокнот «Уголь-небо» остаётся терпеливо лежать на столе у микрофона.

Глава 12. Репетиция

Буквы сценария, лица, репетирующие слова с листочков, шепчущие губы, проверка звука и исправности оборудования, щёлкающие по рычажкам пальцы, летающие белые листы бумаги, падающие одноразовые стаканчики и натянутые провода – полевая обстановка.

Важная женщина заговорила:

– Свет, камера, аксьон... Свет, камера, акс... Эх. Све...

Luz, самага, ассіон! («Лус, камара, аксьон» [исп.] «Свет, камера, мотор!»).

Из-за спины важной нервной женщины выпрыгнул доставщик в оранжевом костюме:

– Заказ на доски!

– Ну, опять как под стать... У нас съёмка, молодой человек!!! – забрызгала она слюной всех окружающих. – Его что – не предупредили?! Разберёмся! Примите воду кто-нибудь!!!

Доставщик с рюкзаком за спиной выкатил из ниоткуда магазинную тележку с коробками хлебцев, которые сильно напоминали доски:

– Доски! Доски! Доски!

Летают наушники и микрофоны, копаются над кошельками люди, гугукающие, подобно мартышкам. Чёткость речи и красоту картинки всё сбивают и сбивают ароматные пончики...

Важная женщина всё нервно кричит:

– Глаза в камеру, Джоанна! Лус, камер... Ааа! – вырывала она клочья волос из головы. – Заново!!! Заново!!! Заново!!!

Слепящий свет отражается от прицела десятков видеозаписывающих и аудиозаписывающих устройств, идёт уж сотая запись за двухсотой, трёхсотой...

Красивая тёмноволосая и остроносая девушка в приличном костюме неробко выходит на окончательную позицию (на жёлтый напольный крест).

– Здравствуйте!

– Здравствуй, Джоанна! – безумно глазел в камеру телеведущий с бантиком на шее. – Леди и джентльмены, рад всех вас приветствовать на данном празднестве ума и таланта! Аплодисменты! Сегодня, на финальном этапе нашей шоу-олимпиады, решится дальнейшая судьба двух великолепных леди, поприветствуем их! Браво, браво!

– Наше почтение! – взвизгнула телеведущая в короткой юбке.

Джоанна Мейсон громогласно подчёркивает весь пафос происходящего, обращаясь к культуре телевизионного СМИ пластмассовой улыбкой.

Кивки за кивками, улыбки, свет, всхлопывания и всхлипывания, но уже вне поля зрения.

– Ну же, представьтесь нам или я вас представлю за вас, хитрые лисицы! – не отрывался от камеры телеведущий с бантиком на шее. – Ладно, сделаю вам послабление – представлю вас сам! Итак, Джоанна Мейсон из Талантливого Дома и Горлианна Сум из Златоглазых Горлиц. Скажите, как вы добились того, что имеете сейчас? Каким образом подошли к данной цели? Джоан, вам слово.

На румяных щеках студийессы играли слепящие белые прожекторы:

– Знаете, в моей семье, именно в школьной семье, в классе, в параллели и рядом с учителями-наставниками всегда царила эта неопишуемая атмосфера не созерцательной, а иной деятельности. Движение – жизнь! Творчество, наука или спорт – не важно. Во всём, как мне говорили, есть свой смысл, и у каждого на свете есть своя своеобразная цель, рой, простите, да, роль, вот меня исправляют уже. Молодцы! – сияла от счастья жёлтым светом девушка. – Я с трудом подбираю слова, хоть стою оратором того места, что воспитало меня. Стою здесь и сейчас пред вами, не только видя и понимая все свои ошибки, но и признавая их. Столь честной и искренней пред вами и самой собою меня первостепенно сделал именно Талантливый Дом, именно моя школьная семья, так что... Спасибо!

Телеведущая в короткой юбке обратилась к Мейсон:

– Прекрасные слова, Джоан! – смотрела молодая женщина с кожей, натянутой по самые кости, в камеру. – Хочу напомнить нашим уважаемым телезрителям, что послезавтра состоится вторая часть «Эрудитов» – суперконкурса между двумя легендарными школами Вертфлеста! Из восьми уже осталось четверо, но не всё так просто: сегодня их останется трое, и победитель сегодняшнего вечера отправится в ФИНАЛ!!!

Доставщик хлебцев ударяет кулаком по клавишам синтезатора.

– Горлианна? Горлианна?! – кричала Джоан растекающейся, тающей, будто сахар в чае, сопернице. – Помогите ей!

– Ей жизнь не нужна, ОНА ПРОИГРАЛА! Нет никакой Горлианны и не было никогда! – повернулась на 180 градусов голова телеведущего с бантиком на шее, а на зубах его раскрытого рта, как на пианино, игрались полевые мыши.

– ААААА!

Глава 13. За час до взлёта и падения

Худющая телеведущая в короткой юбке хищно сверкала всем своим существом: «ФИНАЛ!!! ФИНАЛ!!! ФИНАЛ!!!». Джоанну обливало жаром и обдавало холодом, когда ветерок случайно разбудил её – она очнулась ото сна и резко села на кровати: «Ааааа!!!».

За окном стоит звёздная ночь, неподалёку ухает сова.

Бабушка Джоанны открыла дверь внучкиной комнаты и впустила к испуганной студий-ессе в пижаме тёплый да уютный жёлтый свет:

– Что произошло, милая? – насторожилась пожилая леди. – Кошмар приснился...?

– Бабуля... Бабуля, это, э-это... – беззащитно закрыла девушка лицо белыми ладонями с синеватыми ногтями, ей было стыдно за румянец и крайность собственного состояния.

На часах натикало ровно одиннадцать ночи. Через час настанет пятница – сердце девушки заколотилось в груди от одной только мысли о пятнице, брр!

– Д-да... Мне снова и снова снится та телеведущая и... – размахивала внучка руками. – ФИНАЛ!!! ФИНАЛ!!! ФИНАЛ!!! Скоро финал, бабуля! Завтра болотная ведьма состроит мне победу, лишь бы околдовать всех и свести студийцев с Лейнстрейнджами!!!

Безоружная участница конкурса закрыла лицо одеялами и заплакала:

– Я-я... Я не могу... Не могу...

– Не бойся... – погладила бабуля внучку по голове. – Ты дома, мы рядом.

Джоан крепко обнимает бабушку, вымолвив сквозь рыдание пару рваных предложений:

– Бабуля Маргарет, Господи, я так устала... Я не хочу закончить как дедушка Феде... Подчиняясь чьей-то воле... ах!

– Чч... Чч... – не переставала бабуля Маргарет успокаивать внучку своей шершавой и нежной ладонью, собрала вместе непослушные её волосы и убрала за уши.

– Завтра я и выиграю, и проиграю! Что это значит?! За что мне это?! – орала Джоан, переполняясь от сумасшествия. – Не знаю, но эта грёбаная ведьма ещё получит своё! Оо, Сет-хом клянусь, что на этом свете ей жить осталось недолго, ибо я сделаю ВСЁ, чтобы эта поганка скрылась в своей гнилой мягкой земле навеки вечные!!!

– Солнышко, не клянись самим Сетхом! – ахнула бабушка. – Это же будет означать, что... кхм.

– Что я не шучу, – заговорила девушка твёрдо. – И это так! – мстительно улыбалась, кривясь от гнева в подобии улыбки, она. – Не шучу! Потому что это дело чести рода Мейсонов, и, если будет надо, я откопаю из-под земли самих Рабов Судьбы, саму Энию, саму Айру, самого Лингвуса!

– О волхвы! – схватилась бабуля Маргарет за сердце и прикрыла дрожащей рукой рот. – Рабов Судьбы...?! Откуда, о волхвы?! И... И кого...? Ох, волхвы упаси!

– Если понадобится, я буду готова на всё, – успокоилась и укуталась в одеяла, отвернувшись лицом к окну, девушка. – Доброй ночи, бабуля. Доброй!

Глава 14. 27/Сен/2019/Пт. Долгожданный финал

♪ Aviators – All Hallows

На телевизионном экране мелькают виды шести островов Вертфлеста с высоты птичьего полёта, показываются красоты острова гроз (о. Шол.), острова цветов (о. Ицпапа.), острова туманов (о. Айа.), острова праздников (о. Шоч.), острова путешествий (о. Як.) и острова ураганов (о. Атла).

Остров Шолотля хвастается развитой инфраструктурой и большой территорией, остров Ицпапалотли – своим почитанием традиций и природы, что не мешает развитию инфраструктуры, остров Айаутеотли славится байками о народах за стеной, о пиратах-призраках с судна «Аврора», о небоскрёбе, видимом лишь ночью... На острове Шочипилли всегда ярко, весело и спокойно, на острове Якатекутли никого не ждут и всегда гипнотизирующе серо, в то время как про Атлакамани вообще нечего сказать – на нём просто стоят стены с розовыми сухими шипами.

Также на экране телевизора мелькают изображения богов и богинь ацтеков, и по итогу в кадре появляется телеведущая в красном блестящем костюме. Она произносит: «Вертфлест – это...».

* * * * *

Чёрно-беловласая Эния в длинном сером платье, сама Повелительница Судьбы, смотрит многоцветный телевизор, но смотрит без звука, говоря вместо мелькающей на экране телеведущей её заученный текст – слово в слово. Колдунья сидит в кресле-качалке, вдыхая ароматы из чашки чая в руках, и ехидно посмеивается.

– Город-государство на дружных островах-соседах в Тихом океане близ Новой Зеландии, место, далёкое от глаз многих смертных на планете Земля. «Рай и Ад», «Земля Чудес», «Место, где хочется остаться навсегда», «Тайна Тысячелетий» – много имён приобрёл Вертфлест за столько лет своего существования, однако одно всегда оставалось неизменным – его уязвимый клочок суши, его ядро.

Её чай в чашке начинает каруселить, крутиться и кружиться, виться атомными обручами, а движения губ Энии и движения губ телеведущей перестают совпадать.

– Беда кроется не на небесах и не под землёй, даже не в, казалось бы, таком близком чудотворческом мире... Беда заключается не в расположении и не в его жителях! Одно единственное здание – вот уязвимая сердцевина толкаевского Вертфлеста, то, что может разрушить весь Вертфлест (чудотворческий и толкаевский), да только уничтожить или усмирить дух данного здания всё равно, что низвергнуть магию навсегда – невозможно.

Чайные капли в чашке Энии подпрыгивают, подобным образом и вздрагивают узоры на чашке, одной ненаглядной чашечки из блеклого сервиза.

– Правда ли это, что так невозможно? Отвечать некому. Знающие будут молчать до конца, а незнающие продолжают пытаться посягнуть на святое, продолжают выкидывать попытки словить рыбку в Мёртвом море до конца своих дней!

К Повелительнице Судьбы подплывает огромная улитка по полу, кой на сантиметров пять залит водой. Или чаем?

– Пейте чай, а то остынет! – посетовал мистер Улитка.

Телевизионные краски отпечатываются на сдержанном и спокойном женском лице, её заворожённое видами Вертфлеста лицо дёргается.

– Что мне твой чай, когда начинается самое интересное, понимаешь?

– Едва ли, – опустил голову беспокойный сэр. – Вы болеете за Талантливый Дом?

– Хм! – оставила Эния чашку висеть в воздухе, довольно улыбаясь и поворачиваясь к огромной улитке. – Какой сегодня день, Эрве?

– Та самая пятница, мисс, – ответил улитка Эрве.

– Вот именно! – выхлебала Эния чай из вновь взятой чашки. – Дадим Измаиле поиграться с валетами, пока не подбросим ей в одночасье парочку козырей, троечку карт так тузов! Хе-хе! Она доберётся до своего первого короля – козырного короля, – со звоном поставила женщина в сером чашку на зеркальный столик у кресла, – но обломает зубки о камень. И тогда на горизонте все её туманы развеются!

– Вы уверены, что подметили тех, кого надо было, Эния? – незада чливо прищурился улитка Эрве. – Поговаривают, что потомок Лейнстрейнджа подаёт большие надежды. Он может справиться вместе со своими друзьями, разумеется.

– Ха-ха-ха! У него нет друзей, Эрве! Вся жизнь Алое Лейнстрейнджа – обман, как отражение в кривом зеркале, а я, уж поверь мне, знаю толк в зеркалах! У Алое молочные зубки растительного, а у Дениэла – коренные хищного зверя, хоть и притворяется он беззубым существом.

Повелительница Судеб ведёт рукой над зеркальным столиком и приподнимает её – стол вырастает до кончиков её пальцев, женщина убирает руку к чаю, в то время как цельная поверхность столика звенит и хрустит, пересобираясь в зеркальную мозаику.

– И поговаривать могут всё, что угодно! Я не дурочка: я наблюдала за учениками всех школ Вертфлеста, дабы никого не упустить!

– Никто и не говорит, что Вы ду..., Эния.

– Наблюдала много лет, и знаешь что?! – поставила женщина в сером чашку на стол. – Этот кретин Алое без дедушки и бабушки ни с чем не справится, а его «друзья» при запахе пали да гари сразу же побегут с корабля, как крысы, ни о ком не вспомнив!

Улитка Эрве опустил в два движения своих тонких и склизких рук переделанный Энией столик, он забрал опустевшую чашечку, посмотрел на зеленоватую воду, уровень которой на пять сантиметров выше уровня пола, приподнял голову боязливо:

– А не противно ли Вам будет поддаваться столь низшему созданию, как болотная ведьма-недоросток?

– Противно, конечно! – театрально сжала чёрноглазая ладонь в кулак. – Но мы должны дать ей выиграть, чтобы она прочувствовала момент! – разжала колдунья кулак. – И только тогда... Что? – заметила женщина в настенном зеркале, одном из десяти, подозрительный зелёно-фиолетовый свет и подплыла поближе, чтобы взглядеться. – Нет! Выродок, чёрт его...! Агх! – разбила женщина зеркало чашечкой, в полёте ставшей металлической из фарфоровой. – НЕНАВИЖУ!

Глава 15. Зелёно-фиолетовый свет: жизнь и смерть

Светловласый и зелёноглазый Дениэл заходит в готическое старое здание «Тротуария Розуара» и с восторгом замечает страшную призрачную старуху в лохмотьях у дверей в кухню.

– Спасибо, – вымолвил призванный кофейными маргаритками, пылающими в палисаднике, дух самой мадам Жусиши-Хейс.

– Вам спасибо, что снизошли иль поднялись к нам... – поклонился до земли Дениэл. – Я ваш слуга, госпожа Жусиша-Хейс, и я надеюсь на взаимопонимание: мне нужен проверенный чертами и кознями информатор и достойный охранник порядка Грибного Супа, с недавних пор, дело в том, что им управляю я. Без тела нет дела говорить, потому я готов предоставить вам тело юной и милой девчонки в пользование, тёмновласой, если изволите знать, за вашу милость помочь мне держать всё в узде!

Он щёлкнул средним и большим пальцем левой руки дважды и показал, словно куклу, тело бездыханной Кендисс Широн – ничем не примечательную девушку.

– Её душа далеко?

– Отсоединена от тела навеки, госпожа. Простая вертфлестчанка, пропажи не заметят – это под мою ответственность.

– Какой сейчас год?

– 2019.

– Мор упокой, ах! Боле ж ста лет назад уж как померла я! Благодарю за милость, присмотреть за этим бесоугодным местом будет мне за честь, а пожить мне за радость!

– Чудесно. Имя моё – Зелёная молния, а вы – Кендисс Широн, – отошёл он чуть поодаль и быстро зашептал. – Уж не светят солнца – луна блесит... И склоняются лишь звёзды в глади волной царства Тихого, как смерть, моря Карего, как грязь... Предо мною душа без тела и тело без души, о я склоняюсь перед вами – о Аид их соедини!

Соединились дух и оболочка духа в Кендисс Жусишу-Хейс, новую служанку Зелёной молнии.

– Твоя первая задача – присмотреть за изготовлением чипсов из чуть переделанного мной кубокартофеля, тебе объяснят, что такое чипсы, если надобно, и пробовать их строго настрого запрещено. Успеха, и с первым днём второй жизни! – улыбнулся он довольной Кендисс.

– В честь своего первого дня стану, наверное ж, Кендисс Новье.

– Твоё право – это теперь твоя жизнь, Кенди Новье.

Парень щёлкнул безымянным и большим пальцем левой руки и переместился с планеты Соулу-Гебо, из Грибного Супа Далёкой Страны Забрэндии, на планету Феу-Дагаз, во Фридель Златодельского Царства.

На пороге его дома, когда-то принадлежащего Бобби, Зу и Шоло Скатари, встречает колдуна его верный пёс Альваро, за псом выходит к светловласому и невзрачный мужчина, являвшийся перед Карлосом Брауном в зеркале. Огонь вспыхнул в Дениэловых глазах, полных самодовольства и гордости.

– Здравствуй, Зелёная молния. М-мне хотелось бы знать, надо ли ещё что от меня?

– Желаете умереть, Робби? Могу устроить.

– Я не об этом.

– С чего же? – поправил Дениэл ворот чёрной рубашки короткого в росте мужчины. – Ты прекрасно отыграл роль родственничка Карлоса Брауна, умница, настоящий Скатари! Сделал всё, что требовалось, но убить – я не убью, не надейся, просто из кладовки не высовывайся, ой, то есть из детской спальни, твоей комнаты. Тебя крайне беспокоит отсутствие заданий или можешь пережить это и не мешать мне, своим рылом отвлекая от поистине важных дел?!

– Не смею отвлекать...

– Тогда пшёл вон, дружище.

Мужчина не успел убежать наверх, лишь повернулся и замер каменной статуей – дреды Медузы превратились в змей и заколдовали Робби Скатари.

– Я и зевнуть не успел, – улыбнулся Дениэл перстневой подруге. – Время обеда?

– Да, Освальд сегодня просто умница! – зашла за спину парня девушка, чьи змеи успокоились и вновь стали волосами. – Сделал всё, что требовалось, – рассмешила она своим цитированием светловласого парня.

За обеденным столом Освальд, брюнет с ядовито-зелёными глазами, передал Дениэлу красностекольный лемнискатометр с дополнительными опциями.

– От Мегаса лично тебе в руки посылочка, мне пришлось здорово заморочить мозги курьеру, чтоб внушить, что я – это ты, и искренне надеюсь, что морочился не зря, да?

– Не зря! Наконец-то можно не шататься по Перт-Эйвазу в поиске очередного приста- нища Алана, а можно взять и наконец прийти к нему в гости.

Дениэл загляделся на красный ковёр с движущимися золототкаными животными – в основном змеями и ящерицами – и забылся. Звон фарфоровой тарелки о стол, запах овощного рагу и яркие его краски разбудили юношу.

– Понимаю, что тебе надоело говорить, но ты мне кое-что обещал, – уронила Медуза голову на ладонь и заковыряла вилкой в рагу из перцев, помидоров, кабачков и лука, пока вдруг не заметила на себе спокойный вопросительный взгляд. – Мы имеем полное право, как твои союзники, знать о причинах твоей ненависти к Алану Бушпепе.

– Справедливо. Его папаша оставил в своём дневнике ему указание сделать всё, чтобы Алан нашёл Арти и сделал из него доброго Мермегаса, якобы сын, но воспитанный чуть иначе, чтобы через Арти можно было надавить на Мегаса, а тот с чувствами своими дурацкими пошёл бы против меня. Я хочу, мы хотим, чтобы Арти был мерзким Лейнстрейнджем, чтобы, даже найдя друг друга, если это случится, у них никогда не было диалога, однако сие только в случае отказа Арти нам помогать. Я надеюсь, что ему хватит ума быть на нашей стороне, этому полумерзкому Лейнстрейнджу, моему дорогому родственничку, но я, увы, хорошо его знаю.

– К слову говоря, – начал говорить Освальд с явной заинтересованностью, – Мегас уже дал приказ убить Дракона, чуть он станет перстневым, при этом сына он надеется найти живым – ничего не напрягает?

– Ничего, Оззи, ведь либо Арти сдохнет и можно будет манипулировать тем, каким животным без папочкиного тепла он вырос, что нельзя было его не убивать, – отодвинул Дениэл солёницу от себя и взял в руки перечницу, – либо Мегас увидит сыночка, выросшего похуже Льюиса, и сам будет рад его убить, оттого поскудно понимать, что Алан пристроил сестрёнку в Златоглазые Горлицы и сделал всё, чтобы Лейнстрейнджи показали поганую натуру Арти, он ведь захочет быть другим – не альмасветлой наружности! А то, что этот ушлёпок ещё и сдружился с ними всеми под именем Асфоделя «Ха» – вообще страх! Уверен, что Эния приложила руку к созданию этого альтер-эго Алана, да ещё и с лицом Алое – она решила поиздеваться надо мной, – отодвинул Денни от себя перечницу. – Мешать Рабам и перестраивать чудотворческий – слишком большая ноша для меня, – закрыл он лицо рукой.

Медуза встала из-за стола и обняла Дениэла за плечи, а Освальд прошепел:

– Я могу помочь тебе, Денни, не ты один дружил с Арти в лечебнице, не ты один потерял с тем злополучным взрывом всё!

– Вы так часто говорить про тот взрыв... – оторвалась серолицая Медуза от плеч светловласого волшебника. – Когда я узнаю, что тогда произошло?

– Когда-нибудь, но точно после того, как я окончательно отвечу на твой вопрос, – почесал Зелёная молния бровь.

– Про Алана? – смутился Освальд и рукой приказал Медузе сесть, чтоб не мельтешила на глазах.

– Я и Алан, – сверкнули зелёные глаза Дениэла яростно голубым цветом, – мы с ним – Рабы Судьбы. Он – золотой повелитель жизни, а я – белый повелитель смерти, и он – перстневый тоже. У нас свои счёты, – встал из-за стола парень, не доев рагу, – вернусь поздно.

Злёноглазый Демон перемещается на планету Райдо-Манназ, да под жаром зелёного огня пересыхает речка Маета, из которой до этого выловили всю зетовинскую рыбу пестрягу да прочих речных обитателей. Дно Маеты долгие годы было усыпано черепушками, которые зетовинцы всегда принимали за камни. В Северном и Южном регионе Объединённой Зетовины проявились, выползли из-под сухой земли речки (в районах крайне нуждающихся). Фрезия выступила перед людьми и Жакаранда выступила, флагом нового государства сделали фиолетово-жёлтый полосатый с представления «Цирк» вместо старого флага синего с заводом в Северном регионе и красного с попугаем в Южном. Воздушная телеграмма пришла каждому жителю Зетовины и тысячи одинаковых фраз пронеслись – лица двух правительниц Зетовины отражались на стенах домов, стиранном белье, дверях, ведущих на работу, грязных кастрюлях... Какой дом, какая работа? Какая мойка посуды и стирка, когда Север и Юг – государства с разной политической системой боле века и разноразвивающей культурой стали одним?! За один день поменяли все флаги, недовольство росло в непридуманной прогрессии, однако Освальд, вовремя появившийся рядом с другом детства, подарил жителям Новой Зетовины успокаивающий туман из самых лучших чудотворческих трав. Его пеликаны-помощники поскидывали мешки с травяными порошками: ткань мешков на пятом метре падения разрывалась, а порошок на растительной основе, минуя жидкое состояние, становился газом – технологии мешка и порошка были подарком Дениэлу и его друзьям от Метелиэлиума Прохладоветродуя, ключик от склада знаний которого после его смерти припрятал у себя самый долгоживущий из перстневых, хозяин перстня Дракона и создатель всех перстней – Фредбер Соль.

Дениэлу было приятно осознавать, что после придумки Мете сделать всю еду доступной для употребления зетовинцами (без деления солёной еды только для северян, а сладкой – для южан) – после этого открытия в 1907 году больше никто ничего не делал для зетовинцев, лишь говорил красивые слова, а Денни и говорил, и годами планировал, и объединил Зетовины, хотя особого труда не составило сделать правительствами двух ближайших регионов молодых родственниц да надавить на нужные места. У Мете были ум, сосредоточенность и терпение, а у Денни, помимо этого, ещё смелость и решительность.

Дениэл вдохновлённо перемещается из Новой Зетовины Райдо-Манназа, кипящей перестройки, в уже родной Грибной Суп Феу-Дагаза – на автобусной станции «Грибник» он садится в автобус, очень упрощённую летягу, до «города садов» Республики Циан. Автобус от Фриделя до приграничного города Республики Циан с голубой травой и зелёным небом едет полчаса, а от приграничного города с тяжёлым названием до «города садов» часа так два – всё это время Дениэл читает то смешную, то поучительную книжку с житейскими историями толков, что для него лишь глупая фантастика. Ссора лишь из-за не того выброшенного мусора? Развод из-за какого-то сообщения в телефоне? «Магией пропавшее в толкаевском не вернуть, а изменщика не убить – тяжело быть толком» – подумалось Дениэлу под конец поездки.

Город Хоста-Альпака богат далматинцами и таксами, хостами и фикусами, альпаками и ламами. Зеленовато-голубой городок с белой статуей самой Кулоны Жустииши на центральной площади повеселил Денни, он спокойно бродил среди музыкантов-дудочников в облике Робби Скатари и даже подпевал пьяницам. Два хлопка – два прыжка! Какая-то бабушка увела смурного и задумчивого Денни-мужичка в пляс, сколько бы он не отговаривался! Проплясав мимо площади и проплясав ещё с пару улиц, он запрыгнул с свой амбар, поздоровался задорно с заколдованными им республициановцами.

– Подготовили?

– Подготовили! – показали садовники Дениэлу огромные горшки с золотисто-вишнёвой землёй, парень попробовал почву на вкус и облизнулся. – Да, сэр Зелёная молния, вишнёво-апельсиновый вкус!

– Уау!

– Порою забываете, что вы в чудотворческом мире?

– Не ваше дело, – озарил парень альмасветом огромный амбар и переменил шифер крыши на витражи, а деревянные балки, на которых держался шифер, на тёмное стекло.

– Свет-пересвет! – заплодировали давненько уж зачарованные садовники с зелёной пеленой на глазах.

– Сегодня посадка – настойками не увлекайтесь, – переместился Дениэл в Южный регион Новой Зетовины, в крайне любопытный скрытый доселе от него регион... – Фрезия, подруга моя, ты уверена? – посмотрел Зелёная молния в мутно-фиолетовые глаза бывшего президента Южной Зетовины.

– Ты изменил нашу жизнь, – чувственно улыбнулась она. – Мы с Жакарандой навеки благодарны тебе.

– Не стоит, это моя работа – менять судьбы людей, – взял Дениэл из рук жёлтовласой девушки чёрный бархатный мешочек. – Большое спасибо.

– Пусть твоя жизнь изменится...

В саду Южнозетовинского дворца стояли золотые двери без здания, к которым парень достал ключ – золотую апельсиновую дольку – и выкинул чёрный бархатный мешок, да так, что тот стал яйцом, а из яйца вылупилась красноухая черепаха, сразу же прибранная к рукам каким-то рыжевласым мальчишкой – работником сада.

Апельсиновка – легендарный сад-библиотека Юга Райдо-Манназа.

Пол, уходящий в землю, и земля, уходящая в пол, цвета вишнёвого варенья. Воздух с примесью золотой пыли, отчего все колонны с висячими цветочными горшками, все книжные шкафы имели таковой апельсиново-жёлтый оттенок с блеском. Виднелись апельсиновые столы на одной ножке с круглыми столешницами да стулья-перевернутые-конусы оранжевого цвета, парящие над полом. На нескончаемых рядах из книжных полок красовался символ в виде апельсиновой дольки, а из земли потягивались золотистые апельсиновые деревья.

Очаровательное место! Облизнув палец, Дениэл, как Доминика однажды, провёл им по полу, где поменьше земли, и настороженно попробовал на вкус, полностью осознавая своё безумство в данной ситуации. И на вкус пол был как вишнёвый компот! Притом липким от слюны пол не становился: магия! Дениэл попробовал и землю, больше похожую на карамельную крошку, облизнул и стол Апельсиновки – вишнёво-апельсиново и совсем не противно вышло!

Колдун, взяв себя в руки, достаёт из-за пояса кинжал, накаливает его зелёным пламенем борной магии и отрезает ветку золотого апельсинового дерева самой апельсиновки. Из сада в сад переместился парень быстро – в его саду, в Хосте-Альпаке, посадили ветку апельсинового дерева в подготовленную почву – вспыхнуло золотое дерево, посадили ещё и ещё ветки, уже от первого выросшего дерева, все садоводы радостно кричали!

– Через три дня соберите мне первый урожай апельсиновой смолы, хорошо? – кричал Денни своим верным слугам. – Или через пять – сами сориентируетесь.

– Из смолы сразу делать маленькие как бы карамельные шарики, сэр Зелёная молния?

– Да, и переговорите сегодня с мистером Морозом, нет ли у него каких проблем – не хотелось бы, чтоб производство мороженого накрылось в самый важный момент.

– Без проблем, но, я думаю, лучше с ним об этом поговорить, испытав пред сим на нём «муравьиный мёд».

– Как знаете – через неделю, как штык, мне нужны мороженки и чипсы, как бы это, мм, не звучало.

Из Хосты-Альпаки до Фриделя Дениэл решил проехать на автобусе, придевшись в облик Робби вновь.

Взяв под руку нежелающую путешествовать Медузу, Дениэл завязывает ей глаза и щёлкает пальцами один раз: невероятное и сияющее Лунное озеро Северного региона Новой Зетовины открывается перед бледной девушкой, она снимает обувь и ступает босыми серыми ногами на лунные камни берега – мягкие и гладкие, переливающиеся в синеве окружающего мира, смотрит на лунные плавающие гвоздики, кои из сиреневого вспыхивают синим.

– Как моё пламя! – ахает Медуза, влюблённо и легко сковывая ладони у сердца. – Ты романтичен, как бы не желал этого скрыть!

– Во мне много изъянов... Это одно из них. Вообще, Медуза, я хотел бы поговорить с тобой о записях Метелиэлиума, которые успел изучить. Там имеется информация, весьма интересная для нас обоих, – присел парень на лунный берег и засмотрелся на танцующую с синим пламенем в руках девушку.

– Изучил – это хорошо, я рада за тебя! – горели глаза девушки синим огнём. – О перстнях, от которых нам не избавиться, как от лица? – кокетливо наклонила она голову и упала к коленям юноши. – Удивляй, пока моё терпение не оттикало.

– Угрожаешь? Не знал, что у медуз есть зубы... – сказал он и получил кулаком в живот. – Агх!

– Дурак! Что выяснил?

– Место привязки перстней и камни, что в них.

– Не удивил.

– Мы знаем названия перстней – это изображения-гравировки на изделиях, что проявляются, когда перстень активен и полон магического бла-бла-бла, также знаем, какой перстень из какого металла, но как отличить перстень Дракона от перстня Льва? Оба ведь золотые.

– Логично... И как?

– У меня хризолит, у тебя – лунный камень, и из стишка Мете, легко мной разгаданного, я сделал выписку, у какого перстня какой камушек и куда прячет или возвращается перстень после гибели владельца. Мой – в Гаргараад, где я его и нашёл, рядом с музейчиком Ахтенфира, твой – Ицпапалотль.

– На бреге Миндального моря на чудотворческом Ицпапа. я нашла перстень, да, после того как подразнила русалок, ха-ха-ха!

– Я же после того, как три года проучился у Ахтенфира и закончил начальную ступень обучения у него, – кивнул зелёноглазый парень.

– Остальные что?

– Про Дельфин там ни слова, но мы и так знаем, у кого он, у Утки аметист и она нашла перстень на Шоло., и по стишку она должна рассудить меня и Стрекозу, перстень которого конечно же нашёлся в Зазеркалье! У него изумруд в перстне, если это вообще важно!

– Уточка посчитает эту информацию крайне важной, и ты уверен, что Стенсен-Каберштабский при деле?

– Чуйка меня не подводит. У Паука гагат, перстень был на Атлакамани.

– Пауковски! – рыкнула Медуза и зашагала взад-вперёд.

– Ты так уверена насчёт Люси?

– А ты насчёт Уила?

– В любом случае мы знаем, спасибо, как ты её назвала?

– Уточка! – покрякала Медуза, надсмехаясь.

– Спасибо Утке, – закатил Дениэл глаза, – мы знаем, что у перстней Дракона, Льва и Обезьяны нет хозяина.

– А Пальма?!

Во взгляде Дениэла осень сменилась на зиму, сытость на голод, безмятежность на суету, на давку в узком проходе, крики, всполохи, вспышки, свист стрел и пуль.

– У меня для тебя, дорогая Медуза, задание – отыграть Кендисс Широн в Талантливом Доме, но сделать это хорошо, я ясно изъяснился?

– Ясно, и забавно, – взяла девушка с сиреневыми глазами лунный камень в руки и, повертев им, кинула тот в воду.

– Забавно? – не успел уйти по делам Дениэл, и Медуза вызвала морозящий дождь, расправив руки-плавники.

– Тебя бесит, что Алан стал другом Артуру, что встал между вами, и, если у него, предположим, золотосеребряный перстень, между золотым Артиным, а у него будет золотой, и твоим серебряным, то забавно! Какой же камень у глупой Пальмочки?

– Голубой сапфир, – разозлился и постарался успокоиться Денни. – У тебя теперь много дел в Талантливом Доме – Кенди не должны посчитать мёртвой, а у меня есть одно дельце на Перт-Эйвазе, – достал зелёноглазый парень красностекольный лемнискатометр.

– Что за лемнискату показывает кровавое стёклышко? И, к слову, стоило бы изолировать три оставшихся перстня от лишних глаз, не считаешь?

– Лемниската: город День-и-Ночь государства Ночепаиса, какого ж ещё, – недовольно фыркнул Змей, – парк имени Марнта, Этери, Мгелико и Саломе Цис. Интересно. Насчёт Дракоши я позабочусь – его перстень в Ангелии, Обезьяна – на острове Айаутеотли.

– Иу!

– Я отправлю туда, и на чудоворческий Айа., и на толкаевский Айа., Освальда, тебя же попрошу...

– Куда?

– Якатекутли, остров путешественников... Но будь осторожна.

– Мы должны найти друг друга, Медуза и Лев!

– Да, знаю, как я и Дракон, однако у него солнечный камень, сердолик, а у тебя лунный камень – это совсем не то, что...

– ...что твой перстень был в Гаргарааде, а Артин будущий перстенёк – в Ангелии?! Мы оба рискуем, Денни, надо это признать, – коснулась грозная сиреневоглазая Медуза Дениэловой щеки.

– Хорошо, ищи, – щёлкнул пальцами Дениэл и оказался в парке среди клёнов теплосолнечников – жёлтых, малиновых, рыжих – и елей хладносолнечников – синих, зелёных, лиловых.

Парень ходил между скамейками и мусорками в своём настоящем облике, не боясь признания, ведь удивительным образом никого вокруг не было – солнечный день, прохладный ветерок, по времени вечереет и пора бы идти с работы домой через парк или со школы на детскую площадку, нелепо, по мнению Денни, вlepенную в парк, хотя у Марнта и Этери было аж два выродка – в честь них, наверное, и глупая детская площадка.

Ходил-бродил и уже начал Дениэл скучать, как вдруг понял – перстень Алана является не животным, а деревом, и надо бы в этом искусственном лесу быть начеку, особенно с тем, что хризолит – болотный камень и противостоит лесному камню, изумруду. Что, если Уильям знал, что Асфодель «Ха» – не Алое Лейнстрейндж, а Алан Бушпепа? Что, если они за одно, Алан и Уил?! Да и идти в гости к повелителю жизни одному ему, повелителю смерти, было наиглупейшим решением – вот отчего Дениэлу никогда не нравилось упиваться победами, они туманят разум! Нет, он не может, как главный туманщик, оказаться в своей же ловушке, не мог!

– Однако я здесь... – озирался по сторонам Дениэл. – Алан, я знаю, что ты здесь, и я хочу просто поговорить с тобой, – поднял зелёноглазый руки.

– Нам не о чем говорить, – слышался голос из глубины парка, уже страшно похожего на чащу леса, а не на парк. – Кровавая колдунья, дух Белого волка, твоя Рина Змей, мешающая моему Евгенту Фальситету, семейка Фриссон, Аника с её диктофоном, убийство Кендисс Широн, использование золотой пыли, что, удивительно, сиреневеет. На твоей шкуре столько буквальных и фигуральных убийств, что нам действительно не о чем разговаривать, если ты, конечно, патологический лжец, не задашь тему.

– Как ты получил перстень, Алан? – крикнул Дениэл в сторону леса.

– Я гулял, – появился за спиной Дениэла златоглазый брүнэт в коричневом кожаном костюме и безобидно развёл руками. – Гулял по чудотворческому Шочипилли, вдоль речки воспоминаний, думал о папе, думал, хочу ли его вернуть со своей силой, о которой ты, конечно же, знаешь.

– Знаю.

Морозящий взор Дениэла подбивает осколками ненависти радушие Алана, последний не сдаётся и приветливо улыбается грозному перстневному.

– Ты ненавидишь меня, Денни, однако сам всё испортил, – повернулся Алан Бушпепа к Дениэлу спиной и почесал руку с перстнем.

– Я пришёл предложить тебе встречу с отцом, потому что знаю, насколько ты хотел бы этого.

– Воскресить его и я могу, дружище, но я не хочу, – повернулся Алан к Денни.

Свист пронёсся мимо ушей Бушпепы, в них забарабанило и засверлило – закалённый зелёным пламенем борной магии кинжал торчал из Алановой груди, из сердца.

– Кто говорил про воскрешение? – приподнял одну бровь Дениэл. – Я говорил про встречу с покойником – я её и устраиваю, а тебе бы, честно слово, изучить серную или цезиевую магию посильнее, что ли, потому что борная – это моя магия.

– Нельзя з-забр-бр... – упал Алан на колени, держа рукоятку кинжала и рвано дыша, он вытащил кровавое оружие из груди и закашлялся собственной кровью. – Нельзя забрать всю магию себе, – сжимал парень двумя руками сердце.

– Я наводил справки годами: магия жизни не помогает колдуну жизни, как магия воды не утопит мага воды и прочее. Себя не воскресишь, я не воскрешу, и ты сдохнешь. Мне, право слово, будет скучно – практически буду скучать.

– Ну и мразь же ты неисправимая и, удивительно, сделал себя сам.

– Папочка мне дневничок не оставлял, Алан, – плаксиво хмыкнул носом Денни и присел рядом с жёлтоглазым. – Палка о двух концах на самом-то деле: кинжал не давал развиться обильному кровотечению, пока торчал из тебя, как шпажка из закуски, но был отравлен и всё равно убил бы тебя.

– Ты ошибся: кое-какие вопросы я изучал, крысолюди веда и искатели информации, – сказал Алан и попросил Денни подползти поближе, Алан Бушпепа снял с себя, корчась от боли, верх кожаного костюма и показал заживающую рану, он болезненно ухмыльнулся и, приготовившись телепортироваться, подготовив пальцы для щелчка, зашептал. – Хоть ёжика из своих зубочисток сделай: перстневые бессмертны.

И исчез, Алан исчез и в мгновение все слова Дениэла о ненужности бессмертия обесценились, растаяли, как дым.

Глава 16. Закулисье

Участницы конкурса «Эрудиты» стоят за красными бархатными кулисами в ярком тёплом свете.

Телеведущий начинает рассказ:

– Поприветствуем ученицу Талантливого Дома – Джоан Мейсон!

Бурные аплодисменты облепляют всё окружающее пространство.

– Всё будет хорошо, – уверенно обернулась кареглазая Джоанна к другой участнице, не выходя к камерам. – Главное – здоровый характер конкуренции. У меня всегда так дедушка говорил. Удачи!

– Спасибо, тебе тоже удачи! – сжималась от волнения златоглазая Одри Бушпепа.

Джоанна кивает и выходит к телеведущему и зрителям, приветливо машет руками.

– И поприветствуем ученицу Златоглазых Горлиц, дорогие телезрители, зрители и радиослушатели! – крикнул телеведущий профессионально и одновременно с тем мерзко для всезнающей друидки, находящейся вообще не в своей тарелке из-за брата. – Одри Бушпепа, выходи к нам!

Да вслед за Мейсон выходит к небольшой публике златоглазая девушка с роскошными золото-русыми волосами, среди которых при ярком тёплом свете прослеживаются зеленоватые пряди. Выходит она, словно и не человек вовсе, а будто бы птица – будто бы горлица – сражая наповал.

– Уху! – попыталась воскликнуть «Юху!» Одри, ухнувшая совой, и помахала приветливо в камеры, стоящие и висящие вокруг неё, словно новогодние ёлочные игрушки, а она – ствол ёлки.

Глава 17. Первый конференц-зал в Златоглазых Горлицах

Одинаково одетый коллектив (женщины в золотых пиджаках, белых платьях-карандашах и в золотых туфлях; мужчины в золотых пиджаках, белых рубашках, золотых брюках и белых туфлях) и одинаково хорошо подтянутый преподавательский состав школы-интерната «Златоглазые Горлицы» сидит и придирчиво смотрит телевизор.

– Как вы относитесь к Вертфлесту? – спросил телеведущий у Джоанны Мейсон.

– Я искренне горжусь тем, что родилась и выросла в Вертфлесте, – шустро и подкованно ответила девушка, находящаяся по ту сторону экрана.

– Фи! Как это абстрактно! – пискнула одна из учительниц Златоглазых Горлиц. – Чем талан-тли-во-до-мо-вским можно гордиться?! – заело женщину, как пластинку.

Глава 18. Учительская в Талантливом Доме

♪ Fool's Garden – Probably

Один из преподавателей Талантливого Дома читает киберспортивную газету, другой заваривает кофе, одна поливает цветы и дожёвывает бутерброд, чавкая, другая лежит на диване. Все одеты абсолютно так, как того захотели утром.

– Считать отработанные прогулы за непрогуленные часы или нет? – проямлила учительница, лежащая на диване.

– Это весьма философский вопрос, – оторвался от интересной статьи учитель, читающий газету.

В учительскую заходит преподаватель с отсчётами.

– О, господин Жестов! – заулыбался учитель, заваривающий себе кофе покрепче. – Вы принесли отсчёты Дженсену? Сколько ж лет да зим прошло!

Господин Жестов, шедший с отсчётами, заговорил спокойно:

– Я не просил Вас паясничать, мистер Кьюпид.

– Рад Вас видеть, о мой милый друг! – всё читал газету Ёкида-сан. – Вы как раз подросли к наифилософскому вопросу от фрау Мерседес. Верно, фрау Мерседес?

Курносая и светловласая преподавательница актёрского мастерства, одетая в горчичный костюм, кивнула, однако отрывать тело от дивана не стала.

– Я не философ и не филолог, как Вы, потому мне трудно дать ей совет, – чуть пошумел газетой Ёкида-сан. – Не могли бы?

– Слушаю, фрау Мерседес, – встал у дивана господин Жестов с кипой разноцветных важных бумаг.

– Считать отработанные прогулы за непрогуленные часы или нет?

– Я никогда не был столь смущён, – всплеснул руками господин Жестов.

– Вы преувеличиваете, – сказал, как отрезал, пожилой японец и учитель обществознания-безопасности, информатики и физики – к нему повернулся обескураженный господин Жестов, вполне вероятно преувеличивающий своё удивление.

– Многоуважаемый Ёкида-сан, это же по вашей области, не по моей. Это – логика! Не философия!

– Философия – наука рассуждений, а всякая наука основывается на логике, дорогой Жестов.

– Вы не нашли Дженсена, господин Жестов? – поливала мисс Джессика, учительница вокала и музыки, цветы.

– Никак нет, мисс Джесс.

– Давайте тогда я ему это передам, – протянула мисс Джессика психологу школы и учителю философии-психологии руку. – Сеньора Оро вот тоже сегодня никак не смогла сыскать его, оттого передала мне свои отсчёты тоже.

– Благо дон Неви на больничном, иначе был бы сыр-бор! – пил ароматный кофе мистер Кьюпид, учитель химии, математики и танцев. – К слову, о последнем, мисс Джессика, уберите лейку из рук – нам погонялово по всем отсчётам господина Жестова не нужно.

– Прекращайте разводить сор! – театрально замахала руками фрау Мерседес. – Некоторые стараются хотя бы слушать трансляцию очень важного для школы, учеников и одной ученицы конкурса! Брр, как непонятно много слов! Я умираю!

– Не драматизируйте, фрау Мерседес, – отпартовал Ёкида-сан. – Оставьте это на рабочее время.

Фрау Мерседес рассмеялась.

– Прошу меня простить, у меня дела, – удалился Ёкида-сан за дверь учительской с газетой, да в этот момент ворвалась в учительскую женщина в синем спортивном костюме.

– Физкульт-привет всем! Физкульт-пока Вам, Ёкида-сан!

Мужчина кивнул с вежливой улыбкой великолепной Сандре Боллек.

♪ Fool's Garden – man of devotion

– А как вы относитесь к Вертфлесту? – задал телеведущий вопрос растерянной ученице Златоглазых Горлиц.

– Люблю его.

– Весьма немногословно, Одри.

– Достойно сказано, кратко, – заметил господин Жестов, устремлённый взглядом к экрану, подобно коллеге.

– Да! – восхищённо крикнула фрау Мерседес.

– «Краткость – сестра таланта» по Чехову, – желчно скривилась мисс Джессика и растаяла в добром спокойствии, успокоилась. – Да ведь, фрау Мерседес?

Фрау Мерседес истерически посмеялась и закивала. В двери вошла, ковыляя, пухлая тёмненькая учительница, преподающая географию с биологией, она поставила корзину фруктов на стол. Фрукты в приближении поменяли цветовую гамму...

– Это от Деборы вам приветствие, многоуважаемые коллеги! – квакнула любезная мадам Мбондж.

– О, как мило! – бросила учительница музыки цветы и кинулась к фруктам. – Дебора явно вся в Вас, мадам Мбондж!

– Хе-хе... – ясно заулыбалась любезная мадам Мбондж. – Я сегодня видела Джека, так что взаимно, милая.

Кружка с кофе мистера Кьюпида полетела на пол, выскользнула из пальцев.

– Осторожнее, – сжалась мисс Джессика.

Учительница географии и биологии африканского происхождения сделала губы уточкой и выпучила глаза, взглянув на химика и математика.

– Так! – заскрипел зубами мистер Кьюпид. – Так?

– У меня дела, до свидания, – мягко и успокаивающе тронула Джессика плечо любезной мадам Мбондж и упорхнула к выходу из учительской. – Смотрите без меня, меня Дженсен ждёт с отсчётами.

– Обязательно! – кивнул господин Жестов.

– Кто ещё из вас знал, что Джек в городе? – громко спросил учитель химии, математики и танцев.

– Не пылай гневом, Кьюпид, может, он захотел сделать тебе сюрприз? Не будешь же ты звонить ему и портить всё из-за глупой неосторожности и излишней болтливости коллег? Жизнь слишком коротка, чтобы портить отношения с родителями и детьми, особенно с детьми, – разрушила ситуацию фрау Мерседес. – А теперь дайте мне посмотреть на финал шоу.

– Разумно, – вздохнул мистер Кьюпид и успокоился, взглянув на политые, на блестящие от капелек воды цветы в горшке.

Глава 19. Второй конференц-зал в Златоглазых Горлицах

За овальным столом сидят шестнадцати- и семнадцатилетние девушки и парни в белой одежде. Они так же, как и преподавательский состав, следят за конкурсной ситуацией по телевизору, и столь же однотипно одеты.

– Наша проигрывает, – скрестил руки на груди организатор застолья. – Да и чёрт с этой дрянью – она безмозглая! Кто её пустил на конкурс?!

Парень встаёт из-за стола, на котором сэндвичи, бутерброды, канапе, но нет фруктов, овощей, напитков (ни холодных, ни горячих) – он выключает телевизор и оборачивается к своим.

– Ничего страшного. Благо, что у меня есть план, при котором их победа обернётся победой нам. Заинтриговывает?

– Прошу: не медли ни минуты! – подал голос один из сидящих на застолье. – Что за план и что нам надобно сделать во имя его исполнения?

– Мы испортим им проспоренный нами вечер, ведь в чём вся соль? Выиграет Джоан, а она в любом случае выиграет, и за наш счёт будет прекрасный вечер в Талантливом Доме, якобы в их честь, но, когда руководство Златоглазых Горлиц отдаст деньги и за работу персонала тоже, мой человек в двенадцатой параллели Студии надоумит Дженсена сделать персоналом своих учеников, чтобы у них была возможность подзаработать бабла, и наше руководство отдаст кучу денег на прочие надобности... Они будут надеяться на нашу учтивость и воспитанность, но почто жемчуг свиньям? Что же мы? Как проигравшая сторона мы будем и в хвост, и в гриву гонять этих нищих и «талантливых»? В жизни ни талант, ни труд ничего не решают, вы знаете.

Сидящий на застолье понял, о ком речь, и заговорил тише:

– И что же с её помощью мы можем сделать ещё?

– Она – наш единственный козырь в Студии, но вне Студии у нас есть ещё козырной туз! – довольно улыбался парень, и зелёный огонёк озорства вспыхнул в его глазах. – На нашей стороне и нечто большее, нечто сверхъестественное и всемогущее, – оглядел организатор сухого застолья второй конференц-зал. – Бал сорвётся, уверяю, а с нас только деньги для зрелища и пустые слова для Алое, мол: «Уау, ты хочешь вновь перебраться в Студию, круто!». Мы поддержим это его решение, ведь только в Талантливом Доме он сможет стать лидером Команды Света – только если в час Икс он будет там его одарит падающая звезда! Мы вложим в него мнимую уверенность в СОВЕРШЕНСТВЕ Студии и всё – в час его окончательного разочарования студийцами он станет лидером Команды Света, а мы – частью этой Команды с неизвестной Алое поддержкой у парочки сильнейших колдунов и колдуний. Всю грязную работёнку сделают за нас, не переживайте. Мы поддержим его и всё, заплатят немного наши родители – и что? – ведь в основном-то заплатит Льюис Лейнстрейндж, да? Да! И лишние вопросы насчёт наших новых коллег неуместны: говорю сразу.

– Репутация Талантливой Дома упадёт, вместе с ней обесценится и успех от победы, а Алое наведёт свои порядки в Талантливом Доме! Это гениально! – обрадовался сидящий на застолье.

– Лейнстрейнджи просто подкупят всех, кого надо, чтобы «поднять моральный дух Студии»! – восхитилась сидящая на сухом застолье. – Мы же станем воинами Света, благородными и великими, но с поддержкой кого-то не из алмасветлых, на всякий случай.

– Всё это убьёт анархичный дух Талантливой Дома. Видите?! Одни плюсы для нас! – засмеялся главарь. – И надо всего ничего – всего лишь пара слов, пара улыбок, никаких лбов в поту и мук насчёт того, кто мы в мире, всё ведь решено!

– Гениально! – взял одно канapé сидящий на сухом застолье.

– Сколько платить за это яркое зрелище? – с задором взяла второе канapé сидящая на застолье.

– Я знал, что вы согласитесь, друзья! – всплеснул руками организатор застолья. – Для нас: немного, но оно того явно стоит, друзья мои!

– А что за сверхъестественная и всемогущая сила нас поддержит? – неожиданно задалась вопросом вслух сидящая на застолье.

– Я просил не задавать такие вопросы.

– Мы должны знать, Бланко, на что подписываемся, – поддержал подругу сидящий на застолье. – К тому же мы все в одной лодке Команды Света, так вот: кто из людей Дениэла поможет нам?

– Мы никуда не денемся от этого знания, зато в нашем коллективе будет больше доверия, – замотала головой вверх-вниз, как ужаленная, сидящая на застолье.

Главарь застолья помедлил:

– Болотная ведьма.

– Интересно! – ахнула девушка, а главарь мягко улыбнулся ей.

– Провал бала ударит по духу Талантливого Дома и по безопасности как Вертфлеста, так и студийцев, что очень надо Зелёной молнии, также этот провал – первый шаг к его победе, – организатор застолья сделал вдох и выдох. – Даже если Команды Света не будет, будет наша собственная Команда Света – не при Алое, так при Дениэле. Больше я сказать не могу...

– Больше и не надо, мы с тобой, – твёрдо кивнул сидящий на застолье, улыбнувшийся и подруге, и другим подругам-друзьям.

Обзор с лица главаря уходит под стол.

Глава 20. Дух Талантливого Дома

Мастерская на четвёртом этаже.

Той Ван Авер кладёт на стол починенные часы и инструменты, которыми осуществлял ремонт, берёт порванного зелёного кролика (один зрачок коего «Zn», а другой – «H₂»), находит иголки, нитки и садится на ковёр.

– Ти-ти-тик та-ак, вот так, вот так, вот так! Сейчас, Цинканита Водородти, я подойду и к Вам, хе-хе-хе!

Библиотека, этаж первый.

Михель Цармо подклеивает обложки некоторых книг, выравнивает помятые страницы, раскладывает всё по полочкам, вампиром стоя над библиотечарским столом, который у входа.

– Тсс! – прошипел Михель какой-то девчонке. – Ты мешаешь читающим, наглянка!

– Ладно! – закрыла рот и выключила телефон девчонка, не уважающая библиотечарское почтение к старине и тишине.

Кабинет информатики на третьем этаже.

Карлос Браун распутывает провода от компьютера, сидя меж отодвинутым столом и стеной, находит выдернувшийся штекер и вставляет его на место. Информатик пьёт чай.

– Минуту, Ёкида-сан, я, кажись, нашёл проблему, – оторвал он взгляд от проводов. – А пока что, как Вы? Как жена, дети, внуки, пёс?

– Хорошо, – кивнул Ёкида-сан. – Пёс воспитанней детей, а жена всё глаголет: «Да исправятся они!», хоть у нас уже внуки!!!

– Рад, что хоть псина не плошает...

– И я!

Хим. лаборатория на втором этаже.

Евгент Фальситет влетает в лабораторию, накидывает на себя халат, достаёт из верхнего ящика спички и уголь. В дверь входит лаборантка.

– Горелку! – обратился Евгент к вошедшей. – И побыстрей, лаборантка Боу!

– Да-да, – подбежала к шкафу с химическими приамбасами девушка.

– Не «да-да», а «слушаю»! – покосился Евгент на лаборантку.

– Слушаю, – поставила горелку перед ним смущённая лаборантка Боу и удалилась с глаз его долой.

Фотостудия на первом этаже.

Аника настраивает зум камеры.

– Три, два, один... Сыр! – говорила она кому-то, вспышка озарила комнатку.

Буддийская комната на минус первом этаже.

Иша Найдун в комнате, отделанной как убранство храма, медитирует с закрытыми глазами.

– Я чувствую боль... – положил Иша руки на колени. – В ногах... Ноги... Касаются пола... От головы... До пят... От пят... До лба... Я свободен, – в молитве сложил он ладони. – Я хочу верить своим глазам и ушам, но не верю – везде ложь.

Он открывает глаза (крупный план как следствие приближения). В его карих очах-безднах виднеется сама планета Земля.

Балкон четвёртого этажа.

Челси Дрога смотрит вдаль, на море, и курит, облокотившись на ограждение балкона. Она концентрирует взор на чайках.

– Ох, как же я завидую вам, свободные-пресвободные птички... – сказала она и сконцентрировала взгляд на тлеющей сигарете.

Холодный цех столовской кухни.

Томас Гётренг готовит кофе под кое-каким контролем тощей кухарки. Он открывает рот, чтоб хоть что-то сказать, однако, увидев пофигизм заведующей холодного цеха (она смотрит что-то в телефоне), юноша решает воспользоваться своим всевластием.

Холодный (малый) цех является в основном пунктом раздачи еды и промежутком между столовой и горячим (большим) цехом, где готовится 85% всей еды.

Том вместо сливок добавляет в мокко (шоколадно-сливочное кофе, проще говоря) растопленное сливочное масло из микроволновки, всыпает туда желатин, перемешивает, и ставит новое блюдо в холодильник.

Мужской туалет на втором этаже.

Винсент Фриссон пишет на верхе зеркала несмываемым маркером «XLIX Danaidum».

– Сорок девять данаид против Гипермнестры, – встал у выхода из туалета Винни. – Сюжет на века!

Гараж с синей машиной.

Чип Ликос раскладывает инструменты из ящика по местам. У входа в гараж стоит пьяный механик, ожидая чего-то. Большущий гаечный ключ падает Чипу на ногу.

– Твою ж матрёшку, – скривился Чип, – айн, поварёшки-с-трёшку, ааа, блин, блаин, бл... – обхватил он ногу обеими руками. – Ооо, боогги!

– Я бы иначе выразился, щенок! – чуть не умер со смеху пьяный механик.

Горячий цех столовской кухни.

Кендисс Широн замешивает тесто под чутким руководством пухлой кухарки, заведующей горячего цеха и просто главной кухонной бабы – Сюзан.

– Я ведь всё правильно делаю, Сюзан? – смутилась Кендисс.

– Делала б неправильно, щупала б не тесто, а синяк от скалки, ха-ха! – посмеялась Сюзан.

– Хорошее настроение у вас, погляжу... Ух! – шаркнула студиесса-подменыш себя по щеке мукой.

– Как всегда! Добавь-ка мукИ.

– МУки? – попыталась в шутку Кендисс. – Смертной Муки?

– Пшенчаги надраенной, конфетница липовая! Умаяться с вами можно, хех! За это я и люблю общепит... И лицо умой, мука иль мука маркнула шею.

Шахматный клуб на минус втором этаже.

Калиду Маме, прихрамывая, расставляет шахматные фигуры на столы, столешницы которых уже являются шахматными досками. Королева падает на пол, и юноша, еле оставаясь равновесно устойчивым, всё же поднимает фигуру, ставит на место.

– Эх, ваше величество! Или всё-таки высочество? Боюсь, своим падением вы лишились и того, и другого звания. Или нет? – разглядывал он шахматную фигуру с любопытством. – Судьбоносным итогом станут для вас не мои слова, а решения многих, верно?

Кабинет идейного мастерства на третьем этаже.

Джузеппе Растрелли достраивает макет Нойшванштайна из палочек, заканчивает его.

– Только дёрнись, тварь, – говорил он сам себе, – и я тебе руки оторву, скотина несчастная.

Актный зал на первом этаже.

Волупия Туллумбасе меняет красные убранства штор (надшторники) на голубо-синие и напевает песню «Never Give Up On Your Dreams» исполнителя Two Steps From Hell (♫):

*Назад, назад, моме,
Не оди подир мен;
Назад, назад, Калино моме, моме, недей.*

Малый спортзал на первом этаже.

Диана Осмельская прыгает через козла, занимается художественной гимнастикой с лентой. В помещение заходит девчонка, которую спугнул Михель. Девушка прекращает заниматься спортом, замечая у вошедшей девчонки тату «ЗГ» на запястье.

– Златоглазые Горлицы, как мне только что передали, приберегли для нас нечто очень нехорошее, – заявила напуганная девчонка Диане.

– К примеру? – не дала Осмельская и слова произнести младшекласснице. – Я ненавижу горлиц, выдающих себя за студийцев, чтобы работать на горлиц. И ОСОБЕННО НЕ ПЕРЕНОШУ, КОГДА МЕНЯ ПЫТАЮТСЯ РАЗВЕСТИ. Вообразила меня предательницей старшего братца, м?! Или я не угадала насчёт твоего родства с сэром Бланко, подколотная кобра?

Диана внезапно рассмеялась в голос, а девчонка, от страха позабывшая, где небо, а где земля, выбежала из малого спортзала, только пятки сверкали.

– Дурочка! Но время поведать об этом её брату у меня найдётся и позже, весьма-таки найдётся.

Ихтиологический уголок в кабинете биологии на третьем этаже.

Рашель Ом кормит аквариумных рыбок левой рукой, а в правой держит учебник по физике, но не подглядывает в книгу.

– Закон сохранения энергии в термодинамике гласит: количество теплоты, сообщаемой телу, идёт на увеличение внутренней энергии и на совершение телом работы. Да, рыбка, и жизнь уж успели изучить – никакая это тебе не магия! – призадумалась она. – Хотя... Забудьте то, о чём я, рыбки. Самой бы поверить в эту чушь!

Все рыбки начинают булькать девушке в ответ.

Кабинет математики на втором этаже.

Дейл Ликос раскладывает на белоснежные парты распечатанные серые sudoku. Его телефон звонит из рюкзака, отделанного под традиционную одежду индейцев. Звенит и звенит!

Мелодия звонка: (♪) Helen Jane Long – The Aviators (Extended Version); да Ликос без интереса к звонящему, но с интересом к мелодии поёт свою песню, расставляя паузу за паузой в исполнении собственном:

*Жизнь математика
серее утра
и бодрее
двери хлопка
поутру.
«Уу-уу» – завывает окно,
а оконно стекло
поёт лишь: «у-у-у»
поутру.*

Он перестаёт петь и спрашивает сам себя: «Что за день такой?». Юноша смотрит в окно – за ним солнечно, противно солнечно. Мелодия пианино продолжает играть из мобильного телефона убаюкивающе, с нотами странствий между мирами, пока ракурс уходит гулять по пришкольной территории.

– Наши телезрители, наверное, знают, Одри, чем же примечательна ваша школа, правда? – звучал голос телеведущей «Эрудитов» из лаборантской кабинета математики.

– Естественно! – слышался и голос Одри. – Златоглазые Горлицы знамениты по всему Вертфлесту и вне его как школа с потрясающей подготовкой...

– К чему?

– К светским мероприятиям, конечно, – отметила Одри с грустью. – К успешной жизни. Это важный вопрос для шоу?

Холл, лестница между первым и вторым этажом.

Ыва Дублэ сидит на ступенях и читает свои собственные пьесы.

Крупный план сначала на строки пьес, а потом и на обложку книги с надписью: «Сборник пьес Ывы Дублэ, ученицы Талантливого Дома».

*Сим кончился рассказ прелестный?
Про страх, про смелость и про честь.
Идущие за честными сквозь годы,
Как страх тот первый в раз преодолеть?
С чего начать смелеть? Как жить?
Сим кончился наш год... Дак вздор!
Вопросом на вопросе... Смех!
Грозил ужасный год для всех.
Ужасный век.*

Она поражённо закрыла книгу и загляделась на обложку:

– Каждый раз, как в первый... Потрясающе! Гордость... Какая гордость, какая я молодец! – открыла она книгу на пятьдесят страниц ранее прежнего. – «На качеле». Действие первое.

Кабинет музыки на третьем этаже.

Лумна Рясна играет на скрипке. На неё смотрит сеньора Ора или Оро.

– И оттопырь палец, Лумна!

Девочка подумала с опаской: «Повинуюсь, златоглазовская ведьма!».

– В Златоглазых всегда оттопыривают палец той ладони, что держит смычок!

На радио настроена местная радиостанция. Голос Карла Брауна из радиоприёмника рапортует: «И с вами снова МУНУКУ. РАД – радиостанция, что чувствует ритм вашего сердца! Прямо сейчас вы услышите песню 1977-го, что начинается со слов „слушай, как дует ветер, смотри, как восходит солнце“! Послушаем и оценим!».

(♪) Fleetwood Mac – The Chain.

Лумна подумала: «Сколь одно и то же может как сводить с ума, так и не давать спать одновременно?! Ох, музыка... Что ты делаешь со мной?».

– Лумна!

– Я слышу Вас, сеньора Оро!

Лабораторный склад на третьем этаже.

Майклос Сандерс ведёт пальцем по склянкам с названиями: «ацесульфам», «сорбит», «дынный сахар», «стевия» и берёт последнюю. Он щёлкает пальцем по включателю настенного радио и оборачивается к выходу, начинает подпевать песне.

Кабинет рисования на минус первом этаже.

Артур Браун дорисовывает Талантливый Дом на фоне карты Вертфлеста акриловыми красками, слушает радио.

– Хорошая песня, братец, – хмыкает он.

Швейная комната «А» на минус первом этаже.

Леонардо Дейр прикладывает части выкройки платица для чьей-то куклы к ткани и скрепляет их иглообразными булавками, и, мыча от удовольствия, слушает радио.

Кабинет вокала на третьем этаже.

Кларисса Старр распевает свой голос.

– Ааа... Ооо. Иии. Еее!

Она приостанавливает распевку, подходит к кулеру с водой, слева от которого на стене висит включённое радио, наливает в одноразовый стаканчик воду, слушая музыку, да утоляет жажду, мотая головой в такт мелодии.

Универсальный большой спортзал на первом этаже.

Николас Джонс поднадувает баскетбольные, волейбольные и футбольные мячи с помощью насоса, слушает радио, а движения рук и ног его как барабанные удары – тум и тап, тум и тап.

Коридор второго этажа.

Лилия Нейт под музыку, звучащую по радио, счастливо танцует, виляя бёдрами, размахивая недлинными волосами.

Танцевальный зал «Б» на втором этаже.

Алисия Таллейн достаёт из кармана мячик-попрыгунчик и кидает его в кнопку включателя радио. Она показывает «три, два, один» на пальцах и начинает танцевать под песню с МУНУКУ. РАД, размахивать руками.

Чёрная-чёрная комната чёрт знает где.

Киара Морган сидит за столом и крепит кости от куриных крылышек друг к другу при помощи клея в очень тусклом освещении. Радио включено очень тихо, но девушка всё же слушает его, подвывая и посвистывая.

Отделение детского сада, отделение яслей на минус втором этаже.

Мулан Аалто выходит из спальни, сплошь заполненной примерно двадцатью колыбельками, аккуратно закрывает дверь за собой, переходя из тишайшего сопения младенцев в мир, полный радиомелодий.

– Наконец-то! – воскликнула Шарлотта Осо, лучшая подруга Мулан.

Аалто, приставив палец к губам, подбегает к радио и убавляет громкость.

– Муни, ну чего ты?! Я ж только с магазина, мороженого нам прикупила! И чего погорячее тоже! – подмигнула Осо. – Финал близится – мы лидируем, чего же молчать?!

– Потому что работы много, – сделала Аалто глубокий вдох и заговорила раздражённо. – Так было, есть и будет всегда, ибо мы – дети Талантливого Дома! Знаю, когда-то мы были в разъездах достаточно долго, пытаюсь строить независимое от Вертфлеста будущее, но не суждено нам. Наша судьба здесь, – возбуждённо задёрнула она руками в сторону нарисованного на стене окна. – И, быть может, прямо там, за окном, наверное, потому будь добра уважать эту судьбу! Надо работать и трудиться как раньше, как в незапамятные времена нашего дотуровского существования, а ты застряла в беззаботном прошлом!

Перед глазами Мулан нависла белая пелена, зашумело в её ушах – на белом листе-полотне пред глазами появился образ отца, о котором она крайне редко вспоминала и внешность которого, казалось, позабыла, а шум в ушах стал напоминать марш, уходящий в танцевальную искажённую мелодию.

– Прости... – пролепетала, еле придя в себя, Мулан, и заметила, как за окном сверкает нарисованная зелёная молния.

– Я тебя не узнаю... Ты обожглась и спрятала лапки по карманам, но я-то тебя знаю, мисс Аалто-Альепу Серьёзнейшая, ты не следуешь нарисованной судьбе, а сама рисуешь себе дороги, подобно твоей маме. Дейл и Чип рассказывали о приключениях их отца и твоей мамы до того, как та переехала в Аргентину, ну... – пошла оскорблённая грубостью подруги Шарлотта прочь. – Проснись!!!

– Я же сказала «прости»!

Телевизионная студия – жара начинается.

– Чем же известна ваша школа, Джоан? – положила телеведущая руку на руку. – Попробовали бы охарактеризовать её парой-тройкой слов?

Джоанна начала беззаботно:

– Не попробовала бы – мне не хватило б никакой краткости для такого! – она заговорила с пониманием всей ответственности момента. – Талантливый Дом, или Студия Талантов, первостепенно является учебным учреждением с музыкальным... эмм, хотя нет... скорее, с многопрофильным уклоном, ведь охарактеризовать весь опыт, полученный в Студии как: «я умею играть музыку» – неправильно! Есть, где развернуться не только деятелям искусства, но и спорта, науки, прочего. Единственное, что объединяет всех студийцев – это трудолюбие, желание не просто «работать так, как надо» или «работать, чтобы работать», а желание добиться цели, результата! – в ней проснулась игривость. – Я этим горжусь! Окромя всего, студийцев ещё и везде преследует желание слушать музыку и быть вблизи с ней – этого у истинных, конечно же, только у истинных студийцев, не отнять!

– А есть ложные, искусственные студийцы? Не сочти за грубость, естественно.

– Волк в овечьей шкуре был и будет существовать во всякой теоретически вероятной модели общества. Всегда. Вот так вот я скажу, – уверенно ответила та.

Телеведущая мягко улыбается Джоанне.

Глава 21. После полудня на Вертфлестском море

Гром и молния. Тёмное небо. Нарастание высоты и силы морских волн!

Царит сумбур в отдельных частях Талантливого Дома, где присутствуют только так называемые «лентяи», те, в чьём числе нет ранее появлявшихся трудяг. Лентяи в сей час живут конкурсом в телевизоре, нежели своей жизнью и работой.

В спортивном зале на полу сидит с десяток детей одиннадцатилетнего возраста. Они смотрят прямую трансляцию на канале ВФТ24, по которому идёт конкурс, потом удивляются и в ажиотаже подпрыгивают с визгом.

В кабинете с кучей глобусов и карт танцуют на партах девчули лет четырнадцати, мотая руками и головами, будто обезумевшие.

Мимо спортзала проходят с восходящим на лицах восторгом семнадцатилетние остопы, они заглядывают вовнутрь и кричат: «Победа!», да одиннадцатилетки кричат им хором: «По-бе-да!».

Пухлая кухарка и тощая кухарка подпрыгивают, крича: «Кто обошёл Горлиц? Мы обошли Горлиц!».

Знаменательное событие произошло в Студии Талантов, да только знаменательное ли в корне своём или, скорее, просто переворачивающее всё с ног на голову?

Глава 22. Стечения обстоятельств, не оставляющие надежд на благополучный исход

На пунцовом старом радиоприёмнике в кабинете литературы играет музыка: (♫) Queen – Who Wants To Live Forever. Стены кабинета расписаны поющими ангелами, играющими друг другу на трубах торжественные и радостные мелодии. На трубах? Ангелы?!

Радиоприёмник, которому ни дать и ни взять больше сорока лет, зашумел. Пожилой учитель на замену пронзительно взглянул на подростков четырнадцати-пятнадцати лет, не обращая внимания ни на смысл песни, ни на красоту стен.

– Кто из вас хотел бы жить вечно, ангелы дон Неви? – произнёс господин Жестов осторожно и трепетно.

– А как Вы узнали, что он зовёт нас ангелами? – спросил ученик. – Он Вам сказал?

Двери раскрываются.

– Господин Жестов, простите, что прерываю, – повисла Мулан в дверях, – но Дженсен собирает всех студийцев в холле! Дело важное!

Облик Жестова расплывается, как во сне, вместо него проявляется усатый облик дон Неви.

– Конечно, я всё понимаю, – опечаленно заметил дон Неви. – Жалко, что так всё вышло, но победа...

Мулан моргает много-много раз подряд, да всё становится на свои места.

– Я всё понимаю! – улыбнулся господин Жестов. – Что-то ещё, мисс Аалто?

– Ничего, господин Жестов.... Сбор в холле.

Директор Дженсен, стоя на верхней части «П»-образного коридора второго этажа, зачитывает предстоящий план работ в микрофон и смотрит на замороженных детей первого этажа:

– Ясно? Времени до среды у нас немного, но успеем! Сначала работают весенники как самое старшее деление, то бишь сегодня, потом зимники – в понедельник в первую половину дня, после же зимники с осенниками – во вторую половину дня, весенники – вторник до обеда, а напоследок финальная проверка от весенников с осенниками – во вторничный вечер и в утро среды. Летники, как самое маловозрастное деление, не идут в ход, но смело могут помогать другим делениям по желанию. Завтрашний день, как я и обещал, останется выходным – каждая последняя суббота месяца дана вам будет на отдых дома, вы проведёте последнее сентябрьское воскресенье с семьёй, это святое. И да, это наш новый студийский закон – каждая последняя суббота в месяце будет отведена для встречи с семьёй! Как, думаю, ясно – работа в подразделениях заморожена до бала и до ночи со среды на четверг. Итак, по делам же...

Он поднимает палец вверх, продолжая зачитывать речь студийцам.

За оконным стеклом Студии Талантов или Талантливого Дома вовнутрь смотрит зелёноглазая и чёрновласая маленькая девочка с худыми щеками – девочка лет так двенадцати, одна из тех, кто радовался победе Джоан в спортзале. Изма! Она внимательно осматривает: все ли там стоят, слушают Дженсена? Всякая ли студийская голова приподнята к директору, все ли глаза обращены к нему?

Девочка отходит от Талантливого Дома как можно дальше, до чугунного забора, за которым идёт асфальтовый дорожный тупик, и начинает что-то зачитывать с чёрного-чёрного блокнота, беззвучно шевеля губами – слышен лишь нарастающий ветер.

– Джузеппе Растрелли! – зовёт Дженсен в микрофон.

Мелькает чёрно-белый кадр, в котором кто-то листает учебник истории и под фотографией Зимнего дворца надпись: «Зимний дворец, Ф. Растрелли».

Парень нервно чешет бровь, чуть повернув к окнам голову, и отзывается.

- Я! – шагнул Джузеппе вперёд и приподнял руку.
- Вижу. И Артур Браун!
- Здесь!

Изумрудные глаза Измы подняты высоко-высоко – в них сверкают зелёно-голубые молнии. Нарастающие порывы ветра срывают с деревьев листья, уносят ветки на их страшную миссию разбивать птичьи гнёзда.

– Принял. Вы оба идёте в библиотеку – Цармо, как глава библиотечно-архивного подразделения, вам расскажет о ваших обязанностях. Леонардо Дейр!

- Здесь!
- С Майклом Сандерсом, – улыбнулся директор Дженсен.
- Чёрт! – хором сказали Лео с Майкло.

– Кларисса Старр с Лилией Нейт на Кабинете Закатного Света, – записывал что-то в блокнот директор, – где у вас проходит этика, а Николас Джонс с Винсентом Фриссоном на спортзале – на чистоте, в основном, ноги-руки ломать не стоит! Великолепная Сандра Боллек расскажет вам обо всём, проведёт инструктаж.

Изма произносит пару слов и внезапно стихает ветер, уползает гроза, ускользают гром и молния. Тишина! Начинает капать дождик, безобидный и оттого жалкий. Девочка выдыхает, устало отдышавшись, и злобно улыбается, делая шаг за шагом назад – сквозь чугунный забор к морю, проглатывающему её с глаз долой, из сердца вон.

– Киара Морган с Алисией Таллейн на Кабинете Прошлого, – закончил запись в блокноте директор. – Где у вас уроки истории, помните, я надеюсь. – И Мулан Аалто с Шарлоттой Осо на музее и коридоре минус первого этажа.

Директор грубо ставит точку в криво скрепленной стопке бумаг.

Зигзаг вспышки света, званный Молнией, сверкает прямо за окном, раскатистый звук падения тысячи деревьев и зданий, именуемый Громом, глушит яростнее отцовского крика в неудачный день. Лумна Рясна вскрикивает от боли, блики студийского света смываются с её рук и лица – бесцветная и беззвучная она чуть не падает на колени, но Чип подхватывает её за локти.

- Всё хорошо?! – испуганно приподнимает её на ноги сероглазый блондин Чип.
- Да... Спасибо.

Дейл Ликос безучастно косится на брата и маленькую лесную колдунью.

– Удачи всем, – вскрикнул директор Дженсен. – И помните: за это вам заплатят! А кто не работает, тот не...?

Все присутствующие громогласно отвечают: «... не ест!».

– Вот именно! – подтвердила мисс Джессика. – И ещё раз удачи, дети! Дженсен, как насчёт помочь по клумбам аграрникам?

– Только не забудьте перчатки! – восторженно вскрикнула Алисия Таллейн.

– Не забудем, Алис! – благодарно кивнула мисс Джессика. – Но всё равно спасибо, что напомнила!

– У этой женщины глаз-алмаз, – обратилась Киара Морган к Алис.

– И не говори!

– Возжелали на дополнительный заработок все, да не по своей воле сосланы, а по принуждению, – повернулся Артур Браун к Леонардо Дейру. – Чего Дженсен выставляет наши обязанности за права? Кто его надоумил?

– Тот же вопрос. Он решил, что так лучше – это его игра, Арти, но, если задуматься, бывший директор мог делать и не такое...

– Он бы нас всех продал... – хмыкнул Арти. – Дженсен хотя бы за нас, на нашей стороне, а не на стороне денег.

– Вы про Анто Кьюпида? – посмотрела в их сторону Кларисса Старр.

Арти подтвердил словом «да» по-испански.

– Подожди: ещё не завтра! – посетовал Майклос Сандерс. – У Анто ещё есть все-превсе полномочия, чтобы нас продать.

– Он не продаст Студию, Майкло! – бесцеремонно шикнула Мулан, перебив Клару.

– Он хозяин-барин, Аалто. Он может! – нашла Алис мистера Кьюпида в толпе. – Это даже Кьюпид понимает, а это... мерзость?

– И, думаю, боится этого, – пожал Арти плечами. – Мистер Кьюпид и боится – представить сложно, но если Студия пойдёт под магазин, то у Джека не будет наследства, а у Кьюпида возможности мучить людей, хах!

– Сумасбродный папаша и дедуля – горе в семье, и... мучить? Я оценила, Браун! – рассмеялась Киара Морган с гордостью за своего старосту.

– А чего ещё может бояться Кьюпид, как вы думаете? – задался Лео вопросом. – Ник, Лили, что молчите?

Николас Джонс и Лилия Нейт продолжили молчать, присутствуя пожав плечами.

– Да всего, чего угодно, можно бояться, Дейр... – нервно сглотнула Киара Морган ком в горле. – Роковой судьбы?

Дейр с настороженностью поглядел на Морган, стойко смотрящую в никуда:

– Судьбы, Морган?

Глава 23. Кабинет Закатного Света

День-деньской. По боковым широким лестницам-клавишам-пианино из холла обзор плавно поднимается на второй этаж и показывается коричневая дверь с табличкой: «Кабинет Закатного Света».

В кабинете на некоторых партах включены настольные лампы с тёплым светом, окна настежь распахнуты – за окном видно пасмурное небо, сквозь которое еле-еле просачивается белый свет, веет прохладный ветерок, однако обстановка в кабинете до предела накалена – карие глаза Старр и синие глаза Нейт стреляют раздражёнными искрами друг в друга. Вообще Кларисса Старр и Лилия Нейт разбирают книги и CD-диски по алфавитным полкам, а не борются, но...

– Как прискорбно, что нужно разбирать эти пыльные книги, в то время как мы могли бы наслаждаться тем замечательным солнечным днём, который так близко, вон там, за окном! – прижалась Клара к стеклу и из-за туч выглянуло жёлто-белое слепящее солнце.

– Тебе бы только бока погреть да от работы увильнуть, солярная ты кура-гриль! – прищурилась Лили и прикрыла ладонью глаза, как серо-синие тучи прикрыли солнце наполовину, а после скрыли полностью.

– Ну, хоть не продрогшая под дождём ку-ри-ца!!! – крикнула Клара и поставила руки в бока. – Знаешь, жизнь нам дана не на рутинную чепуху, вроде этой, а на получение истинного удовольствия!

– Ай!!! Ори чуть тише, а то от твоего кудяхтанья голова болит! – со злостью оглядела Лили светловласку. – Твои слова звучат как начало фильма для взрослых или как кредо бездельника, ты в курсе? Хотя, я не удивлюсь, если ты и второе, и первое в виду имела. Нам нужно закончить эту ерунду с напудренными временем страницами и разойтись, ясно? Желательно надолго или... навсегда, хм.

– Бла-бла-бла, – щёлкнула Клара по магнитофону, – без обид, конечно, но давай лучше мы включим музыку!

– Хей, прекрати включать эту попу!

– Это – классика, Лили.

– Поп-музыки то?! Какая ещё это, чёрт возьми, классика?!

– К твоему сведению поп-классика не ограничивается одним лишь Майклом Джексоном!

– Давай-ка я твоё однотонное «бла-бла-бла» заглушу чем-то более слушательным!

– Чем же, игрой на бубне?

– Тот факт, что я интересуюсь всеми ударными инструментами, не делает из меня дикарку, чучеловидная!

– Я не это имела в виду, хоть изредка чисть уши, Нейт!!!

– Оу, как мило, теперь я и немая глухотня? Спасибо за тактичность, мадам Старр, вы сегодня особенно богаты на комплименты.

– А ну хватит! Мы должны работать вместе и сообща, а не разглагольствовать впустую! – раззадорила Клара.

– Тебе мою горячую кровь не остудить, неженка европоподобная! Попробуй, останови меня теперь.

– Я тебе за «европоподобную» волосы со скальпом вздёрну!!!

– Вот сейчас, звёздочка ты наша небесная, мы и посмотрим на твои многочисленные таланты. Ха, ха и ха! Аж смешно, прости!

– Оттого, что у меня есть таланты, тебе смешно, подзольная ты двухвостка?!

– КТО?! – крикнула Лили.

– Повторить, глухая?

Из ниоткуда в кабинете, у двери, появился господин Жестов:

– Миледи. Знаю, вам обеим сейчас найти общий язык ой как непросто, и это «непросто», к слову, слышал каждый студиец, но всё же – будьте добры – постарайтесь найти общий язык. Джоанна принесла нашей школе победу! Мы должны быть ей благодарны, ибо нам представился шанс показать, что Талантливый Дом не хуже Златоглазых Горлиц! Кто знает, быть может, это наш единственный шанс... Мисс Старр, вы меня поняли?

Клара кивает.

– Мисс Нейт, а вы меня поняли? – прищурился господин Жестов.

– Да, господин Жестов, поняла.

– Сейчас же, предполагаю, вы должны заняться делом...

– Но я трудоголик из воднотранспортного и сантех-подразделения, а Клара – белоручка из дизайнерского, даже не из скульптурного! Да она к грязи ни разу и пальцем не прикасалась, я уверена, а тут пыли – задохнуться можно!

– Это что, стереотип, основанный на социальном статусе?! – недовольно фыркнула Клара. – И ведь даже не на моём, а, скорее, на статусе родителей! Как это низко, Господи, с какими змеями я учусь! Ну и оползень же ты, Нейт.

– Миледи, прошу пройти за мной в кабинет. Прямо сейчас, немедленно!

* * * * *

Коридор второго этажа. Девушки продолжают всё яростнее и жёстче спорить, господин Жестов на секунду оборачивается в их сторону, назад.

– Хватит! – тяжело выдохнул он. – Какая муха вас укусила?!

– Муха? – посмотрела Лили на одноклассницу и потом на учителя.

– Муха!

– А при чём здесь мухи, господин Жестов? – сжалась от холода Клара.

– При том, леди!

Седовласый мужчина открывает перед девушками дверь с надписью «Кабинет Восстановления».

Глава 24. Кабинет Восстановления

Кабинет Восстановления представляет собой стену с дверью и кучей висячих бубнов, напротив располагающуюся стену-окно и две остальные, левую и правую стены-зеркала. На деревянном паркете нарисованы кляксы от красок самых разных цветов, а на серебряном потолке висят CD-диски на оранжевых нитках. Присутствующие в кабинете остатки незастеклённых и незазеркаленных стен испещрены вертикальными полосками всех цветов радуги.

Посреди комнаты стоят два синтезатора, да таким образом, что на них играющие, подняв глаза с клавиш, устремят их друг на друга.

– Здравствуйте, милые леди, – раскинул руки господин Жестов. – Птичка нашептала мне, что у вас проблемы в общении друг с другом. Это правда?

– Господин Жестов, а эта ваша птичка, не Вы ли, собственно? – блеснула глазом Лилия Нейт.

– Полно, мисс Нейт, обо мне... – поднял учитель ладонь. – Давайте лучше потолкуем о вас.

После слова «Нейт» мелькают изображения египетской богини Нейт и статьи о ней. Девушка щурится.

– Сейчас я стою около закрытой двери. Вы стоите лицом ко мне и позади каждой из вас – клавиши, верно?

– Верно, – сказала Кларисса Старр и перед её глазами закружились звёзды.

– Вы так и сказали сделать, ага, – скривилась Лилия.

– У мисс Клары свои ноты с текстом песни и у мисс Лили свои ноты с текстом песни, – посмотрел господин Жестов на синтезаторы и окно. – Подобно дирижёру я буду показывать руками, пальцами рук – начать проигрывать музыку, остановить её или же нажать на кнопку воспроизведения дальнейших нот.

Он с серьёзным выражением лица сначала пальцами мешает невидимую сметану, после выпячивает ладонь знаком «стоп», а напоследок и вовсе принажимает невидимую кнопку раз десять.

– Ясно, леди?

– Ясно, – смутилась Клара. – Эмм... Вы это окну сейчас всё столь подробно описывали?

– Будто в игре какой-нибудь, ну, запланированный инструктаж, – кивнула Лили.

– Слушай, оползень, – осмотрела растрёпанные лохмы Лилии Клары, – ты до парикмахерской дойти не можешь?

– Зато у меня нет пластмассовых от литров лака кудряшек а-ля кукла Барби, чем горжусь. Порой так сладко – хоть руки от желания бабло потратить не чешутся! Только татуаж бровей у кое-кого с лицом содрать чешутся и всё. Хмм... О ком я? Аа, точно!

– Ха! Как остроуумно, сама бестактность, Лили! Это не татуаж, к слову, – саркастично хлопнула Старр в ладони. – А не от кожной ли болезни у тебя чешутся руки разве, м? Два ноль.

– Два один, попрошу не сбиваться, «калькулятор», – буркнула Нейт.

– Я намного хуже, чем калькулятор, поверь... – с дёрнувшейся улыбкой и безумным взглядом произнесла Клара. – Я – человек!!!

– Ха! Метко! – восхищённо ухмыльнулась Лили. – Не в сердцевину попадаешь ты, Старр, но тоже пойдёт.

Господин Жестов описывает в воздухе те три жеста снова и снова. Описываемые им движения в воздухе мгновенно запоминаются своей непоколебимой точностью.

– Всё понятно, миледи?

Кареглазая и синеглазая переглянулись и вразнобой сказали: «Да, господин Жестов».

– Тогда на места, девушки!

Девушки начинают играть (♪) Stromae – Papaoutai.

Клара моментально вливается в темп, а Лилины пальцы начинают стучать по клавишам сразу после компаньонки. Ноты вливаются друг в друга подобно акварельным краскам, размокшим в водных струях. Лучи света играют с собственными отражениями.

Господин Жестов исчезает, распавшись на тысячи рассеянных звёзд. В воздухе витают частицы далёких и сладких воспоминаний мыльными, влажными и на свету блистающими пузырями. Кадры из их детства воссоединяются!

Обе они в детстве любили качаться на качелях, играть в догонялки, сбегать из реальности с помощью музыки, но добежать до ежедневного общения с родителями не удалось ни одной из них. На Клару не выделяли свободного времени, лишь няню, а Лили оставили раз и навсегда её родственницам. Всё так элементарно и так запутанно...

Слово «звук» на фоне молота, ударяющего апельсин. Слово «цвет» на фоне светофора, меняющего жёлтый свет на зелёный. Слово «звук» на фоне человека, увеличивающего громкость на магнитофоне. Слово «цвет» на фоне ярких лимонов, красных яблок, апельсинов, персиков, зелёных олив, тёмного крыжовника. Слово «запах» на фоне вянущих в быстрой перемотке белых роз. Слово «свет» на фоне всё быстрее и быстрее мелькающего красного цвета на светофоре, время ночное, свет электрический светит ярко. Жёлтое слово «цвет» на фоне серых лимонов обесцвечивается. Слово «звук», сопровождающееся пищащими крысами, ими же съедается. Слово «запах» на фоне духов, брызгающих прямо в экран, в камеру широкоплечего и высокого, задумчивого оператора. Слово «эмоции» на фоне безудержно смеющихся людей. Слово «запах» со звуками задыхающихся, кашляющих стариков. Слово «блеск» как вывеска рядом с обанкротившейся аптекой.

Моментально девушки вскакивают со стульев, нажимают на нарисованную мелкими кнопку автовоспроизведения на синтезаторах. Будто замороженные, они поддаются гипнозу со стороны подпевающих стен.

– У тэ, папа у тэ? – напела строку из припева Кларисса.

– У тэ, папа у тэ? – уподобилась однокласснице Лилия.

После их голоса звучат даже без шевеления губ.

Синее зазеркальное свечение меняется на фиолетовое, красное на жёлтое да зелёное на серое. Движения девушек теряют естественность, по-змеиному извиваясь и сворачиваясь. В кабинете воскресают звёздные, но тёмные небеса.

Кляксы, изображенные на полу, капают с пола на потолок. Девушки передвигаются по кругу, неосознанно соблюдая все законы симметрии. Это помесь индийских танцев и брейк-данса.

Настаёт тишина, и песня проигрывается снова. Обе вскакивают на противоположные зеркала, на стены, как балерины на магнитных основах в музыкальной шкатулке. Слышится завывание с улиц мегаполисов, хотя за окнами школы океан и лес, о, этот вид из окна!

Подтаптывание правой ноги с извиваниями плеч. Шебаршение – шок. Всё переливается на их стенных танцплощадках. Их отражения пудрят им головы!

Клара, повернув на оконное стекло с плавным кошачье-паучьим оживлением, переваливается со спины на живот и обратно, уподобляясь диким животным.

Лили прыгает на стену с бубнами, то прыжками и постукиваниями преодолевая их, то стоя на руках на них. Доли секунд спустя из бубнов вырастают барабаны, а стекло подсвечивается неоновыми-фиолетовыми диодами.

Вертикали переходят в горизонталь, окно в пол с подсветкой под ним, барабаны в тыквы.

Погрев спины и отбив ноги, танцовщицы шагают на потолочную поверхность, по-петушину взьерошивая плотно окрашенную под серебро поверхность. Краска сыпется под силой музыки песком да блистающей пылью. Оранжевые нитки становятся зелёными, когда на них прорастают листья, как у одуванчиков. Переливающиеся диски рассеивают свои осколки,

сильно ранив каждую частичку воздуха прямо в сердце, тук-тук... Слышится биение сердец! Пушистые одуванчики на нитках меж бледных песчинок сотрясаются от малейшего стука, треска и хлопка, что звучат от танцующих девушек. Скреживая ноги меж собою и будто бы отодвигая руками невидимые стены, девушки идут к центру, к тарелковидной лампе. Семена одуванчиков только и успевают разлетаться туда-сюда.

Музыка приглушённо звучит, повторяясь, наверное, уже в сотый раз. Капают краски. Летают звёзды. Метаются цветы. Две непобедимые скалы, Лилия и Кларисса, держат шаг уверенно. В один миг леди подходят к лампе, обе оглушённые чем-то чудотворческим и трудно уловимым зрячими. Они резким движением левых рук поднимают клочки звёздной пыли и лампу вместе с ними вверх. Понемногу вырастая из звёздной пыли на проводе-стебле, полукруглое око увеличивается до размеров стола. Девушки под усиленную, адски громкую мелодию песни, кладут правые руки на основание ока, а левые чуть выше.

Тёплый свет сменяется холодным. Синеватый на желтоватый. Всё земное кружится вокруг девушек белыми отрывками тетрадей. Мигая, лампа светит зелёным – её свечение окутывает всё окружающее.

Песчинки сворачиваются в краску. Семена одуванчиков слетаются и соединяются на краснеющих стеблях вновь, жёстко твердея в диски. Звёздный блеск исчезает. На бубнах стираются слова. Музыка стихает.

Осев на стулья, очарованные и недолюбливающие друг друга миледи забывают всё брэнное и мучившее их. Злость и ненависть улечиваются, ветром перемен осушив кляксы. Пальцы обеих касаются кнопки выключения на синтезаторе. Тишина. Аплодисменты господина Жестова.

– Мисс Нейт! Мисс Старр! – забежал глазами от одной ученицы к другой господин Жестов. – Это великолепно! Просто великолепно! Мне кажется, или вы подружились? Такая мирная игра! Браво! Браво!!!

Их ошалевшие глаза вылупились на Жестова, а его взор, в свою же очередь, на потолок:

– Кто включил свет? День-деньской на дворе...

Учитель пытается включить освещение, но переключатель не работает.

– Так-так... Миледи, посмотрите, пожалуйста, на лампу. У нас ведь не зелёная лампочка была? А горит зелёным... Ох, шестой «Цэ», проказники!

Они поднимают головы наверх – зелёная лампа, мигнув, выключается.

– Перегорела, видать. Ну и ладно! Примирение окончено, вы свободны. И не забудьте ноты на память.

– До свидания, господин Жестов! – хватает Старр свою сумку в руку и выбегает из кабинета пулей, а Нейт, долго пиля взглядом лампу, выдыхает.

– Я помню что-то и желаю забыть это... – задумалась Лили. – Господин Жестов, это нормально?

Учитель исчез. Рука бесстрашной доминиканки потянулась к листку на подставке синтезатора.

– «Лебединое озеро»?! – забежала Нейт квадратными глазами по листку. – Ну конечно! Ещё б этот скользкий как волосы моей бабушки тип не исчез после такого! – смяла она листок. – Что этот фиг отчебучить-то вздумал?! Время для разбирательств!

Она спокойно, капельку тревожно, накидывает сумку на плечо и выходит за дверь. Осторожно осматривая все мелочи вокруг себя, синеглазая расправляет лист и аккуратно, достаточно трепетно, что удивительно для неё самой, сворачивает его, убирает во внешний карман сумки.

Дитя улиц спускается на первый этаж в поисках одноклассницы, хотя, услышав знакомый смех из спортивного зала, шустро передумывает, а неотразимая дева с блеском на губах заходит в кабинет истории на третьем этаже.

Глава 25. Голая растерянность и закутанное в плед понимание

В Кабинете Прошлого (третий этаж).

Приглушённый свет пустого кабинета и оранжевые краски стен приглашают Клариссу Старр внутрь. По полу разбросаны карты военных действий и разложены по углам да в проходах тучи красно-чёрных учебников. Все стулья, кроме одного, заняты плакатами, статуэтками, альбомами с редкими фотографиями и купюрами.

– Какой бардак! – сокрушилась Клара, засмотревшись на учебники. – Сколько пыли! Киара? Алис?! Вы в лаборантской, эй?

Из приоткрытой двери небольшого помещения внутри кабинета прозвучал голос Киары Морган:

– Да, карты военных действий века так... девятнадцатого?

– Да-да! – послышался голос Алисии Таллейн оттуда же.

– Подклеиваем карты.

– Можно к вам, девчата? – осторожно переступала Кларисса через лежащие на полу книги.

– Мы к тебе выйдем! – отряхнула Алис, судя по звуку, пыльные руки о чистые бока. – Подожди.

– Я подожду... – присела Клара на единственный пустующий стул.

Двумя этажами ниже, в большом спортзале (первый этаж).

Лилия Нейт заходит в спортзал, посреди которого сидит Винсент Фриссон.

– Уоу! Хей, Винни, как поживаешь?

– Неплохо! – заулыбался тот. – Ты как?

– Где Ник?

– В той мелкой конуре мячики чистит, – заговорил Винни серьёзно.

– А нахрена их чистить?

– Обеззаразить как бы. Брысь, зараза!

– Хах! А смысл обеззараживать?!

– Ты мне мозги чистить припёрлась или с возлюбленным покурлыкать? – прищурился староста Дэ-класса.

– Мы просто хорошие друзья, недопонимающий ты придурок.

– Я знаю тебя с первого, блин, класса, и ты вправду считаешь, что этого мало для опознания лыб?! Ха-ха-ха! Лилсон, да ты по уши в мыслях о Ни-нике! Что походу взаимно, мм... Сочно. Хорошее начало любовной истории!

– Пошёл ты! Пойду-ка я, знаешь, – повернулась Нейт к Фриссону спиной, – и спасибо за информацию.

Он довольно приподнял голову:

– А что тебе от него надо-то?!

– Да пустяк. Помочь ему, переговорить с ним о кое-чём...

– Всё же покурлыкать, хех! «Помочь» – дело хорошее, только сильно там не гунди – пацана не травмируй.

– Гу-гу-гу...

– Лил! Я серьёзно, не отвлекай его.

– Гу-гу-гу!

Дэ-классник кидает в её сторону мяч.

– А чего мячами-то кидаться сразу, а?! Слабо один на один? – встала Лилия Нейт в позу.

- Не хочу сдохнуть от рук вашего Ромео, миледи.
- Делай ты, что делал, не отвлекайся.
- Не хочешь мне помочь? – облизнул он пересохшие губы.
- Синеглазая махнула рукой, без остановки бредя к складу с мячами:
- В следующий раз, без обид, плюшевый! Точнее же в следующей жизни!
- Хей, водоросль, ты же сейчас должна со Старр разбирать всякие книжонки по этике и этикету, разве нет?
- В момент, когда мы чуть не поубивали друг друга, мы решили разойтись, сделать перерыв.
- Фриссон игриво и раздражённо одновременно цокнул языком:
- Вот же бестии! Совсем с красавицей Кларой не клеится?
- Вскидывая голову от несогласия со словами старого знакомого, Лили уверенным шагом приближается к ближайшей двери, которая, к счастью, оказывается открыта, однако Ника там нет, не та каморка. Следующая дверь оказывается заперта.
- Чёрт! – заорала Лилия от души. – Заклинило, что ль?! Фриссон, а Фриссон, подсоби!
- Не открывается? Сейчас, минуточку.
- Он отковыривает ещё парочку жвачек из-под скамьи, бросает инструмент и подходит к своей подруге детства.
- Неужели у самой Лилии Нейт чего-то не клеится?
- Винни! Рот на замок, да и... Бляха-муха! Злорадствовать – это зло!
- И радость!
- Ты человек недобрый, конечно, Винни, но ты же и не козёл!
- Парень невольно рассмеялся:
- Ваше величество, прошу, называйте меня Винсентом Фриссоном Восемнадцатым!
- Ха-ха-ха! Я и не знала, что у рода Фриссон столь туго с воображением, сэр Винсент!
- И вообще: я не слуга вам, я – король! Не моя забота сие!
- Ах, не ваша забота, сэр Винсент...
- Его величество, получив подзатыльник от Лили, всё же делает паузу в разглагольствованиях. Он достаёт ключ да отпирает дверцу.
- Портал в измерение омега открыт!
- Девушка демонстративно скрещивает руки на груди в презрении и, поморщив лоб, прожигает того взглядом.
- Открылась. Как просто-то. Извиняюсь спросить, но – что за фокусы, Винсент?! Людей запираем, значит?
- Просто проигранный спор, ничего личного, Лилсон.
- Он тоже скрещивает руки на груди, только, в отличие от подруги, улыбаясь.
- Слушай, – зажевала Лилия всякую букву, – меня внимательно...
- На долю секунды она прижимает его силой рук к стене, перекрыв кислород.
- Не буянь, – по-змеиному зашипел Фриссон с коварной улыбкой.
- После он скручивает ей руки.
- Ай! Да не буяню я! Козёл...
- Освободившись, она пинает парня по ноге и заходит в каморку с мячиками, а если точнее, на школьный склад с мячиками.
- Ещё раз покажешь язык, Фриссон, клянусь, я тебе... Я тебе его...
- Откусишь? – ехидно ухмыльнулся Дэ-классник.
- Раскалёнными щипцами ампутирую, чего бы мне это не стоило!
- Может, вам дверь на замочек-то прикрыть?
- Ну, если жизнь больше не мила – пожалуйста! Рискуй!
- Хмм... Желания нет. Неадекватная ты какая-то.

– Издеваться вздумал... Лаадно.

Ник выглядывает из-за дальнего стеллажа, из темноты:

– А теперь всё, стоп машинам!

Лёгким движением руки Николас стаскивает ключ у Винни и вставляет его в замочную скважину с внутренней стороны.

– Если ключ уже стоит с одной стороны, с другой дверь не открыть и не запереть вновь, верно? – терпеливо заключил Николас Джонс.

– Верно, Джонс, верно... – с презрением посмотрел Винни Нику в глаза, хмыкнул, натянуто улыбнулся и закрыл дверь. – Я не буду мешать, – вернулся Винни в центр спортзала.

Ник с Лили остаются наедине друг с другом в закрытой кладовой. Ник включает свет.

– Ник, слушай, – заговорила Лили негромко, – со мной произошло кое-что очень странное и необъяснимое сегодня. У меня даже доказательства этому есть, хоть и хреновые, ну... Всё началось в Кабинете Закатного Света, когда мы со Старр не ладили – это странная история, но, прошу, выслушай.

Третий этаж.

Киара и Алис покорно слушают историю Клары. Киара сидит, положив ноги на парту и скрестив руки на груди, а Алис сидит за партой, как бедный родственник, дёргая ногой от болезненного бездействия. Докипает, кипит, перекипает чайник в лаборантской.

– Вот такая... – не отошла ещё от шока Кларисса. – Вот такая история.

Киара молча и безэмоционально убирает свои ноги с парты, встаёт и уходит в лаборантскую, с трудом сдерживая удивление.

– Кажется, я пылью замарала всё лицо – сейчас приду, – отрезала Морган.

От стен кабинета заотпрыгивал громкий стук её каблуков.

Киара обратилась к собственному отражению в лаборантской:

– Ах, какая прелестная тварь! Дай-ка я поправлю твои роскошные чернящие волосы! – произнесла она и забубнила под нос агрессивным шёпотом. – Знаешь ли ты, что ситуация дурно пахнет, Эния?! В какие игры ты опять решаешь сыграть? На чьих костях?

– Ты умываешься? – гаркнула Алис в сторону лаборантской. – Ты скоро?

Морган метнула острый серый глаз к выходу из лаборантской:

– Извиняюсь, загляделась в зеркало. Бегу.

Туфли с шипами медленно постучали обратно в место для обсуждений, притом ещё громче предыдущего, в то время как Алис подбежала к докипевшему чайнику в лаборантской.

– Время пить чай! Всё готово!!!

Алис несёт по кружке в руке и третью в зубах, спеша всех одарить чаем.

– Спасибо большое, – приняла Кларисса в руки чайный дар, – но нести третью кружку с кипятком в зубах это, как бы сказать помягче...

– Излишне, необязательно, глупо, опрометчиво, – загибала Киара пальцы. – Мягкие или же умягчающие способы не всегда работают, Кларисса, частенько людям нужен лишь револьвер с громким голосом вместо пуль. Благодарю, Алис. Без сахара, надеюсь?

– Естественно, без него!

– Спасибо ещё раз, – мягко улыбнулась Киара лишь Алисии, проигнорировав Клариссу.

– Итак! – перевела все стрелки на себя Клара. – Морган, Таллейн – мы отошли от темы, прошу вернуться к ней обратно.

– Точнее уплыли от темы к другому берегу кружки! – тихо посмеялась Киара Морган, исподлобья взглянув серыми глазками на блистающую одноклассницу. Клара не растерялась – она, поднеся кружку к губам, закатила больно накрашенные глаза и сделала глоток.

– Морган...

– Что, Старр? Я поддерживаю лёгкость ухода от тем, изобретённую Алис! Или изобретённую тобой.

Кларисса Старр делает секундную паузу в распитии напитка, приподнимает карие глаза на Морган и беззаботно продолжает пить.

– Хм-хм-хм, – жадно хлебала чай Алисия и бегала серо-зелёными глазами от Киары к Кларе, – как интересно.

– Тобой, Клара, – выдержала значительную паузу Киара Морган, рассматривая безмятежное лицо светловласой девушки, и закинула ногу на ногу. – Но это лишь догадки, ха-ха!

В Киарином смехе читались догадка и презрение.

– Тебе понадобится время, чтоб понять – к чему и для чего была эта ситуация с Лилией. Без лишних раздумий!

– Я соглашусь с Киарой, Клар. Первый раз упал кокос на голову обезьяны...

– О... Боже! – закатила светловласая глаза.

– Клара, цыц! Продолжай, Алисия, – улыбнулась Морган лучшей подруге.

– ... и она поняла, что кокос – тяжёлый. Во второй раз оказалось, что кокос – мохнатый, как и сама обезьяна. После она обнаружила дырочки в нём. На четвёртый раз ей станет интересно, что же внутри? Постепенно набравшись знаний, умений и прочего – она возьмёт да расколлет его, раз и навсегда поняв, что же внутри! Чёрт знает на какой раз ей это удастся, конечно, но в конце концов её губы будут распивать кокосовое молоко в полном удовлетворении. Лежа в гамаках, одной из обезьянок придёт идея об открытии ларька по продаже кокосовых коктейлей! И... И... – соскочила со стула, пылая от чувств, Алис. – Демократия! Свобода мыслей! Слова! Счастье! Подъём их расы до разумной! И крики: «Свободу обезьянам!» ворвутся в уши каждого живого существа!

– Это волшебное... Хорошая история, правда.

– Спасибо, сестрёнка Ки! За основу взята притча из детства.

– Разве есть такая притча?

– Вряд ли... Стопудово бабушка придумала.

– Оу.

– Аууу! Ээй! И что же мне делать с увиденным? – подала Кларисса Старр голос. – Просто ждать?!

– Ну, ещё тебе понадобятся люди, обезьяны и кролики, с кем ты это обсудишь.

– Я уже это обговорила с вами, Алис.

– Тогда вперёд – к Лили.

– К Ли-лилии, которая...?

– Клара, ты заплутала в тумане или как? – прищурилась Киара, ударив чёрным каблуком по полу. – К Лилии, которая Нейт, – иди к ней и обговори увиденное, раз уж вы обе там присутствовали. Это логично. В чём Алисия не права?

– Это последнее, чего мне хотелось бы, – звонко поставила светловласка полную чай кружку на парту и схватилась за голову. – Аж голова разболелась...

– Снежная королева всегда права, звёздочка, тебе ли не знать?

– Я знаю про Моргановскую чуйку, Алис, хоть и не верю в неё. Мы, напоминая, живём вместе как минимум третий год.

– Просто растяни с ней словцо за чашечкой чая, а дальше всё само пойдёт, – зашипела Киара. – Не ной!

– Буду пытаться, Ваше Высочество! – скривилась Кларисса, поправив волосы. – Пожелайте мне удачи! Я пойду разбирать пыльные книги и забытые Богом диски в Кабинете Закатного Света.

Киара ответила сухо, вглядываясь в каждое движение уходящей девушки и допивая остывший напиток:

– Удачи, суперзвезда...

Старр уходит по делам, и Морган ставит пустую кружку на парту.

– Итак, пора и нам за дела, да, Алис?

– Тс! – шикнула серо-зелёноглазая. – Пожелай и нам её тоже, Ки! Его. Растение лепреконов, имею в виду. Мне оно нужно! Нужно!!!

– Тебе нужен четырёхлистный клевер?! Алис, твои намёки приходят неспроста... Ну или когда перегреешься, перенервничаешь. Причины сей данности имеются?

Морган максимально близко приближает ухо к подруге.

– Киар, сегодня я ела кашу с кусочками яблока на завтрак – Сю сготовила, помнишь?

– Помню, конечно. Вкусная была, хотя я и взяла с персиками.

– У меня потемнело в глазах, и в затянутой дымке я увидела лицо Хулио Мансаны на фоне здания с японскими иероглифами, не с английскими.

– Ты шутишь?! Он ведь... в Европе.

– Я не уверена в этом, мм, в общем я хотела сказать, что, может, разногласия в «Четырёхлистном Клевере» не были ошибкой, а поспособствовали нечто большему? К примеру тому, что Хулио в Японии и с ним случилось, произошло нечто... важное? Необычное?! Он что-то или кого-то нашёл, я знаю!

– Кого?

– Не знаю.

Киара пошатывается на стуле и, потеряв равновесие, хватается за край парты, скобля ногтями по древесине; она берёт себя в руки.

– Это всего лишь глупый абстрактный сон в помешательстве, Таллейн. Забвение. Не бери в голову.

– Это не сон, а происходящее сейчас или недавно, это видение о настоящем! И я не беру это в голову, Киара, оно само появилось В МОЕЙ ГОЛОВЕ!!! И теперь я точно не отступлю: эти странности – не случайность! Все странности, включая тайную комнату под музеем и остановку времени – всё это не случайность, и я не успокоюсь! Бабушка была права, – резко встала Бэ-классница с разноцветными волосами со стула и оценила Морган холодным взглядом, – случайностей не бывает.

Первый этаж.

Пока в Кабинете Прошлого бушевали негодования, на складе мячиков повисла тишина. Обстановка: игольчатая.

– Не знаю, что и подсказать... Слушай, а ты обсудила произошедшее со Старр?

– С этой крашеной фифой-то? Нет. И не хочется!

– Может, она лучше, чем кажется. Вы же хорошо иногда общаетесь.

– Помнишь, как она водилась с, кхем-кхем, этими...? И как себя вела рядом с КХМ-КХМ! Так вот вела себя она точно так же, как и тогда.

– С выскочками из Златоглазых Горлиц? Увы, эту гадость я не смогу стереть из памяти. Она да эти фрукты с задранном носом – картина!

– Не люблю я светловласых!

– Лили, цвет глаз и волос не предопределяет человека. У Чипа и Дейла тоже натуральные волосы белы, ну, у Ликосов.

– Ага, помню... Перевелись к нам из Бестии-Эскуэлы в классе девятом, но они-то на Горлиц не похожи! А Клара вот была горлицей, понимаешь? Она водилась с той поганой семейкой! – защёлкала синеглазая пальцами. – Как их...

– Лейнстрейнджи – вроде такая у них фамилия. Только вот, извиняюсь за грубость, Лили, но не ты ли начала вашу с Кларой ссору? Она признала, что связалась не с теми, она тысячу раз извинялась миллион лет назад, а ты вспоминаешь старые, не вечные, а старые обиды, вскрываешь зажившие раны. Быть может, именно это спровоцировало её?

Лили кивает, прикусывает губу и задумчиво смотрит в пол, водит носочком по линиям линолеума.

– Честно? – помедлила Лили. – Не знаю, что на меня нашло...
– Несмотря ни на что поговори с Кларой, слышишь?
– Поговорить – поговорю, потрещу с ней, а вот не стошнит ли после разговора с ней – другой вопрос.

– У любой вражды должен быть конец, Лили, – сказал он и в его голос закралась ласка. – У всякой неожиданной ссоры тоже!

– Ты прав! – с радостью согласилась она. – Пришло время примирения и возвращения туда, где я должна быть!

Девушка отдаёт честь.

– Удачи в Кабинете Закатного Света!

– Принято! Мы там диски и книжки всякие расставляем. Скука смертная! Мешать более не стану, к слову!

– Можешь почистить вместе со мною мячики, если желание найдётся – это намного увлекательнее.

– Благодарю за приглашение, – рассмеялась Лили, – но у меня своя работа имеется, однако всё равно спасибо.

– Тогда просто-напросто помни – вы обе достойны извинений и прощения, хотя ты и чуть больше.

– Мы ж ничего друг другу не сделали, чего же прощать?

– Пренебрежение, – отпер Николас пред Лилией дверь.

– Хмм... Покедова?

– Да, до скорого!

Лили выходит из кладовой, а Ник облачивается на дверной косяк.

– И тебе, Фриссон надоедливый, тоже пока!

– Приходи ещё, водоросль! В следующий раз без коньяка не пустим!!!

– Спортсмены не пьют, Фриссон, бери пример с Джонса!

– Ну, я ж не полноценный спортсмен, Нейт!

– Слово до, слово после... – угрожающе помотала синеглазая пальцем. – Пустота!

Девушка выходит из спортзала.

Второй этаж, счастливый недокоонец.

За окном кабинета светит солнце; полуденный, а не закатный свет льётся на лица двух одноклассниц.

Несмотря на всех чёрных кошек, пробежавших между Клариссой и Лилией, девушки на какое-то время находят общий язык и приступают к работе. Старр, освещаемая скорее жёлтой настенной бра, чем солнцем, и Лили, подсвечиваемая синим уличным светом, протирают от пыли книжки о том, как нужно дружить, как вести себя прилично в обществе...

– Скукота! – усмехнулась Лилия Нейт.

– Ха-ха! А-то! – хихикнула Кларисса Старр, задорно подмигнув.

Их благородное дело во имя Студии Талантов прервала одна страничка-книжка – она выпала, слетела с полки абсолютно неестественным образом.

– Ты видела, Нейт?

– Может, типа, это нам обоим привиделось, как танцы на зеркалах в Кабинете Восстановления...?

Кларисса берёт в руки брошюрку «ЛилиБри» и показывает её однокласснице.

– ЛилиБри? – удивляется Лилия и осторожно касается картинки-обложки. – Настоящая, вроде.

– Я ведь загорать люблю, а ты плавать, так?

– Ага, Старр, и ты пугаешь меня...

– Хех, не боясь! Здесь нарисовано жёлтое сияющее солнце и синяя дождливая тучка, – уверенно раскрыла буклет кареглазая, мельком посмотрев на синеглазую и начав чтение. – «Жила-была девочка, мечтающая о карьере на сцене и жизни в солнечном Лос-Анжелесе, её звали Лилиан, а на одной лестничной площадке с ней жила девочка, грезившая о карьере в уютном офисе и жизни в дождливом Лондоне, её звали Бригитта. Им обоим с детства суждено было стать лучшими подругами, почти что сёстрами, и они ими стали. Две такие разные, две такие похожие друг на друга – обе мечтали подняться и стать счастливыми, но они были не обычными девочками, а особенными в способностях собственных волшебницами – их стремление дружить было опасно, Судьба развела их, дала им вырасти из простых девочек в реализованных леди, из волшебниц стать людьми, растерять опасные силы. Судьба одного не учла – умение мечтать и верить в чудо до конца не дало им растерять лучика и капельки волшебства! Своей долгожданной встречей они породили в небесах, разделённых жёлтыми солнечными лучами и синими дождливыми тучками, зелёную молнию – стихийное бедствие, меняющее некоторый ход событий, да подруги, желающие не расставаться никогда, плачущие от счастья, сияющие от чуда, организовавшие когда-то дуэт „ЛилиБри“, по щелчку пальца очнулись в постелях своих сёстрами. Мать Лилиан и отец Бригитты проснулись супругами, а время – оно откатилось назад, к школьному возрасту Лилиан и Бригитты, забылись сцена и Лос-Анжелес, уютный офис и Лондон, да протрудились они всю свою жизнь, две сестры, на небольшой семейной ферме в Вертфлесте, о существовании которого до зелёной молнии и знать не знали. С тех пор Судьба с пылкостью и чрезмерным порою старанием разделяет волшебниц и волшебников света и воды. Конец!».

– Картинки мелкие и отстойные...

– Ничего ты не понимаешь, очень красивые иллюстрации! Ну да, мелковатые.

– Можно было б и почётче, однако история – выше всяких похвал! Кто автор?

– Его нет.

– Это миф, народное сказание, сказка, притча неизвестного странника?

– Понятия не имею! За тряпки, Нейт?

– С удовольствием наведу шорох в этой тёмной пещере, Старр.

Умиротворённые девушки подпрыгнули от грохота грома за окном!

– Откуда это?! – подбежала Лилия Нейт к окну. – Ни облачка.

– Лили, а мне вроде бы эта история про Лилиан и Бригитту, Лилиан и Бريدжит знакома...

Мне она, кажется, снилась! – вспыхнули жёлтые звёзды в тёмных глазах светловласки.

– Хм... Там, где Эллимон и Великий Змей? – выпучила глаза тёмновласка. – Хоть убей, но вроде что-то помню, а вроде совсем нечего. Хотя, хотя мне тоже такое снилось, Старр! Золотой человек, сёстры Ил, два мира?! Да! Да, этот сон!!!

– Какой сон? – почесала Клара лоб. – Хм?

– Забыла. Ой, да неважное, раз забыла, – махнула Лили рукой. – За тряпки?

– С удовольствием наведу шорох в этой тёмной пещере, Нейт!

Глава 26. Красный гараж при Талантливом Доме

♪ Revolver – Get Around Town

«Ой, что за день!» – маялось в голове каждого студийца, и каждый из них был прав – безумие какое-то творилось!

Около красной машины в гараже с красным таксофоном стоят Лео и Майкло, а около въезда и входа в гараж зачитывает что-то написанное на листочках Чип. Лео держит руки за спиной, вслушиваясь в слова Чипа, оттого даже вытягивает в его сторону голову, а Майкло, недовольно приподняв верхнюю губу, стоит, скрестив руки на груди.

– Вам нужно расставить, разложить и развесить все инструменты по местам, – читал Чип Ликос и изредка поднимал глаза на стоящих у машины, – переокрасить все предметы с облезлой краской, предварительно подшлифовав, ну и, что уже классика, отдраить весь свой участок без исключения! Теперь введение: автотранспортное подразделение делится на шесть гаражей и является отдельным от Талантливого Дома зданием, как вы, надеюсь, помните, точнее... видите. Что я ещё хотел сказать... А! В каждом гараже свой цвет. К примеру, в жёлтом гараже на стену присобачен телефонный аппарат или таксофон жёлтого цвета и машина там стоящая – жёлтая. Думаю, что это должно быть понятно. Всего таких гаражей шесть, уже сказал... Есть синий, уже упомянутый жёлтый, чёрный, белый гараж, гараж с тук-тук и красный. В последнем вы сейчас находитесь и будете здесь хлопотать, соответственно.

– А ты где будешь работать, Чип? – спросил Леонардо Дейр.

– Не смущай его, этого ж в бумажке не написано... – усмехнулся Майклос Сандерс.

– Хах! Это введение и список ваших обязанностей, а не записка от мамочки, Сандерс.

– Извини, не знал, что ты слышишь хоть что-то кроме своего голоса.

– Поясни-ка, если язык слушается, м?

– Сандерс, не начинай...

– Без паники, Дейр. Если бы я говорил только тогда, когда меня слушается язык, меня б прозвали Немым Джозефом, и ни один воистину Немой Джозеф не смог бы вобрать на свою шкуру сей славу, понял? Однако поясню: нашу зевоту тебе не слышно, как первый сигнал. Бзз-бзз-бзз, – противно сказал Майкло и продолжил голосом робота. – Не забудьте взять направление к лору!!! Второго сигнала и не надо здесь, бурундучок.

– Придурок... – от омерзения и неприязни сжался Лео. – Я же специально нашёл статью о приручении мерзкоязычества, Сандерс, бляха муха.

– Мерзкоязычия, – самодовольно хмыкнул Майкло. – Знаю, и я её не читал. Скажи, дерзко отморозил, Дейр? – заулыбался чёрноглазый.

– Да, псих-самоубийца, – рыкнул на одноклассника и соседа по комнате Лео.

– С ним-то псих-самоубийца?! Но всё равно спасибо за комплимент, я стараюсь.

– В правильном направлении стараешься – в Ад тебя уже без очереди пропустят.

– Да! – заговорил Майклос по-английски. – О всемогущие ёлки, да!

– Итак, – продолжил скучное напутствие Чип, – я, как один из помощников руководителя, должен был ввести вас в курс дела, и, как то положено, я введение зачитал. Всё ясно? Сандерс, дай ответить, и ты... Прости, имени не помню.

– Лео.

– Лео Дейр?! Друг Гётренга!

– Да... – почесал рыжевласый шею. – Не помнишь меня? То есть... ты прикалываешься, Чип?

– Рад знакомству! – радостно протянул светловласый руку для рукопожатия. – Что делать тебе ясно?

Сандерс на пару мгновений смутился.

– Понятно и без лишних слов, правда, – смущённо заговорил зелёноглазый на тон тише. – И, мм, хм. Чип, мы знакомы года три...

– Хорошо! Я пойду в своё подразделение, одно из своих, к Све Лус.

– В литературное...? – пошурился Майкло.

– Да! Если что, в синем гараже мой брат-близнец.

– Дейл.

– Ага! Лео, вы что, с ним знакомы?! Уау!

– И давно, Чип! Ты что, головой ударился, или ты сейчас серьёзно?

– Жжууть... – истерически усмехнулся Майкло. – Веришь?

– Мой брат колдует над старушкой девяносто девятого года с помощью небывалого волшебства автодизайна. Подобной практики у нас ещё не было...

– Аэрография?

Левые работники автомастерской, отречённой от Студии, наносят рисунки на авто.

– Так точно, Дейр! Эмм... Нужна будет помощь или совет: синяя кнопка ниже циферблата всегда к вашим услугам, – посмотрел светловласый на таксофон.

– Как мило глядеть на ретро-стиль, – перешагнул с ноги на ногу тёмновласый, – можно приступать к работе, не?

– Да, пора уж. Удачи!

– И передай Дейлу, что я не недохимик, Чип!

– Когда с исправления снимут и восстановят во всех правах в химическом, тогда и поговорим, Сандерс, – осадил сероглазый чёрноглазого.

– Так ты всё же помнишь нас...?

– Конечно, помню! О чём ты, Лео?

Два Бэ-классника смотрят друг на друга с квадратными глазами и немым вопросом друг к другу: «Что за ерунда здесь творится, твою мать?!».

– Мы же учились как-то вместе: девятый класс, девятый Дэ-класс, и третий год уж в одной параллели. Странно выглядишь, Лео, но не мне судить – поменьше думай, удачи вам и пока.

Чип выходит, ребята приступают к разбору инструментов. Они берут инструмент, находят его в справочнике с картинками по названию или внешнему виду, кладут или вешают его на место, определённое своим числом, и всё. К примеру, около места обитания молотка было «22», как и в справочнике напротив слова «молоток».

– Он меня бесит.

– Тебя не он бесит, а его брат, который превосходит тебя во многом и носом тебя тычет в собственные победы. Вот что поистине, Майкло, выводит тебя из себя!

– Чип – братец-кролик главного мыльного носочка из оперы «Дурачок Дейл», друг Тома! Брат врага – это друг друга лучшего друга, предательство без слов!

– Не можешь отойти от актёрского мастерства, Сандерс? Успокойся, а... – вздохнул зелёноглазый. – Чип и Томми в основном общаются друг с другом обособленно от меня, если не заметил. И вообще: тебя не больше ли беспокоит забывчивость Чипа?

– Он забыл о том, кто мы, и всерьёз, точнее же: кто ты, – задумался Майклос. – Я это понял. В последнее время столько несостыковок и странностей, что мне хотелось бы элементарно заикнуться на нормальных и вполне себе важных вещах.

– С какими странностями ты столкнулся недавно?

– Не важно, я хочу сосредоточиться на важных вещах, на химии, например, и на том, как бы перестать быть в тени Дейла! В нём нет искры учёного, в нём лишь потребление, понимаешь?

– Чёрт с ним, с Дейлом, и с этой вашей химией, но Чип...

♪ Revolution Renaissance – I Did It My Way

– Не принижай науку на стыке природы и математики в моём присутствии!!!

– Ты – самый преданный любитель неживого из всех, кого я знаю, какая к чёрту лысому наука на стыке природы?! Где химия, написанная на листе и проигрываемая в пробирках, зачастую опасная до одурения, а где система жизни, взаимоотношение растений, животных, грибов и микроорганизмов на данной нам планете, полной мало изученных чудес?

– Хочешь вновь припомнить мне седьмое апреля тринадцатого года и повздыхать кисейной барышней, Лео? Отдельное удовольствие это – отсчитывать других?

– Уже вспомнил, Майкло!

– Как я приношу пару бутылков из лабы – трагедия, а как его величество защитник животных притаскивает змеиные гнёзда и по полу извивается скользкая тварь невероятных размеров – «это просто живое существо» или «всё под контролем, не боясь», да? Двуликая ты скотина!

– Тот удав был не таким уж и большим! Детёныш!

– И вправду! Обвивался вокруг как тебя, так и твоей кровати, плюсом хвостик на соседнюю кровать выпятил. Милая змейка! Душка! Хорошо, что Джузеппе нашёл тятку, Арти топор, а я мешок для трупа, мешков много!

– Садисты! Хотя удивлён, что ты принёс мешки, а не взрывчатое вещество, над которым, конечно же, лучше работать в жилой комнате, а не в оборудованной лаборатории!

– Хоть протаскивать этих тварей к нам больше не будешь! И я принёс бы такое вещество, что от твоих тупых мозгов и частички не осталось, но я разумен, чтоб по глупости и злости не сесть в тюрьму.

– В любом случае: забрызгивать всё змеиной кровью и сваливать всем троим к мусорке было необязательно, могли бы предупредить, что грохнули змея, а не, прости Господи, кого-то из себя. Точно садисты!

– Поверь мне, Дейр, лучше быть садистом, чем столь односторонним продавцом розовых очков!

– Я односторонний? И тупые мозги у меня, говоришь?! Одолжу-ка я у себя же парочку очков розовых – для тебя! А то, бедолага, в своих серых очулярах крыша едет.

– Бедолагой был бы ты, не увидь мы на скрытой камере обкрученную вокруг тебя хладнокровную пружинку из мышц.

– Заткнись!

Дейр кинул в Сандерса ключ, а Сандерс кинул в Дейра ключ поменьше.

– Мистер Сандерс, мистер Дейр! – блеснула тень господина Жестова утечкой бактериологического вируса с одной из военных баз. – Прошу пройти за мной в Кабинет Восстановления.

– С нами всё отлично, – вспыхнул Майкло, – мистер, или как Вас там, Жестов.

– Согласен, – обратился Леонардо Дейр к учителю, а затем к однокласснику, – а ещё он ГОСПОДИН Жестов.

– Господа, моё решение оспариванию не подлежит.

Лео начинает стаскивать прицепленный на стену молоток:

– Да пошёл ты, Жестов, сами разберёмся!

– Его правда, сэр, – приподнял Майкло ладони, – мы не ссоримся!

– Господин он.

– Пофиг, Дейр.

Перед глазами юношей сверкают зайчики, сотни точек маячат тут и там, сбивая с толку. Чёрно-багровые блики носятся самолётами и вертолётами!

– Мне показалось иначе, – грубо и прямо заговорил господин Жестов. – Мне показалось, что вы ссоритесь.

– Послушайте, – сделал Лео шаг вперёд, – мы лучшие друзья, и эти маленькие, малюсенькие, пуцай и дикие перепалки никак не испортят наши взаимоотношения. Это просто проле-

тит мимо, не оставив и следа! И ещё я прошу прощения за грубые высказывания... порою вы такой докучный!

Лео незаметно для Жестова послал с помощью мигания сигнал «SOS» другу, и Майкло стал вести себя сдержаннее да мудрее прежнего.

– Это же истина, – пожал Майкло плечами. – Закон здоровой дружбы, мистер, мм, господин Жестов. Главное – это правильно отнестись к ситуации, не преувеличивая, и всё, и тогда всё рассортируется по полочкам в лучшую сторону. Мы сможем договориться: мы столько лет живём вместе.

– Всегда сможем договориться!

Чёрно-багровые блики растворяются, словно пелена спадает с глаз.

– Хмм... – призадумался учитель. – Раз уж вы так уверены, что это нормальное явление, ладно. Увижу ещё одну ссору или перепалку между вами – моего кабинета вы уже избежать не сможете.

Учитель выходит из красного гаража и алые краски тускнеют: серый гараж, серая машина и серый таксофон отпугивают от себя нарисованностью и смазанностью, мёртвенностью и сухостью, после они вдыхают в себя вновь пламенный цвет; тусклые краски алеют, да оживает вокруг парней гараж – красный гараж, красная машина и красный таксофон.

– С чего вдруг такое сопротивление Жестову? – обратился Сандерс к Дейру. – Побренчать на пиано, слегка отстраниться от долга в Кабинете Восстановления – не велика це...

В противовес Майклосу Лео затараторил:

– Я получил сообщения от Ника и от Алис. Разное повествование, а суть одна: они гласили о произошедшем со Старр и Нейт в кабинете Жестова, не без помощи его самого. Всё ими описанное похоже на эффект от галлюциногенных, психотропных веществ. Это произошло в его кабинете, секёшь? Куда он их пригласил после... ссоры. То ли в воздухе что, то ли проигрываемые ими ноты «Восстановления дружбы» сложились в гипнотическую колыбель для мозга, не знаю. Девки до сих пор отходят. На, прочти сам!

Огневласый протягивает телефон соседу по комнате трясущейся рукой.

– Походит на сюжет фильма для взрослых или на дело об изнасиловании, но ядрёные характеры Старр и Нейт заставляют сомневаться в обоих вариантах. Кстати, «девки» слишком по-сексистски звучит, на человека-мораль не похоже.

– Твои фишки краду нещадно и бесстыдно. Прочитал уже?!

– Попридержи коней, дай-ка я для начала свой телефон проверю... – проверил кареглазый экран своего мобильного. – От Киары одно. Я сравню?

– Ага, – сказал зелёноглазый и брызнул саркастично, – от самой Киары Морган, какая честь!

– И на твоей стороне будет праздник, Лео. На одном неудачном романтическом опыте жизнь не заканчивается – надо как минимум десять!

– Полно об этом, шутник. Всякой влюблённости есть конец, должен быть, и без тебя знаю, но, но всё равно спасибо, что хоть как-то пытаешься быть человеком. Надеюсь, что вскоре этот ужас с трепетом сердца закончится и... кхм.

– Надежда умирает последней, – хмыкнул Сандерс, – всегда. Лучше подумай о том, что с нами было б в кабинете с пианино, хотя, может, и произошло с нами что-нибудь здесь, краски менялись, было ярче, было светлее, – посмотрел парень на потолок, – менялось освещение, наблюдались игры света. Может, он что-то распылил здесь до того, как подать голос? Или пока Чип ходил за нами? Это бы объяснило его забывчивость – сказал Майкло и вспомнил записку от Евгента, где было упоминание и описание такой придуманной болезни как «забывчивость», он помотал головой и смолчал.

– Жестов физически не смог бы одурманить нас всех этой фигнёй или загипнотизировать. Не здесь, не в холле.

– Мы не знаем, что у него на уме, но предположительно – раз хотел, мог и провернуть. С сообщниками.

Взгляд Лео оценивает ситуацию, стреляя на места, требующие уборки. Обзор по всем этим местам.

– Чтобы не творилось в его черепушке, нужно быть начеку. И доубираться, Майкло.

– В точку! Размышления делу не помогут, где... где у них тут пылесос?

– Хех, в углу вроде, около таксофона.

– Вижу, – подошёл Майкло к пылесосу у таксофона и взял его в руки.

– Таак... – потёр ладони Лео. – Ты взялся за сухую грязь. Если я возьму ведро с водой и начну уборку влажную, то я намочу твою пыль да землю, и ты её не спылесосишь, соответственно, я берусь за расфасовку инструментов!

Майкλος начинает пылесосить коврики и щели автомобиля:

– Для начала тебе придётся их найти.

– Не беда! С играми а-ля «отыщи предметы» у меня проблем не возникало никогда! – подошёл Лео к таксофону и подобрал около него отвёртку с синей ручкой. – Думаешь о том же, о чём и я? – загадочно протянул зелёноглазый студиец.

– Жалко, что в детстве из онлайн-игр не было чего-то вроде «отыщи хлебные крошки и дохлых насекомых на полу автомобиля»? Пригодилось бы. И нет, я не об этом думаю.

– Это б травмировало детскую психику.

– Ой, я тебя умоляю, Дейр! Игры типа «прооперируй глаз» или «прими роды», значит, психику не травмируют? Точнее: не травмировали?

– Фиг знает...

– Проехали. Дай угадаю, о чём подумал ты, о чём не подумал я, хм-хм-хм? – почесал Майкло себе подбородок. – «Не беда, что ты не ждёшь меня?».

– Отставить песни Кукрыниксов, хотя, хах, их я напеваю про себя... иногда!

Майкλος подошёл к Леонардо и показал на синюю кнопку красного таксофона с вопросом и азартом в глазах:

– Считаешь, что этот дурак Дейл вёл себя странно последнее время?

– А если он – шпион Жестова, да Чип – их нулевой пациент? Он ведь был в Кабинете Закатного Света до прихода в гаражи, он разносил тряпки.

– Ты так уверен, что Чип был у Клары и Лили, Лео? Не один Чип разносил тряпки.

– Пospорим, что Дейл в синем гараже – это лишь Чипина галлюцинация?

– Звони, Дейр, – сглотнул тёмноглазый ком в горле. – И убери отвёртку.

Лео взял себя в руки, нажал кнопку Икс и подставил трубку к своему левому и к правому уху друга – ответил им не Дейл Ликос да на вопрос: «где Дейл?» тот парень, не-Дейл-Ликос, ответил однозначно – в школе он, на помощи математическому подразделению стоит он.

– Значит, Дейла у тебя не было сегодня? – спросил Майкло и услышал положительный ответ. «А что?» – послышалось из трубки, но это было уже неважно.

– Надо предупредить наших, что в школе завёлся маньяк-извращенец.

– Какой ты добрый, Лео, но в чём-то я соглашусь с тобой – предупредить надо, а что за лицо у господина Жестова – покажет время.

– Время – не время, я убью его за Чипа!!!

– Положи отвёртку, Дейр!

– Прости, – убрал Лео инструмент с синей ручкой под номер 17.

Глава 27. В процессе самопыток

Второй этаж, Кабинет Закатного Света. Клара с Лили раскладывают в алфавитном порядке диски с книгами.

Третий этаж, Кабинет Прошлого. Киара с Алис почти заканчивают подклеивать исторические карты; одна подруга с другою делится скотчем.

Этаж первый. В школьный склеп книг, что напротив столовского пункта выдачи еды, заходят Артур Браун и Джузеппе Растрелли. Джу показывает на шкафы правой полосы – на них цифры «1», «3», «5», а потом пальцем на себя. Потом он же показывает на шкафы левой полосы – на них «2», «4», «6», и кивает в сторону Арти. Роли распределены. Начавшись рядом друг с другом, их пути незаметно расходятся – Растрелли приходит в начало библиотеки, к столам для тихого времяпровождения, Браун же, сжимая ведро с водой и тряпку в руках, забредает вглубь – туда, где подозрительно очень плохое освещение.

За пару стенок от библиотеки, в универсальном большом спортзале, Ник с Винни играют в вышибалы.

– Думаю, что тебе придётся замазывать потолочную плесень... – засмотрелся Винни на потолок, как по его коленям попал мяч.

– Мечтай, трепло.

Спортзал сменяется библиотекой. В тёмное и незнакомое крыло книжного склепа заходит Артур Браун. Дверь за юношей аккуратно закрывается сама по себе – Арти на это до лампочки, он нащупывает шкаф, в котором куча больших переносных фонарей, берёт один из них и берётся бродить меж книжными полками уже с ярким тёплым светом, позабыв о ведре и тряпке. С виду тяжёлые и старые-престарые книги на незнакомых языках привлекают его, но не останавливают на себе его внимание. Брауну бросается и кидается на глаза лишь одна бордовая книжка с надписью «Ежедневник» – обычный дешёвый блокнот, который он берёт в холодные руки и раскрывает со звуком шелестящих бумажных крыльев, с запахом луговых ненавязчивых цветов, с видимыми и улетающими куда-то бумажными оригами-птичками. Название блокнота меняется с «Ежедневника» на «Дневник Асфоделя „Ха“». Арти начинает читать сначала: «Дневник Асфоделя „Ха“ приветствует вас!».

В поисках наиболее интересной записи Арти долистывает до середины, что ближе к концу: *«Поверить не могу, что Мулан решила последовать примеру Арти, ведь ещё неизвестно, каков его опыт. Хоть она и говорит, что её решение с решением Брауна никак не связано, но я ей всё равно не верю. Она совершит огромную ошибку, вступив вместе с Шарлоттой Осо, Гвендолин Ла Фавье и Хулио Мансаной в коллектив, кой вскоре назовут „Четырёхлистный Клевер“, я чувю это! Однако помимо всего грустного, им её ошибочное решение всё же принесёт плоды. По крайней мере, я надеюсь, что принесёт!!!»*.

Слоновым шагом к тёмному крылу библиотеки подходит Шарли, раскрывает двери! От испуга голубоглазый юноша задерживает дыхание и выключает фонарь.

– Ууу... – оглядела синевласая Шарлотта Осо темень. – Не знаю, что за шушары-мушары у тебя тут – мне всё равно, но тебе надо в медпункт!

– Что случилось?! – включил Арти фонарь.

– Лучше тебе самому это от Мулан услышать, – ушла Шарлотта из тёмного крыла и прикрыла за собой дверь.

* * * * *

Пятая комната медпункта. Майкло, Лео, Клара, Ник, Лили, Алис и Киара стоят около кровати розововласой Мулан. Сама девушка просто сидит на койке, прикладывая замороженные маршмеллоу к синяку на левом глазу. Заходят Шарли и Арти.

– Та-да! Я привела его! Где аплодисменты? – пару секунд ожидала синевласая реакции от бывших одноклассников. – Ой, на... Какие вы тяжёлые! – махнула она рукой на Бэ-классников, на всех, кроме Мулан, и обернулась к больной. – Дальше сама объясняйся.

Дэ-классница с фамилией Осо выходит за дверь, а Браун оглядывается.

– А что произошло собственно?!

– Мистика, – хладнокровно произнесла Киара Морган, не глядя Брауну в глаза.

– Мулан...? – присел к ней Браун. – Что приключилось, кто так с тобой?

– Ну... Начну сначала: мы с Шарли мыли полы в холодном цехе столовской кухни, она на минуту вышла, и...

* * * * *

С пару часов назад Мулан и Шарли мыли полы.

– В туалет хочу, не могу больше, – бросила Шарли швабру. – Через минуту приду.

Шарли не было уж десять минут, и спустя ещё минут пять, покуда она выковыривала из зубов остатки зелени с обеда, в холодный цех столовской кухни зашла зелёновласая Гвендолин Ла Фавье с каменным лицом и стеклянными глазами, плавно и незаметно подошла к Мулан, резко схватилась двумя когтистыми лапами за волосы ничего не подозревающей девушки и кинула её в стену.

* * * * *

Настоящее время.

– Я лишь пять минут назад очнулась, – тронула Мулан опухший левый глаз и сеть синяков на шее. – Не понимаю, как это произошло...

– Никогда бы такого и близко вслух не произнёс, но Киара оказалась права: что за мистика?

Морган спокойно обратила на Брауна своё внимание и кивнула.

– Я говорю правду, Арти! А ты, ровно, как и эти вот все, – обвела розововласая руками вокруг одноклассников, – не веришь мне! И эта, – показала Мулан на Шарли, стоящую за стеклянной дверью, – тоже не верит мне!

Николас повернул голову к Лили:

– «Ложь и искусство творят жизнь» – так ведь сказал бы Зощенко?

– Хм, – призадумалась Лилия. – Побывай он в нашей больнице – стопудово что-то да сказал бы, но легче б нам не стало. А в такой ситуации... э? – развела она руки.

– Я верю ей, верю Мулан, – высказалась Алис.

– Суслик тоже верил, – буркнула Кларисса.

– Обычно индюк, – поднял Майклос руки, – но, если в вашей стране варят суп из сусликов, я ничего не имею против.

– Из белки же вкусно! – легко усмехнулся Лео. – Почему бы не попробовать суслика?

– Про кризис мяса во Франции, месье француз, мы не спрашивали, – квакнула Киара и от подтянувшейся к горлу тошноты закряхтела.

– Мы, если что, начали с когтистой Гвендолин, находящейся вне себя! – закричал Артур и успокоился. – Мулан, продолжай.

– Чего продолжать-то? Я сказала всё, как оно было.

– Если случившееся с тобой не поддаётся законам естественности, и ты была трезвее стёклышка, в чём я и не сомневаюсь, тогда какой-то да фактор окружающей среды должен был быть... необычным!

– Насколько неестественной являлась обстановка вокруг, Аалто? – подошёл к больничной койке Дейр.

– Обычней обычного! – расстроилась Мулан.

– И гавкать не о чем – чистое помутнение рассудка.

– Лили, спокойнее! – цыцнула Алисия Таллейн. – Не расстраивайся, Мулан, мы со всем разберёмся.

– Меня расстраивает не то, что произошло со мной, а то, что я буду одной из официанток на балу в таком... – увидела взгустнувшая Мулан собственное отражение в стеклянной двери, – в таком виде. Это ведь и для Талантливого Дома, и для 12-го Бэ-класса, и для меня самой позор!

Арти замотал головой и встал с больничной койки Аалто, оглядев всех:

– Никто не подведёт нашу школу, наш класс и себя, пока я здесь. Дайте мне час, и я скажу, что делать будем, а пока хватит пустые разговоры вести.

– Ты точно ничего не упустила в рассказе? – прищурился Николас в сторону Мулан.

– Точно ничего не упустила.

– Сеньора Ора ругается – идите по местам отработок! – раскрыла Шарлотта Осо дверь и насупилась. – Ну?

– Выздоровливай! – похлопала Алисия ладонью по плечу Мулан.

– Будьте осторожнее, – схватила Аалто руку Таллейн, при этом напугав всех.

– Буду, кхм, – закашлялась Алис.

* * * * *

Ник в процессе игры в шахматы с Калиду так сильно рубит своим слоном пешку, что она падает на пол. Пытаясь поднять её, Ник случайно получает локтём Калиду по глазу.

– Извини! Больно?

Лили отбивает теннисные мячи из аппарата ракеткой. Скорость подачи мячиков увеличивается, и Лили получает одним из них по глазу. Она слышит сквозь пронзительную боль предостережение Рашель: «Ты уверена? Этот аппарат предназначен для бейсбола – для прочной материи отбивающего предмета, а не для сетки в ракетке».

Алис поскользывается на чём-то прямо на верхних, на начальных ступеньках и кубарем скатывается вниз по лестнице, к полу первого этажа.

– О Боже! Алис! – подбегает к ней маленькая лесная колдунья Лумна Рясна.

Девушка встаёт, не поднимая вверх голову, не издавая и звука.

– Всё хорошо, Алис...?

Таллейн поднимает голову – всё её лицо в гематомах. Девочка пугается и пытается помочь подружке встать – девушка аккуратно смотрит на руки: всё в зудящих синяках.

– Невозможно! Нереально!

– Пойдём, Алис... Медсестра Боу подлечит тебя.

* * * * *

Вновь пятая комната медпункта.

– Это неестественно! – кричала Алисия кивающим Николасу и Лилии. – Я будто бы родилась фиолетового цвета или у меня СИНЯКОВАЯ СЫПЬ! Не должны были мы умереть вообще?! Колдовство какое-то!

Дверь открывается с лёгкой руки синевласой девушки: Шарлотта Осо, рассказывающая Артуру Брауну все истории неудачных падений, являет его в Королевство Сказочного Невезения.

– Иронично, правда? – следила Шарли за реакцией Арти с задором.

Его приветливая улыбка сменяется ужасом. Браун оглядывает помещение: кто сидит на койке, кто сидит на стульях, кто стоит, опираясь на стену, кто стоит, не опираясь, кто почти лежит на полу.

Майкло, Лео, Клара, Ник, Лили, Алис, Киара и Мулан – все покрыты открытыми и закрытыми ранами; внутренние и наружные кровотечения друзей, соседей и одноклассников сдвигают что-то в Артиной голове. Шарли выходит молча.

– Вы что все с ума посходили?! – взревел Браун. – Хотя... – чуть шатнулся он на месте, – ваша ли это вина?

Дверь открывается.

– Посиди со всеми, – завела медсестра Боу Джузеппе Растрелли в медпункт.

– Хорошо!

В комнату заходит Джузеппе Растрелли весь в синяках и ссадинах, с разбитыми коленями и локтями, с сетью открытых ран:

– О, друзья мои, и вы здесь!

– Вот ведь жизнь потрепала! – ахнула Киара Морган в своей классической полуискренней манере. – Теперь и А-класс подводит школу перед важным балом, а не только мы – какое счастье!

Тёмноглазый Растрелли обиженно смотрит на светлоглазую Морган.

– Ты понял, как это произошло? – отвернулся Николас Джонс к стене.

– Откуда столько боли и разом, если точнее? – чуть наклонилась вперёд Лили.

– У меня есть одно предположение, однако перед его оглаской надо наконец-то уж отрезать Киаре язык!!! Ой... А...

Ноги Джузеппе пошатываются, Лео ловит его, придерживает, усаживает на койку. Староста А-класса хватается за шею, скалясь.

– Больно?

– Очень, Дейр! Вскоре точно сознание потеряю – не могу больше. Браун! – вздохнул Джу и с сочувствием, с чувством вины на сердце посмотрел на Арти. – Поговори с Дженсеном по поводу масок к балу, иначе это выльется в катастрофу. Мы не должны подвести Студию Талантов, не имеем права.

– Чёрт возьми, Растрелли, ты гений! Маски! Устроить...

– ... бал-маскарад, да. Соригинальничать – в стиле Талантливого Дома, – перебирал Растрелли красные пальцы. – Проблема уже больше, чем внутри класса или двенадцатой параллели, она внутри школы, Арти, и я не представляю, откуда взялась эта зараза на нашу голову!

– Проблема разве не внутри параллели? – присела на колени рядом с Джу сконфуженная Кларисса Старр, а он, тем временем, замотал головой.

– Я видел, как Тою хрень какая-то с потолка упала на спину, как Лумну неаккуратно толкнули в аэротрубу. Если б не господин Жестов, Рясны и след бы простыл с этого света! Бррр!

– Ужас!!! – схватилась Алисия Таллейн за голову.

– Я вспомнила! – соскочила с постели, как ужаленная, Мулан. – Когда в меня вцепилась Гвен, и я уже лежала в полусознательном состоянии на полу, я слышала, как господин Жестов нащёптывал что-то, после щёлкнул пальцами, Ла Фавье грохнулась камнем. И всё. Я вырубилась. Она исчезла.

– Значится, таковым образом ты всё вспомнила? – скрипнул зубами Майкрос. – Часа два назад ты б могла вспомнить всё, призадумавшись! Мы могли и не быть здесь, как смурфики!!!

– Эй-эй, Сандерс, потише! – осадил того Растрелли.

– Вот именно, – встала на ноги Киара Морган и ударила каблуком по полу, что чуть искры не выскочили. – Хватит на сегодня событий, хотя...

– Драк нам ещё не хватает, – с осуждением оценил Леонардо одноклассницу. – Хватит!

– Пойду попытаю счастье не быть вздёрнутым по случайному обстоятельству, – пошёл Артур Браун на выход из медпункта.

– Удачи, – блеснула золотистыми локонами Кларисса Старр. – От всех!

– А холодные цвета тебе к лицу! – булькнула Лилия Нейт в сторону Клары и тихо хихикнула. – А тебе, Арти, успеха у Дженсена.

– Пошла ты... – огорчённо коснулась Старр гематом.

– Поправляйтесь, чудики!

– Ты – наша последняя надежда, Браун, – многозначительно посмотрел кареглазый староста А-класса голубоглазому вслед.

– Я не подведу, – сказал староста Бэ-класса и ненароком взглянул на Мулан Аалто, будто бы ангельски светящуюся. – Постараюсь не подвести.

Артур выходит за дверь, по пути здоровается с Томасом Гётренгом.

– Здравствуй! И ты туда же?!

– Будь здоров! – горько рассмеялся Томас. – Куда бы ни было, я туда!

Гётренг заходит в ту самую комнату медпункта, откуда вышел Браун.

– Я так понимаю, что было весело, ребята?

Светлоглазый усмехается, кидая взгляд на двери и окна пятой комнаты студийского медпункта, прозрачное стекло которого мутнеет и темнеет. Артур с непониманием задерживает взор и вглядывается в своё отражение, нервно усмехается, вспоминая сон с восьмью собственными отражениями и зеркалами, с золотым человеком, светом и звёздами.

– Надеюсь, мы не сходим с ума... – осторожно коснулся он пульсирующего виска.

Глава 28. Кабинет директора

♪ God Is An Astronaut – From Dust to the Beyond

Дженсен сидит за своим столом в очках, внимательно читает текст важных разноцветных бумаг. Арти стучит в дверь и, не дожидаясь ответа, заходит. Директор снимает очки и с улыбкой смотрит на вошедшего. Обзор лихо кружит вокруг них. Музыка становится громче.

– Мне нужно поговорить с вами, – сквозь музыку обратился Артур Браун к директору. – Это касается масок.

– Масок, Арти?

– Масок. И бала-маскарада, сэр.

Дженсен азартно смотрит на очень серьёзно настроенного юношу. Нервная мелодия стучит по голове, становится чуть громче.

– Что с вами, Дженсен?

– Ты мне напоминаешь одного очень упрямого молодого человека, Арти, – выдержал молодой мужчина любопытствующую паузу. – Продолжай! Я жду подготовленного рассказа-доклада ко мне о... бале-маскараде?

Проходит десять минут, директор украдкой соглашается на интересную идею, поданную Джузеппе в медпункте, слышит бесхитростную и пылкую историю о падениях всех в Талантливом Доме, смущается, издаёт лишь: «Дух Талантливого Дома бесится...» и кивком отправляет Арти в медпункт к друзьям.

– Про Дух Талантливого Дома – это вы серьёзно, Дженсен? – не собирался Бэ-классник уходить. – Вы в него верите?

– Это семейная традиция, а исповедоваться и объясняться – это долго, я, пожалуй, промолчу.

– Пожалуйста, расскажите мне, почему вера в дух школы – семейная традиция?

– Нет, прости.

– Умоляю вас! Что за... долгая история? – помедлил двенадцатиклассник. – Попросить ещё? Упасть на колени?

– Любознательность одаривает и убивает, Арти.

– Это как-то связано с вашей двоюродной сестрой, которая до мисс Джессики была главной учительницей музыки?

– Эх... Ты, наверное, мне не поверишь, но до гибели мисс Доминики, моей сестры, я не знал, в душе не чаял о существовании Вертфлеста, – помедлил и тяжестью на сердце продолжил Дженсен. – Доминика верила в Дух Талантливого Дома, написала о нём в дневнике, завещала дневник мне, она... она попросила меня прилететь и приплыть сюда, на остров Шолотля, в Студию Талантов, попросила через строки в завещании соответственно, ох... попросила посмотреть на это жёлто-белое солнце собственными глазами, услышать шум листвы того леса, в котором умерла, – замолк на бесконечно тянущуюся минуту молодой мужчина. – Зачем меня, именно меня, с кем не общалась много лет?! Видимо, она была уверена, что я пойму её, не захочу или не смогу судить. В дневнике было написано, что Духом Талантливого Дома вместо призрака Сены Паон станет она, а душа Сены Паон уберётся в оное место обитания – в музей у лимонного сада, полагаю? В общем, так я оказался здесь, по просьбе погибшей сестры, которая, по её дневниковым заверениям, дух школы теперь. С тех пор я защищаю школу, как могу, стал её лицом, я защищаю нас каждый день... и мою сестрёнку в том числе. Я не сумасшедший, пойми, я просто верю словам дорогого мне человека – верю до сих пор, спустя годы, и я имею право верить в то, что здесь мы с ней, в Талантливом Доме, делаем одно и то же. Всё-таки безумно прозвучало.

– Из всех, кому она могла написать, она написала лучшему кандидату, и я верю, что она может защищать нас, как и вы нас защищаете. Мы ценим вас, Дженсен!

– Спасибо, Арти. Прошу, пусть эта история останется между нами.

– Я обещаю, однако у меня возник небольшой вопрос: если вы с мисс Джесс росли вместе, то где вы познакомились, если не в Вертфлесте?

– В месте, кхм, крайне далёком отсюда. Как ты думаешь, что сейчас с нами происходит? – наклонился Дженсен над бумагами сердито.

– Что происходит? – смутился Арти.

– Ничего особенного, – сделал директор вид, будто последнего вопроса не было. – Иди! – приветливо улыбнулся он.

Глава 29. Комната, спрятанная от лишних глаз: часть вторая

В пятую комнату медпункта врывается Арти:

– Где Томми?

– Вышел за сэндвичами, – вскочил со стула Леонардо Дейр, – а что такое?

– Я знаю, вам больно, всё зудит и колется под кожей и на коже. Выглядите – отвратительно!

– Спасибо, везунчик, – шикнула Киара Морган, – что ещё скажешь «приятного»?

– Нельзя сидеть и, кхм, – посмотрел Арти на лежащего на полу Ника, – сидеть и лежать нельзя, во имя Духа Талантливого Дома и всех нас нам надо разгадать, что за комната под музеем! Что там? Кто там?

– Там не может быть кого-то, а вот что-то там определённо спрятано от лишних глаз, и мы не имеем богатства отлёживаться и отсиживаться, когда нужны школе и когда должны разгадывать пыльные тайны! – встала особняком у Артура Брауна Алисия Таллейн. – Всем встать, пираты! Долг зовёт!

* * * * *

Майкло платит за сэндвич в «Крылатых Семиножках». Клара виляет бёдрами от «Крылатых Семиножек» до Талантливого Дома, стучит каблуком по асфальтовой дороге. Лили поднимает голову на витражные окна и рисунки лицевой стены Студии Талантов. Арти здоровается с женщиной на ресепшне их учебного заведения. Киара неспеша идёт по первому этажу до маленького коридорчика между левой лестницей, ведущей на второй этаж, и стеной. Мулан заходит в тёмный коридорчик, настороженно и уверенно доходит до его конца и ступает на первую ступеньку лестницы до минус первого этажа, а Ник крепким шагом спускается по этой лестнице. Алис шустро осматривается по сторонам около двери в школьный музей.

– Вот мы и внутри, – произнёс Лео внутри музея, оборачиваясь к восьмёрке друзей, – что дальше?

Щелчок. Постамент с восковой статуей Сены Паон отодвигается в сторону.

– Это знак? – отреагировал Ник.

– Даже знать не хочу... – сделала Лили шаг вперёд. – Пойдём. Не зря же, хах, мы пришли!

– Не зря! – подал Николас ей руку.

Они подходят к вдруг открывшейся лестнице с маленькими каменными ступеньками и друг за другом спускаются в тайную комнату – комнату, спрятанную от лишних глаз.

– Слишком много «а вдруг?» в последнее время – вы не заметили? – решила разбавить пугающую тишину словом Киара Морган.

Вопрос не требовал ответа, но и был не последним:

– Арти, как разговор с Дженсенем?

– Сказал, что подумает над идеей бала-маскарада вместо бала, что идея ему очень нравится!

Ребята ступают на бетонный и неотделанный пол с подобными и стенами, и потолком.

– Тёплые! – притронулась Мулан к настенным батареям. – Как в музее.

– И вода есть! – открыла Лили кран с водой.

Лили регулирует температуру воды и чутко трогает воду, уставившись на слив умывальника.

Ник смотрит на горящую и запутанную в паутине лампочку на потолке.

Арти пару раз щёлкает переключатель: не горит, горит, снова не горит, горит.

– Кто-то в своё время не выключил свет – либо забыл, либо же... – мельком глянул Арти на счётчик.

– Не успел? – повела бровью Алис.

Лео открывает дверь туалета и закрывает её, а Клара упирается руками на пыльный стол и испуганно поднимает чёрные от пыли руки да оглядывает свои отпечатки на массивном деревянном столе.

– Жить можно! – восхитился Леонардо.

– И ведь кто-то жил... Брр!!! – перетряслась вся от омерзения Кларисса. – В подвале, считайте!

– Поверить не могу, что мы в тайной комнате, – покружилась, будто вальс с клубами пыли станцевала, Алисия. – Невероятно и странно!

Киара ошарашенно садится на чью-то заправленную кровать.

– Всё это время под музеем горел свет! – с ужасом оглядела Кларисса Старр серые стены.

– Ученье – свет, неученье – тьма. Смотрите! – обратил Майклос Сандерс внимание ребят на четыре сейфа в стене.

Алисия приоткрывает один из тайников, заглядывает в пространство с ржавым светом и выкрадывает у пауков сценарий «Моя жизнь».

– Здесь фамилия Мейсон фигурирует, – открыла Клара какой-то сценарий и закрыла его. – «История Сены Паон», ох ты!

– А у меня «Фредди – повелитель швов чудотворческого мира». Целая книга, – просмотрел Арти на самые первые страницы. – Эрколе Хота и здесь есть?! Уф...

– Уоу! А у меня про девушку, которая, мм... – пожала Алис плечами, – задаёт слишком много вопросов?

Лили тянет руку в сторону сейфа с белым светом, но одёргивает её. Ник смотрит на тонкий сценарий в тайнике с опасением, а Клара, невзирая на страх остальных, берёт произведение киноискусства в руки.

– «История Федерико Мейсона»! – охнула Кларисса. – В холодном свете была Сена, в тёплом – какой-то Фредди, здесь сам Феде Мейсон, дедушка Джоанны, а в, мм, грязном свете история странная... – попыталась вытереть пальцы светловласая.

Мулан тем временем открывает первый ящик в столе.

– Тут чья-то записная книжка, – громко сказала розововласая и зачитала. – *«Сегодня важный день! У меня появилась идея для сериала, основанного на реальных событиях, «Эндрю – тяжёлый путь счастья непростого человека», – задумалась она и подняла глаза. – Хм, не слышала о таком.*

Лео достаёт ежедневник из того же ящика.

– Ежедневник Доминики/Деми Ф., – порылся рыжевласый в документах под заметками. – Выдано: Доминике Фет. ФИО/ИФ: Доминика Фет. Что? Нет!

– Это комната сестры директора?! – вскочила Киара с кровати.

– Не верю! – крикнул Лео.

– Что, уже не хочется спать, да? – нервно ухмыльнулся Арти.

– Если это ЕЁ заметки, то это потрясно!!! – восхитилась Алис и огляделась, серые стены побелели, появились на стенах синие полосы-линии, да они запрыгали, как ноты в тетради или словосочетания в книге.

– Здесь какой-то сценарий... – резким движением руки открыл Лео второй ящик в столе, полистал находку. – Недописанный.

Он садится на корточки и открывает приоткрытый давным-давно третий ящик, что в два раза больше первых двух.

– Шкатулка! – расплылась в улыбке Лили. – Хоть какая-то нетекстовая находка!

Лео, до сих пор сидя, передаёт Нику деревянную шкатулку, отделанную тканью цвета черничного йогурта и украшенную небольшими матовыми камнями.

– Это аметисты?

– Скорее всего, Ники! – протянула Нейт к Джонсу гибкие пальцы. – Можно мне...?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.